

РЕНЕ КАРЛИНО

ПОКА МЫ НЕ СТАЛИ

НЕЗНАКОМЦАМИ

Оригинальное название: Before We Were Strangers by Renee Carlino (2015)

Переведенное: Рене Карлино — Пока мы не стали незнакомцами (2017)

Перевод: Александра Журомская

Редакторы и оформитель: Елена Глоба

Обложка: Анастасия Токарева

Вычитка: Анна Ковальчук

Переведено специально для группы: Книжный червь / Переводы книг

Любое копирование без ссылки

на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация:

От автора бестселлеров “Сладкая штучка” и “Только здесь и сейчас” по версии USA TODAY, написавшей историю любви про публикацию об утерянной связи, вывешенную на платформе “Крейгслист”, благодаря которой двое людей обрели второй шанс на любовь послеразлуки в Нью-Йорке пятнадцать лет тому назад.

Зеленоглазой Голубке:

Мы встретились пятнадцать лет назад, аккурат в тот день, когда я переезжал в нью-йоркское общежитие для старшекурсников, в комнату по соседству с твоей.

Ты называла нас близкими друзьями. Мне нравится думать, что мы были чем-то большим.

Мы жили, наслаждаясь поисками себя через музыку (ты была одержима Джеффом Бакли), фотографию (я не мог перестать фотографировать тебя), во время зависаний в Вашингтон-Сквер-парк и пока занимались прочими странными вещами, лишь бы заработать денег. За тот год я понял о себе гораздо больше, чем залюбой другой.

Однако, каким-то образом все развалилось на части. Мы утратили связь летом после выпуска, когда я отправился в Южную Америку, чтобы поработать для “Нэшнл Географик”. Когда я вернулся, ты уже пропала. Отчасти я все еще думаю, что оттолкнул тебя после женитьбы...

С тех пор я тебя не видел. И вот снова — месяц назад. Это была среда. Ты качалась на каблуках, балансируя на желтой линии, что тянется вдоль платформы в метро, и ждала поезд F. Я не понимал, что это ты, пока не стало слишком поздно. Ты умчалась. Снова. Ты произнесла мое имя. Я прочитал его по губам. Я пытался вынудить поезд остановиться, просто чтобы сказать: “Привет”.

Я увидел тебя, и ко мне вернулись чувства и воспоминания из той живой молодой поры, и большую часть месяца из головы не выходит вопрос — какой стала твоя жизнь. Может, я выжил из ума, но ты не против опрокинуть со мной по стаканчику, поболтать, обсудить последние пятнадцать лет?

М

Оглавление:

Акт первый:

НЕДАВНО

1. Ты все еще думаешь обо мне?
2. Через пять дней после того, как я увидел тебя
3. Через пять недель после того, как я увидел тебя

Акт второй:

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

4. Когда я встретил тебя
5. Ты была подобна свету
6. Мне нужно было узнать тебя

7. Ты была моей музой

8. Ты изменил меня

9. Почему мы не объяснились?

10. Когда я стала твоей

11. Мы дали негласные обещания

12. Казалось, все было правильно

13. Все изменилось?

14. У тебя были сомнения?

15. Грейси...

16. Следовало сказать тебе

17. Мы принадлежим друг другу

18. Мы были влюблены

19. Что с нами стало?

Акт третий:

СЕЙЧАС, ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

20. Ты помнишь...

21. Я искал тебя в остальных

22. Почему не сейчас?

23. Кем, ты думала, я был?

24. Когда-то мы были любовниками

25. Вернись ко мне

26. Наше время

Акт четвертый:

СВИДЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ЖИЗНЬ ПЫЛАЕТ ЯРКО

Посвящается Сэму и Тони, которыми я благословлена и которых мне посчастливилось
знать.

Жизнь идет не назад и не дожидается вчера.

Халиль Джебран «Пророк»

Пер.: И. Зотиков

Акт первый:

НЕДАВНО

Ты все еще думаешь обо мне?

МЭТТ

Жизнь проносилась мимо на огромной скорости, пока я сидел на стуле, откинувшись на спинку и закинув ноги на стол. Отрицал перемены, игнорировал мир, плюс к перечисленному избавлялся от всего, что грозило обрести значение или важность. Я был категорически не согласен со всеми новшествами. Презирал использование смайликов «эмодзи», слово «мета» и людей, разговаривавших по телефону в очереди. Даже не втягивайте меня в эти обновления. В радиусе трех кварталов от офиса, где я работал, находилось двадцать одно кафе «Старбакс». Звукозаписывающие студии, кинолаборатории, а также магазины с пластинками загибались, если, конечно, еще не стали вакантными склепами, превратившимися в кондитерские с капкейками, парикмахерские или салоны. На MTV больше не было видеоклипов, а в барах запрещалось курить. Я больше не узнавал Нью-Йорк.

Вот каким мыслям я предавался, сидя в своем боксе четыре на четыре в офисе «Нэшнл Джиогрэфик». С тех пор, как пришел сюда несколькими годами ранее и получил рабочий стол, здесь больше ничто не казалось ни национальным, ни географическим. Я был полевым сотрудником и видел все, а прибыл в дыру, где не узрел ничего. Я был в центре города, который любил, снова представляя руки Нью-Йорка, но мы были незнакомцами. Меня все еще тянуло к прошлому, и мне не было понятно, почему.

Скотт хлопнул меня по спине.

— Эй, приятель. В Бруклин на ланч?

— Зачем так далеко? — Я сидел за столом, нервничая из-за батареи на телефоне.

— Там есть одно местечко, «Чиччо», я хотел бы, чтобы ты попробовал там пиццу. Слышал о нем?

— Мы можем поесть хорошей пиццы на Пятой.

— Нет, ты должен побывать там, Мэтт. Это место феноменально.

— Что там феноменального — пицца или персонал?

С момента моего развода, который произошел несколько лет назад, Скотт — босс, друг и заядлый холостяк — лелеял надежды, что я стану его постоянным сопровождающим. Его невозможно было отговорить ни от чего, особенно если это подразумевало женщин и еду.

— Подловил. Ты должен увидеть эту девчонку. Мы назовем выход рабочим собранием. Я запишу все на карту компании. — Скотт относился к тем, кто о женщинах говорил много, а о порно и того больше. Он был жестоко оторван от реальности.

— Уверен, что где-то это классифицируется как сексуальное домогательство.

Он облокотился на разделительную стенку. У него было привлекательное лицо, и он всегда улыбался, но если бы вы не виделись с ним неделю, то и не вспомнили бы, как он выглядит.

— Поедем на метро.

— Привет, парни. — Мимо, потягивая кофе, прошла моя бывшая жена.

Я проигнорировал ее.

— Привет, Лиз, — ответил Скотт, после чего, когда она уходила дальше, начал пялиться на ее зад. Он повернулся ко мне. — Не странно ли тебе работать с ней и Брэдом?

— Я всегда работал с ней и Брэдом.

— Да, но она была твоей женой, а теперь жена Брэда.

— Вот честно, мне плевать. — Я встал и схватил куртку.

— Хороший знак. Я тебе верю. Потому и знаю, что ты готов к чему-то необычному.

Я часто пропускаю мимо ушей подобные реплики Скотта.

— Сначала мне нужно заглянуть в «Веризон» и купить новую батарею, — говорю я, махая своим телефоном.

— Чтоэто?

— Сотовый телефон. Кажется, ты такие уже видел.

— Во-первых, никто больше не говорит «сотовый телефон». Во-вторых, это не телефон, это артефакт. Нам следует заехать в «Смитсоиан» и взять тебе айфон.

По пути из офиса мы прошли мимо Китти, девушки, разносившей кофе.

— Здравствуйте, джентльмены.

— Китти, — я улыбнулся.

Она покраснела.

Скотт молчал, пока мы не зашли в лифт.

— Тебе следует переспать с ней. Совершенно ясно, что она тебя хочет.

— Она еще ребенок.

— Она выпускница колледжа. Я нанял ее.

— Не в моем вкусе. Ее зовут Китти.

— Ладно, вот сейчас ты просто грубый. — Он, кажется, немного обиделся за Китти.

— Я в порядке. Почему все вдруг стали считать, что помочь мне — их миссия жизни? Я в порядке.

— Часики тикают.

— У мужчин нет часиков.

— Тебе тридцать шесть.

— Еще молод.

— Не в сравнении с Китти.

Двери лифта разъехались, и мы вышли в холл. Огромная распечатка моего фото красовалась во всю длину стены.

— Видишь, Мэтт? От этого женщины мокнут.

— Это фото иракского ребенка, держащего автоматическое оружие.

— От Пулитцера, который ты получил, гений, а не от фото. — Он скрестил руки на груди.

— Этот год у тебя был хорошим.

— Да, это точно. Хотя бы в профессиональной сфере.

— Говорю тебе, нужно использовать это преимущество. Благодаря этому фото ты в некотором роде знаменит. На мне это сработало.

— Каким это образом?

— Я мог одолжить твое имя на ночь. Раз или два.

Я рассмеялся.

— Это бесстыдство, мужик.

— Китти запала на тебя. Ты должен дать этой маленькой горячей штучке то, чего она хочет. Знаешь, о ней ходят слухи.

— Еще одна причина держаться подальше.

— Нет, хорошие слухи. Типа, она безумная. Маленькое животное.

— И почему это хорошо?

Мы вышли из здания и направились к станции метро на Вест 57, чтобы успеть на поезд F. В это время центр города всегда переполнен, но близился конец зимы. Солнце пробивалось между домами, вытягивая на улицу еще большее количество людей. Я нырял в толпу и выплывал из нее, а Скотт следовал за мной.

Прямо перед тем, как мы достигли входа на станцию, он громко заговорил у меня за спиной.

— Она, вероятно, согласна на анал.

Я остановился и на ступеньках повернулся к нему лицом.

— Скотт, этот разговор неприемлем по очень многим причинам. Давай просто прекратим его, хорошо?

— Я твой босс.

— Вот именно. — Я торопливо спустился по лестнице, держа путь к турникетам.

Внизу спуска пожилая женщина играла на скрипке. Ее одежда была выцветшей, а волосы седыми и спутанными. Струны, похожие на оторвавшиеся лисьи хвосты, свисали со смычка, но ее исполнение Брамса было безупречным. Когда я бросил пять баксов в ее футляр, она улыбнулась. Скотт покачал головой и потянул за собой.

— Я пытаюсь поддерживать в тебе радость и продуктивность, Мэтт.

Я провожу проездным на метро.

— Дай мне надбавку. Тогда я буду радостный и продуктивный.

На станции было столпотворение. Поезд уже прибыл, но мы застряли за огромной группой людей, что ломались вперед, будто у них было какое-то место, где им важно находиться. Скотт держался позади, оценивая женщину, стоящую к нам спиной. Она стояла у края платформы, качалась, переступая с пятки на носок, и балансировала на желтой линии.

Было в ней что-то поразительное.

Скотт толкнул меня локтем, затем пошевелил бровями и одними губами произнес: «Милая попка». Мне захотелось дать ему по шее.

Чем больше я смотрел на нее, тем сильнее чувствовал притяжение. Толстая коса цвета блонд струилась по ее спине. Руки убраны в карманы черного пальто, и мне довелось заметить, что она, как ребенок, отбивала веселый ритм скрипичной музыки, эхом отскакивающей от стен станции.

Когда поезд наконец остановился, она позволила торопившимся людям проскочить мимо нее, после чего сама зашла в вагон в последнюю секунду. Мы со Скоттом стояли на желтой линии, ожидая следующий, не настолько заполненный поезд. Как только двери вагона захлопнулись, она повернулась. Наши взгляды встретились.

Я моргнул. Твою мать.

— Грейс?

Она прижала ладонь к стеклу и беззвучно спросила:

— Мэтт?

Но поезд отъезжал. Без единой мысли я побежал. Я бежал, как сумасшедший, до самого конца платформы, и, не разрывая зрительного контакта с ней, махал рукой, вынуждая поезд остановиться. Когда я достиг конца платформы, то наблюдал за тем, как поезд уносился в темноту до тех пор, пока она не исчезла.

Догнав, Скотт уставился на меня со всей серьезностью.

— Ого, мужик. Что это было? Казалось, будто ты увидел привидение.

— Не привидение. Грейс.

— Какую Грейс?

Я был ошеломлен, пялясь в пустоту, что засосала ее.

— Девушку, с которой был знаком.

— Которую упустил, что ли? — спросил Скотт.

— Типа того.

— И у меня было похожее. Джени Боуэрс, первая девушка, пославшая мне воздушный поцелуй. Я возвращался к этому случаю, пока мне не исполнилось тридцать.

Я проигнорировал его. Мои мысли были заняты только Грейс.

Скотт продолжал:

— Она была из группы поддержки. Вертелась рядом со старшеклассниками — командой по лакроссу. Все они называли ее «Терапевтом». Я не знал почему. Мне казалось, что после того воздушного поцелуя она станет моей девушкой.

— Нет, все не так, — прервал я его. — Мы с Грейс встречались в колледже, прежде чем я встретил Элизабет.

— Ох, вот как. Ну, она хорошо выглядела. Может, тебе стоит попытаться связаться с ней.

— Да, может, — пробормотал я, но решил, что нет ни единого шанса, что она одинока.

Я позволил Броди, семнадцатилетнему консультанту в «Веризоне», уговорить меня купить новейший айфон. Вообще-то, обладать новейшим телефоном, как оказалось, дешевле на восемь долларов в месяц. В этом мире для меня больше ничто не имело смысла. Я был отвлечен, пока подписывал документы, потому что образ уносящейся в поезде, уплывающей в темноту Грейс беспрерывно крутился в голове с тех самых пор, как я покинул станцию.

За пиццей Скотт показал мне, как играть в «Энгри Бердс». Мне показалось, что это был нехилый шаг к преодолению моей фобии технологий. Девушка, которую Скотт надеялся увидеть, не работала, так что мы съели пиццу и отправились обратно в офис.

Как только я вернулся в свой рабочий угол, то загуглил имя Грейс в различных вариациях — имя, второе среднее и фамилию, потом второе имя с фамилией, — но безуспешно. Как такое возможно? Что за жизнь она вела, раз о ней не было ни одного упоминания в интернете?

Я думал о том, что случилось с нами. Думал о том, как она выглядела в метро — все еще прекрасно, какой я ее и запомнил, но изменившейся. Никто бы никогда при описании Грейс не назвал ее привлекательной. Даже несмотря на ее миниатюрность, она была слишком необычной, чтобы быть привлекательной с ее большими зелеными глазами и огромной копной светлых волос. В ее глазах, казалось, была пустота, а лицо слегка огрубело с нашей последней встречи. Хватило одного взгляда, чтобы понять — она больше не искрилась, не была тем человеком свободного духа, что я знал годы тому назад. Я стал сходиться с ума, задаваясь вопросом, какой стала ее жизнь.

Из комнаты отдыха с противоположного конца офиса раздались громогласные поздравления. Я побрел туда, чтобы застать конец объявления бывшей жены — она делилась с коллегами новостью о беременности. С момента развода прошло не так много времени, вот я и начал остро подмечать, что все вокруг веселятся да живут полной жизнью. Я стоял на месте, топтался на платформе и наблюдал, как уходит один поезд за другим, и мучился от

незнания, который из них все же мой. Элизабет добралась до следующей остановки, начала строить семью, а я тихонько крался обратно к своему дерьмовому боксу, надеясь остаться незамеченным. Мне было плевать на нее и новость о ее беременности. Я был нем... но все равно настроил ей электронное письмо из неких остаточных обязательств после нашего неудавшегося брака.

«Элизабет,

Мои поздравления. Рад за тебя. Я знаю, как сильно ты хотела ребенка.

С наилучшими пожеланиями, Мэтт.»

Через две минуты раздалось оповещение о получении письма.

«С наилучшими пожеланиями? Серьезно? Не можешь сказать «с любовью» после того, как провел со мной почти десять лет своей жизни?»

Я не ответил. Я торопился. Мне нужно было вернуться в метро.

.Через пять дней после того, как я увидел тебя

МЭТТ

Я взял проклятый проездной на маршрут F и каждый день во время ланча на протяжении часа ездил из центра в Бруклин и обратно в надежде снова столкнуться с Грейс, но безуспешно.

На работе все пошло кувырком. Три месяца назад я подал заявку для набора в полевую группу, но ее не подтвердили. Теперь мне приходилось наблюдать за снующими туда-сюда Элизабет и Брэдом, которые светились каждый раз, когда их поздравляли с пополнением и повышением Брэда, о котором стало известно сразу после объявления о беременности Лиз.

Тем временем я все еще сопротивлялся любым новшествам в моей жизни. Я был инертной лужей дерьма. Я записался в волонтеры, чтобы вернуться в Южную Америку со съемочной командой «Нэшнл Джоиграфик». Нью-Йорк больше не был прежним. Как по мне, в нем не осталось магии. Амазонские джунгли с их потрясающими и экзотическими заболеваниями казались более привлекательными, чем принимать заказы от бывшей жены и ее самодовольного мужа. Но мой запрос не был ни одобрен, ни отклонен. Он просто пылился в куче прочих запросов на столе Скотта.

Уставившись в стену в комнате отдыха, я размышлял о текущем состоянии своей жизни. Стоя у кулера с водой и держа наполовину пустой бумажный стаканчик, я анализировал эфемерные годы, проведенные с Элизабет, и задавался вопросом: почему? Каким образом все стало так кошмарно?

— Чего делаешь, мужик? — раздался голос Скотта со стороны дверного проема.

Я повернулся и улыбнулся.

— Просто думаю.

— Ты вроде выглядишь получше.

— Вообще-то, я думал о том, как дошел до того, чтобы в тридцать шесть быть разведенным и заточенным в кубическом аду.

Он подошел к кофемашине и наполнил чашку до краев, после чего облокотился на стол.

— Ты был трудоголиком?

— Не поэтому Элизабет была неверной. В тощеньких ручонках Брэда она чувствует себя нормально, а он работает больше меня. Черт, Элизабет работает больше меня.

— Зачем ты копаешься в прошлом? Посмотри на себя. Ты высокий. У тебя есть волосы. И, кажется, — он машет рукой в сторону моего живота, — у тебя есть пресс?

— Ты исследуешь меня?

— Я бы убил за волосы как у тебя.

Скотт был из типа парней, что лысели в двадцать два года. С тех пор он бреется в стиле «Мистера Пропера».

— Как женщины называют эту хрень? — он указывает на мой затылок.

— Пучок?

— Нет, у этой прически есть название посексуальнее. Дамочки любят подобное дерьмо.

— Они зовут его мужской пучок.

Он изучает меня.

— Иисусе, ты свободный мужчина, Мэтт. Почему бы тебе не выйти на охоту в саванне, чтобы вернуться в игру? Не могу смотреть, как ты хандришь. Я думал, ты покончил с Элизабет.

Я закрыл дверь комнаты отдыха.

— Я и покончил. Элизабет меня не интересуется уже очень давно. Мне даже сложно вспомнить времена, когда я был ею увлечен. Путешествуя с ней, делая фото, я был втянут в фантазию о любви. Но всегда чего-то не хватало. Может, я много работал. Я имею в виду, что только о работе мы и говорили, только это у нас и было общее. А теперь посмотри, где я.

— Что с девушкой из метро?

— А что с ней?

— Не знаю. Я думал, ты попытаешься связаться с ней.

— Да. Может. Проще сказать, чем сделать.

— Тебе просто надо выложиться по полной. Поискать в социальных сетях.

Найду ли я там Грейс? Я колебался между желанием сделать все возможное, чтобы найти ее, и чувством, что это абсолютно бессмысленно. Она может быть не одна. Может быть чьей-то женой. Кого-то лучше меня. Я хотел убраться подальше от всего, что напоминало бы

мне о том, что у меня до сих пор ничего нового.

— Если ты так заботишься обо мне, почему не одобрил мой запрос? — спросил я.

Он нахмурился. Я обратил внимание, насколько глубокая у него морщина между бровями, и до меня дошло, что мы же со Скоттом ровесники... и он старел.

— Я имел в виду не настоящие саванны, мужик. Побег не решит твоих проблем.

— А теперь ты мой мозгоправ?

— Нет, я твой друг. Помнишь, когда ты просил о работе за столом?

Я направился к двери.

— Просто прими решение. Прошу, Скотт.

Прямо перед тем как я вышел из комнаты отдыха, он сказал:

— Ты гонишься не за тем. Это не сделает тебя счастливым.

Он был прав, и себе я мог в этом признаться, но не вслух. Мне казалось, если я снова получу награду, и мою работу признают, то это заполнит черную дыру, что пожирает меня изнутри. Но глубоко в душе я знал, что это не выход.

После работы я сел на автобусную остановку у здания «Нэшнл Джиогрэфик». Я наблюдал за толпой людей, пытающихся добраться до дома, бегущих по заполненным тротуарам центра города. Мне стало интересно, могу ли я судить, насколько человек одинок, основываясь на том, насколько он или она торопились. Ни один человек, если его ждут дома, не станет сидеть на автобусной остановке после десятичасового рабочего дня и наблюдать за людьми. В сумке я всегда с собой носил камеру университетских времен «Пентакс», но не пользовался ею долгие годы.

Я вытащил ее из сумки и начал щелкать людей, заходивших в метро и выходящих из подземки, фотографировал ждущих автобус и ловящих такси. Я надеялся, что увижу ее через линзу, как много лет назад. Ее свободный дух; то, как она могла разукрасить черно-белое фото одним своим магнетическим присутствием. Я думал о Грейс на протяжении долгих лет. Что-то простое, вроде запаха подслащенных блинов или звука виолончели теплым днем в центральном парке либо на Вашингтон-Сквер-Парк, могло перенести меня обратно во времена учебы в университете. В год, что я провел влюбленным в нее.

Мне было сложно вновь увидеть красоту Нью-Йорка. При том условии, что большинство отбросов общества и радикалов исчезло, во всяком случае, в Ист-Виллидж. Было чище, город был озеленен, но осязаемой энергии, что я чувствовал, будучи в университете, больше не было. По крайней мере, для меня.

Время утекало, жизнь шла своим ходом, места менялись, люди менялись. А я после того,

как увидел Грейс в метро, по-прежнему не мог выбросить ее из головы. Пятнадцать лет — слишком большой срок для того, чтобы хранить пару дорогих сердцу моментов со времен университета.

.Через пять недель после того, как я увидел тебя

МЭТТ

— Мэтт, я с тобой говорю.

Я поднял взгляд и увидел Элизабет, перегнувшуюся через перегородку.

— А?

— Я спросила, не хочешь ли ты пообедать с нами и просмотреть новые слайды?

— С кем это «нами»?

— Со Скоттом, Брэдом и мной.

— Нет.

— Мэтт... — начала предупреждать она. — Ты должен быть там.

— Я занят, Элизабет. — Я играл в sudoku, что было нарисовано на коричневом бумажном пакете из гастронома, где я купил сэндвич с индейкой. — И еще я ем. Не видишь, что ли?

— Ты должен есть в комнате отдыха. Я чувствую запах твоего лука в конце коридора.

— Это потому что ты беременна, — проговорил я, жуя сэндвич.

Она фыркнула, после чего развернулась и ушла прямо по коридору, бормоча что-то себе под нос.

Скотт подошел к моему кубическому рабочему месту минутой позже.

— Нам нужно просмотреть эти слайды, приятель.

— Могу я просто поесть в тишине и покое? И, кстати, ты рассмотрел мой запрос?

Он ухмыльнулся.

— Ты связался с той девчонкой из метро?

— Я езжу на метро до Бруклина каждый день месяц напролет и ни разу не увидел ее. Я

пытался.

Это была правда, я искал Грейс. После работы я прогуливался по всем нашим любимым местам в Ист-Виллидж, даже проводил какое-то время у комнат общежития Нью-Йоркского университета, где мы жили. Ничего.

— Хм-м-м, — он почесал подбородок. — Даже учитывая все современные технологии, ты зашел в тупик. Может, она написала объявление на доске о «потерянных связях». Там ты смотрел?

Я опустил сэндвич.

— Что за доска с «потерянными связями»?

Скотт зашел ко мне в огороженный перегородками куб.

— Вставай, дай мне сесть. — Я поднялся со своего стула. Скотт уселся на него и запустил на компьютере сайт «Крейглист», после чего прошел в раздел «потерянные связи». — Это на случай, если ты увидел кого-то где-то и понял, что у вас появился интерес, но не знал, как его проявить. Тогда ты можешь написать пост о случившемся и надеяться, что тот человек его найдет.

— Почему бы просто не попросить номер?

— Сейчас пошла новомодная волна этих сверхчувствительных парней. Типа, если у тебя нет яиц, чтобы подойти к девушке, но, возможно, возникло притяжение, ты можешь опубликовать запись. Если девушка тоже ощутила связь, она может увидеть пост и ответить на него. Никакого ущерба, никаких провалов. Ты пишешь, где все произошло и что на тебе было надето, чтобы тот человек мог понять, что там был ты.

Я косился на монитор и думал, какая же это тупая идея.

— Ага, вот только я знал Грейс. Я мог сказать ей «привет», если бы у меня была еще хотя бы секунда до отправления поезда.

Скотт повернулся на стуле и оказался ко мне лицом.

— Слушай, ты не найдешь ее в метро. Преимущество не на твоей стороне. Может, какое-то из этих посланий написала она?

— Я посмотрю. Хотя почти уверен, что если бы она хотела меня найти, то проблем не возникло бы. Мое имя не менялось, да и работаю я на том же месте.

— Кто знает. Просто прочти их.

Я весь полдень читал посты типа «Я увидел тебя в парке, на тебе была голубая ветровка. Мы довольно долго переглядывались. Если я тебе понравился, позвони мне». Или «Куда ты

ушла ночью из «СаГалле»? Ты говорила о вишневом мартини, а потом исчезла. Я думал, что понравился тебе». «Как жизнь? И что за дела, я хочу сделать с тобой столько грязных вещей. Я думал, ты это понимала, когда жарко приземлилась на меня и потерлась о ноги в «КлубФоти». Звякни».

Грейс там не было, и я был почти уверен, что никто старше тридцати не станет искать что-то в «потерянных связях». И тогда я прочитал послание, которое называлось «Поэма для Маргарет».

Однажды были только ты и я,

Мы были любовниками,

Мы были друзьями,

Прежде чем жизнь изменилась,

Пока мы не стали незнакомцами.

Думаешь ли ты обо мне?

—Джо—

Я не мог себе представить двадцатилетних Джо и Маргарет, которые говорили бы о прошлом в подобной манере. Станным образом сообщение в точности передавало мои чувства к Грейс, и на мгновение я задался вопросом — не она ли его написала? Я позвонил по указанному номеру и мне ответил мужчина.

— Здравствуйте, это Джо? — спросил я.

— Нет, это уже третий звонок за день, когда зовут Джо. Видимо, Джо популярный парень, но он здесь не живет.

— Спасибо.

Я повесил трубку. Внезапно помещение окунулось во тьму, исключениями были только флуоресцентная лампа у меня над головой и настольная лампа. Из коридора донесся крик Скотта:

— Один оставляю для тебя, Мэтт! Найди.

Он знал, чем я занимался. Может, Грейс найдет послание, а может и не найти. В любом случае я должен был написать — только лишь для того, чтобы утихомирить свой разум.

Моей первой жене, Зеленоглазой Голубке:

Мы встретились пятнадцать лет назад, аккурат в тот день, когда я переезжал в Нью-Йоркское общежитие для старшекурсников, в комнату по соседству с твоей.

Ты называла нас близкими друзьями. Мне нравится думать, что мы были чем-то большим.

Мы жили, наслаждаясь поисками себя через музыку и фотографию, во время зависаний в Вашингтон-Сквер-парк и пока занимались прочими странными вещами, лишь бы заработать денег. За тот год я понял о себе гораздо больше, чем залюбой другой.

Мы утратили связь летом, когда я отправился в Южную Америку. Когда я вернулся, ты уже пропала. В твоей пустой комнате не было ничего, кроме старой гитары и легкого намека на парфюм. Что это было? Сирень?

Наставница в общежитии, та, что была похожа на Дэвида Боуи и пахла рыбными палочками, сказала, что ты отправилась путешествовать. Надеюсь, ты посмотрела мир. Надеюсь, жизнь была к тебе милостива.

Я не видел тебя до прошлого месяца. Это была среда. Ты качалась на каблуках, балансируя на желтой линии, что тянется вдоль платформы в метро, и ждала поезд F. Я не понимал, что это ты, пока не стало слишком поздно. Ты умчалась. Снова. Ты произнесла мое имя. Я прочитал его по губам. Я пытался вынудить поезд остановиться, просто чтобы сказать: “Привет”.

Я увидел тебя, и ко мне вернулись чувства и воспоминания из той живой молодой поры, и большую часть месяца из головы не выходит вопрос: какой стала твоя жизнь? Может, я выжил из ума, но ты не против опрокинуть со мной по стаканчику, поболтать, обсудить последние пятнадцать лет?

М

(212)-555-3004

Акт второй:

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

.Когда я встретил тебя

МЭТТ

Была среда, когда мы встретились в общежитии для старшекурсников. Она читала журнал в холле, пока я мучился и тащил по коридору свой девятнадцатилетний деревянный стол. Он представлял собой кусочек дома, что мама переслала из Калифорнии в дополнение к коробке, фотооборудованию и спортивной сумке с одеждой.

Когда она глянула в моем направлении, я неловко застыл в надежде, что она смотрит куда-то мимо меня, пока я не слишком искусно управлялся со столом.

Откуда бы у меня было столько удачи?

Вместо этого она смотрела прямо мне в глаза, наклонив голову и прищурившись. Она глядела на меня так, словно пыталась вспомнить мое имя. Мы никогда не виделись, я был в этом уверен. Никто не был бы в силах забыть лицо, подобное ее.

Я оставался неподвижным, ошеломленным и оценивал ее. У нее были большие сверкающие зеленые глаза, искрящиеся энергией, требовавшей внимания. Ее губы шевелились, и я не сводил с них глаз, но не мог услышать ни слова из того, что она говорила; голову заполнили мысли о том, насколько же она невообразимо прекрасна. Брови над ее миндалевидными глазами были темнее ее почти белоснежных волос, а ее кожа казалась сладкой на вкус, если лизнуть ее языком.

Боже мой, я думаю о том, какова на вкус кожа девушки?

— Бьюллер?1

— Что? — моргая, переспросил я.

— Я спросила, нужна ли рука помощи? — она жалобно улыбнулась и указала на стол, который я придерживал на колене.

— Да, конечно. Спасибо.

Без колебаний она отбросила журнал, схватилась за другой край стола и начала пятиться, пока я пытался удерживать его со своей стороны.

— Я Грейс2,кстати.

— Приятно познакомиться, — ответил я на выдохе. Это имя ей подходило.

— А у тебя имя есть?

— Еще одна, — сказал я, кивая.

— Тебя зовут «Еще одна»? Не очень-то повезло, но теперь мне интересно, как твои родители пришли к этому решению, — ухмыльнулась она.

Я нервно усмехнулся. Она была потрясающе красивой, но немного глуповатой.

— Я имел в виду, что нам пройти еще одну комнату.

— Знаю, глупенький. Я все еще жду имя.

— Мэтт.

— Итак, Мэтти «Еще Одна», — продолжила она, когда остановилась перед моей комнатой, — какая у тебя специальность?

— Фотография.

— А, значит, я могла тебя видеть в школе искусств Тиш?

— Неа. Это мой первый год.

Кажется, ее пазл сложился. Я ей напомнил кого-то. Я надеялся, что кого-то, кто ей нравился. Как только мы опустили стол на пол, я прошел мимо нее, чтобы отпереть дверь. С опущенной головой я обращался скорее к своим «Вэнсам».

— В общем, я перевелся из университета Южной Калифорнии.

— Правда? Никогда не была в Калифорнии. Поверить не могу, что ты бросил УЮК, чтобы променять его на эти трущобы — на старушечью общагу.

— Мне там было не место. — Прежде чем открыть дверь, я оперся на нее. На очень долгую секунду мы с Грейс встретились взглядами, после чего оба быстро отвернулись. — Мне нужно было убраться из Калифорнии на некоторое время. — Я отвечал, жутко нервничая, но не хотел, чтобы она уходила. — Хочешь зайти, пока я распакуюсь?

— Конечно.

Она подперла открытую дверь стопкой книг, после чего помогла мне занести стол внутрь и поставить его в угол. Затем она вскочила на него и уселась, скрестив ноги так, словно собралась медитировать или левитировать. Я осмотрел свою комнату второй раз за день. Она была заставлена обыкновенной для общаги мебелью: одной металлической и довольно длинной односпальной кроватью, столом, который я мог использовать как подставку для камеры и оборудования, старой стереосистемой, оставленной предыдущим жильцом, и одной пустой полкой для книг. В крупной коробке, что я притащил с собой, находились

любимые пластинки, книги, диски и фотографии. Мои лучшие работы современ УЮК были собраны в кожаном портфолио. Грейс сразу же схватила его и принялась листать страницы. В комнате были два длинных узких окна, благодаря которым пространство купалось в солнечном свете, идеально освещая лицо Грейс. Как если бы свет исходил от нее.

— Ого, вот это потрясающее фото. Это твоя девушка? — Она держала фото великолепной девушки с бесовским взглядом, запечатленной обнаженной и изгибающейся всем телом.

— Нет, она не моя девушка. Просто подруга.

Это была правда, а еще правдой было то, что прямо перед тем, как я сделал этот снимок, она одними губами спросила меня, хочу ли я трахнуть ее, пока мой друг — ее парень — безмолвно наблюдал за нами. Как я и сказал, в УЮК мне не место.

— Ой, — ответила она тихо. — Ну, это отличное фото.

— Спасибо. Здесь фантастический свет. Может, я смогу снять пару раз и тебя?

Я увидел движение ее шеи, и как она сглотнула. Ее глаза расширились, и я понял, что она решила, будто я хочу пофотографировать ее голой.

— Эм, в одежде, конечно же.

Выражение ее лица смягчилось.

— Конечно, я была бы рада. — Она продолжила рассматривать фотографию. — Но, думаю, что могла бы попозировать, как эта девушка, если это делается так. — Она обратила зеленые глаза на меня. — Может, однажды, после того, ну, знаешь, как мы узнаем друг друга получше. Во имя искусства, понимаешь? — подмигнула она.

Я пытался не представлять ее голой.

— Ага, во имя искусства. — А она была истинным произведением искусства.

Она носила белую мужскую рубашку с закатанными до локтя рукавами, две верхние пуговицы которой были расстегнуты. Мой взгляд привлекли розовые ногти на ее ногах, после чего я обратил внимание на ее кожу, открывавшуюся благодаря дыркам на джинсах в области колен. Я неотрывно наблюдал за тем, как она заплетала свои длинные светлые волосы над плечом. Мне было не под силу оторвать от нее взгляд, и она заметила это, но вместо того, чтобы наглубить, просто улыбнулась.

— Так почему ты назвала это место старушечьей общагой? — спросил я, отвернувшись, чтобы распаковать огромную коробку. Мне нужно было отвлечься, чтобы перестать пялиться на нее.

— Потому что здесь правда охрененно скучно. Seriously, я тут неделю и уже чувствую, как моя душа умирает.

Я засмеялся над ее драматичностью.

— Так плохо, да?

— Я не играла на виолончели с тех пор, как въехала. Боюсь, что люди будут жаловаться. О, кстати, тебе стоит сказать, если моя игра будет слишком громкой. Просто постучи по стене, ну или что-то типа того.

— Ты о чем?

— Моя комната по соседству. Репетиционный зал слишком далеко, так что я, наверное, буду репетировать в комнате довольно часто. Моя специальность — музыка.

— Это действительно круто. Я был бы рад иногда слушать твою игру. — Мне не верилось, что ее комната прямо рядом с моей.

— Когда захочешь. Итак, немногие выбирают общежитие в их выпускной год. Твое оправдание?

— Не могу себе позволить что-то другое. — Я заметил, что она носила значок с греческими символами. — А ты? Как так вышло, что ты не живешь в доме какого-нибудь сестринства?

Она указала на значок на ее груди.

— О, это? Это подделка. Ну, не подделка, я его украла. Я живу здесь, потому что слишком нищая, чтобы жить где-то еще. У родителей нет денег, чтобы помогать с оплатой обучения, а сейчас еще и сложно не потерять работу, когда мне нужно так много репетировать. Вот я и использую его, чтобы получать бесплатное питание в столовой на четырнадцатой улице. — Она выбросила кулак вверх, пронзая воздух. — Пи Бета Фи, бургер с сыром во имя жизни!

Она была очаровательной.

— Не могу даже представить, чтобы это место было слишком скучным, когда здесь ты.

— Спасибо.

Я поднял взгляд и заметил, что она покраснела.

— На самом деле, у меня нехватка университетского духа, но приедут приятели с музыкальных курсов и, как только начнутся занятия, они нас расшевелят, после чего все вернется в город. Летом я жила в паршивой квартире с кучей людей, так что привыкла, что вокруг меня много друзей. А здесь довольно спокойно. Неудивительно, ведь большинство жителей держатся сами по себе.

— Почему ты летом не вернулась домой?

— Нет места. Родительский дом маленький, и у меня есть три младшие сестры и брат. Они все еще живут в том доме. — Она соскочила со стола и направилась к другой стороне комнаты, чтобы посмотреть вещи, что я вытащил из коробки и разложил на полу. — Иди ты! — Она держала пластинку Джеффа Бакли «Grace». — Он едва ли не причина, почему я приехала в Нью-Йоркский университет.

— Он гений. Ты видела его игру? — спросил я.

— Нет, но хочу просто до смерти. Думаю, сейчас он живет в Мемфисе. Я проделала путь от Аризоны до Нью-Йорка, после чего провела здесь три месяца, выискивая его в Ист-Виллидж. Я та еще фанатка. Кто-то сказал мне, что он давно покинул Нью-Йорк. Я слушаю «Грейс» каждый день. Это что-то типа моей музыкальной библии. Я вроде как представляю, что он назвал альбом в честь меня, — усмехнулась она. — Знаешь, что? Ты в каком-то роде похож на него.

— Серьезно?

— Ага, у тебя волосы получше, но у вас обоих темные, глубоко посаженные глаза. И у вас обоих симпатичная выдающаяся линия подбородка с легкой небритостью.

Костяшками пальцев я провел по подбородку и почувствовал себя немного неуверенно.

— Мне нужно побриться.

— Нет, мне нравится. Тебе идет. Еще у тебя такое же худощавое телосложение, но, думаю, ты выше него. Какой у тебя рост?

— Сто восемьдесят шесть сантиметров.

Она кивнула.

— Да, думаю, он намного ниже.

Я присел на кровать, лег на спину, закинув руки за голову, и стал наблюдать за тем, как она развлекалась. Она держала «Портативную хрестоматию бита» Энн Чартерс.

— Ого. Да мы родственные души. Прошу, скажи, я здесь найду Воннегута?

— Несомненно, найдешь. Передай мне вон тот диск, я включу его, — попросил я, указывая на альбом «Ten» группы Pearl Jam.

— Мне через минуту нужно идти репетировать, но ты поставишь «Release»? Это моя любимая песня с этого альбома.

— Конечно, если я смогу пофотографировать тебя.

— Ладно, — она пожала плечами. — Что мне делать?

— Будь естественной.

Я вставил диск в стереосистему, достал камеру и начал щелкать. Она крутилась по комнате под музыку, вертелась и пела.

И вдруг она остановилась и сурово посмотрела прямо в линзу объектива.

— Я выгляжу отстойно?

— Нет, — ответил я, продолжая жать на кнопку. — Ты выглядишь прекрасно.

Она послала мне смущенную улыбку, после чего, такая хрупкая и стройная, очутилась на полу из твердого дерева, присев на корточки, как ребенок. Она потянулась за чем-то и подобрала пуговицу. Я же продолжал делать один снимок за другим.

— Кто-то потерял пуговку, — пропела она.

Она взглянула вверх, прямо в объектив, и с подозрением покосилась на него своими пронзительными, мерцающими зелеными глазами. Я нажал на кнопку.

Она поднялась, вытянувшись, и протянула мне пуговицу.

— Держи. — Замолчав, она устремила взгляд в потолок. — Боже, я обожаю эту песню. Чувствую себя такой вдохновленной. Спасибо тебе, Мэтт. Мне пора бежать. Было очень приятно познакомиться с тобой. Может, как-нибудь встретимся еще раз?

— Да. Увидимся.

— Меня сложно будет пропустить. Я прямо за следующей дверью, помнишь?

Она выскочила за дверь, а мгновением позже, как только Эдди Веддер завершил финальную строчку песни, я через тонкую стену общежития услышал приглушенные звуки виолончели. Она играла «Release». Я передвинул кровать на другую сторону комнаты, к той стене, что мы делили с Грейс.

Я заснул под звуки ее репетиции уже поздней-поздней ночью.

Мое первое утро в общежитии для старшекурсников включало в себя поедание черствой плитки гранолы и перестановку трех предметов мебели по комнате до тех пор, пока я не был удовлетворен тем небольшим пространством для жилья, которое на протяжении следующего года мне предстояло называть домом. Во время одного из передвижных маневров я обнаружил записку-напоминание, прикрепленную ко дну пустого выдвигаемого ящика стола, что я притащил из дома. Рукой моей мамы там было написано: «Не забудь позвонить маме». Она не позволяет мне забывать, я люблю в ней это.

Я нашел таксофон на первом этаже. В углу сидела и прижимала трубку к уху девушка в солнечных очках и в свободном спортивном костюме.

— Я не могу жить без тебя, Бобби, — рыдала она, растирая слезы по щекам. Она шмыгнула, после чего указала на коробку с бумажными платками. — Эй, ты! Подашь?

Я взял бумажные платки со стола, стоявшего рядом с потасканным диваном, от которого пахивало «Доритос», и протянул их ей.

— Ты надолго?

— Серьезно? — она сдвинула очки на кончик ее носа и уставилась на меня поверх них.

— Мне нужно позвонить маме. — Я звучал жалко. Еще более жалко, чем эта девушка.

— Бобби, мне надо идти, какой-то чувак должен позвонить своей мамочке. Перезвоню тебе через пятнадцать минут, ладно? Ага, какой-то парень, — она смерила меня взглядом. — Он в футболке с Radiohead. Ага, с баками... худой.

Я раскинул руки в жесте «В чем твоя проблема?».

— Ладно, Бобби, лю тя, пока. Нет, ты бросай... нет, ты первый.

— Да ладно вам, — прошептал я.

Она встала и повесила трубку.

— Он в твоём распоряжении.

— Спасибо, — ответил я. Она закатила глаза. — Лю тя, — крикнул я ей, когда она уходила.

Я достал из кошелька телефонную карту и набрал номер мамы.

— Алло?

— Привет, мам.

— Маттиас, как ты, дорогой?

— Хорошо. Только осел.

— Уже звонил отцу?

Я поморщился. Я перевелся в Нью-Йоркский университет, чтобы между мной и разочарованным во мне отцом была целая страна. Даже после того, как в колледже за фотографию я получил главный приз, он по-прежнему верил, что у меня в этой области нет

будущего.

— Нет, пока только тебе.

— Какая я везучая, — искренне сказала она. — Как общежитие? Уже видел фотолабораторию?

Мама была единственной, кто поддерживал меня. Она любила быть объектом моих снимков. Она отдала мне старый отцовский фотоаппарат «Киро-Флекс», когда я был маленьким, там и взяла свое начало моя страсть. К десяти годам я фотографировал все и всех, что только попадалось мне на глаза.

— Общежитие нормальное, лаборатория тоже хорошая.

— Ты подружился с кем-то?

— С девушкой. Грейс.

— О-о-о...

— Не в том смысле, мам. Мы просто друзья. Я познакомился с ней вчера, и мы пообщались всего какую-то минуту.

«Лю-тя» девушка вернулась. Она уселась на диван, драматично оперлась о подлокотник и уставилась на меня снизу вверх. От ее странного и сосредоточенного выражения лица мне стало не по себе.

— Она в искусстве, как и ты?

— Да, музыка. Она была милой. Дружелюбной.

— Это великолепно.

Я слышал звуки дребезжащей посуды. Мне казалось, что, если бы она все еще была замужем за моим папой, то ей не приходилось бы мыть посуду, однако, напрасно. Отец был успешным адвокатом, а мама обучала искусству в частном колледже за мизерную зарплату. Они развелись, когда мне было четырнадцать. Папа женился снова, а мама оставалась одинокой. Повзрослев, я выбрал жить с отцом и мачехой, даже несмотря на то, что мамино крошечное бунгало в Пасадене больше было похоже на дом. Но у отца было больше места для меня и моего старшего брата.

— Ну, это здорово. Александр сказал тебе, что он попросил Монику выйти за него?

— Правда? Когда?

— За пару дней до твоего отъезда. Я думала, ты уже слышал об этом.

Мы с братом не общались, особенно о Монике, которая была моей девушкой. Он пошел по стопам отца и по барам Калифорнии. Он считал меня неудачником.

— Рад за него, — ответил я.

— Ага, они подходят друг другу. — Линию заполнила тишина. — Ты найдешь кого-то, Мэтт.

Я рассмеялся.

— Мам, кто сказал, что я ищу?

— Просто держись подальше от баров.

— До тех пор, как мне исполнился двадцать один год, я ходил по барам чаще, чем сейчас. — «Лю-тя» девушка закатила глаза. — Надо бежать, мам.

— Ладно, дорогой. Звони чаще. Хочу побольше услышать о Грейс.

— Хорошо. Лю тя, мам. — Я подмигнул девушке, примостившейся в футе от меня и не спускавшей с меня глаз.

— И я тя лю, — рассмеялась она в ответ.

5.

Ты была подобна свету

МЭТТ

Я убивал время перебиранием портфолио. В некотором смысле я понимал, что должен выбраться наружу и подружиться с кем-то, но на данный момент надеялся поймать одного определенного человека, вне зависимости от того, будет она уходить или возвращаться. Не уверен, насколько очевидной была моя попытка, учитывая специально приоткрытую дверь, но мне было плевать, особенно когда я, наконец, услышал в коридоре голос Грейс.

— Тук-тук.

Я встал, чтобы надеть рубашку, но у меня не хватило на это времени, потому что она толкнула дверь указательным пальцем.

— Ой, прости, — сказала она.

— Не беспокойся. — Я открыл дверь до конца и улыбнулся. — Привет, соседка.

Она прислонилась к дверному косяку, пока взглядом изучала сначала мое лицо, потом продолжила путь вниз по груди к бедрам, где из-под висящих джинсов торчали боксеры, после чего посмотрела на мои черные ботинки.

— Мне нравятся... твои ботинки. — Она снова глядела в глаза, а ее рот был слегка приоткрыт.

— Спасибо. Хочешь зайти?

Она покачала головой.

— Вообще-то, нет, я зашла узнать, не хочешь ли ты пообедать. Бесплатно, — быстро проговорила она и, прежде чем я успел ответить, добавила: — Они за тебя заплатят.

— О каком это месте с бесплатной едой ты говоришь? — я изогнул одну бровь.

Она рассмеялась в ответ.

— Ты должен довериться мне. Идем, хватай рубашку. Вперед.

Я провел рукой по волосам, которые сейчас торчали во все стороны. Ее взгляд снова упал на мою грудь и руки. Мне было сложно отвести глаза от ее лица в форме сердечка, но я все же взглянул вниз, чтобы увидеть, что она нервно терла свои бедра. Грейс была в узком черном платье в цветочек и в маленьких черных ботинках. Качалась с каблука на носок. Она напомнила мне колибри и тех людей, что всегда в движении, вечно беспокойные.

— Дай мне секунду, — произнес я. — Мне нужен ремень. — Я порылся в вещах на полу, но ничего не смог найти. Мои джинсы к тому времени уже почти свалились с меня.

Грейс приземлилась на мою кровать и принялась наблюдать за мной.

— Нет ремня?

— Не могу найти его.

Она вскочила и направилась к куче обуви рядом со шкафом. Достала шнурок из одного из «Конверсов», после чего проделала то же с одним из моих «Вэнсов», и связала их концы вместе.

— Должно сработать.

Я взял у нее ремень из шнурков и продел его в шлёвки.

— Спасибо.

— Без проблем.

Когда я натянул черную футболку с надписью Ramones, она одобрительно улыбнулась.

— Мне нравится. Готов?

— Погнали, Джи.

Мы пробежали три лестничных пролета, и Грейс отодвинула стеклянную входную дверь. Пройдя передо мной, она вскинула руки к небу и посмотрела на облака.

— Что за чертовски прекрасный день! — Она повернулась и взяла меня за руку. — Идем, вот сюда!

— Мне стоит беспокоиться? Далеко идти?

— Около шести кварталов. И нет, тебе не о чем беспокоиться. Тебе все понравится. Твое сердце возликует, твоему кошельку будет приятно, да и твоему животуку будет чудесно.

Я не знал никого, кому было бы больше двенадцати и кто бы использовал слово «животик». Мы шли рядом друг с другом, плечом к плечу, и грелись благодаря излучаемому нагретым асфальтом теплу.

— Я прошлой ночью слышал, как ты играла, — оповестил я ее.

Она посмотрела на меня с опаской.

— Слишком громко?

— Совсем нет.

— Ко мне приходила порепетировать подруга Тати. Она играет на скрипке. Надеюсь, мы не разбудили тебя.

— Мне очень понравилось, Грейс, — сказал я серьезно. — Как ты научилась играть?

— Самостоятельно. Когда мне было девять, мама на гаражной распродаже достала для меня виолончель. У нас было не так много денег, как ты уже, наверное, понял. На виолончели нет ладов, так что предстояло тренировать слуховой аппарат. Я слушала тон на записи и пыталась повторить его на слух. После этого у меня была гитара, а в двенадцать появилось пианино. В старшей школе мой учитель по музыке написал мне сумасшедшее рекомендательное письмо. Так я и попала сюда. В прошлом году мне было нелегко, да и не уверена, останусь ли в этом.

— Почему?

— Вне оркестра в старшей школе у меня не было надлежащих репетиций, а здесь

достаточно высокая конкуренция. В основном я пытаюсь натренироваться достаточно, чтобы стать студийным музыкантом.

— А что тебе нравится играть?

— Мне нравится играть все. Мне очень нравится рок-н-ролл, но и классические композиции тоже. Даже несмотря на то, что таскать виолончель сомнительное удовольствие, я люблю ее. Мне нравится, что ее мотивы могут быть грозными, а могут быть плавными. Когда я играю на струнах без смычка, у меня возникают ассоциации с прыжками по камням, и ничего не могу с собой поделаться, но представляю, как гладкая галька ударяется о недвижную воду. — Я остановился. Она сделала несколько шагов и только потом повернулась ко мне. — В чем дело?

— Это было очень красивое описание, Грейс. Никогда не думал о музыке в таком ключе.

Она вздохнула.

— Хотелось бы мне, чтобы страсти было достаточно.

— В искусстве нет верного или неверного. Так всегда говорит моя мама.

Я заметил, как она чуть кивнула, после чего указала на улицу.

— Идем, надо пересечь ее.

Я совсем не знал Нью-Йорк, абсолютно не освоился, даже не выяснил, как пользоваться метро, так что Грейс, находившаяся рядом, порядком уменьшала мой страх перед новизной большого города.

— Итак, у тебя есть парень?

Она продолжала смотреть вперед, но не пропустила вопрос.

— Нет, я не встречаюсь.

— Просто секс? — усмехнулся я.

— Леди о таком не говорят. — Она покраснела. — А ты?

— Я был с девушкой два года прямо после выпуска из школы, но с тех пор ничего серьезного. Сейчас она обручена с моим братом, так что достижения у меня что надо.

— Ты шутишь?

— Не-а.

— Разве это не странно? Я имею в виду то, что случилось.

— Она бросила меня через неделю после того, как я выбрал специальность. Да и отец тоже. — Последнее предложение я произнес подобно тихому ругательству.

— У вас были нормальные отношения?

— Отец Моники и мой — партнеры в одной юридической фирме. Вроде как все было решено. Поначалу она мне понравилась, но я никогда не думал о будущем с ней. Она хотела, чтобы я был юристом, но это не мое. У нас были разные интересы. И это было к лучшему. Мы расстались, и через две недели она уже встречалась с моим братом. Я никогда с ним об этом не говорил. Я бы мог сказать много дерьма, но не хотел опускаться до его уровня. Я был не против, что она осталась с ним.

— Твое сердце было разбито?

— Да нет. Думаю, это сильно сказано. Сложнее всего не смеяться над разной ерундой, когда я с ними. Еще одна причина, почему мне нужно было убраться из Лос-Анджелеса. Мой брат только закончил юридический колледж, и ему нравится тыкать мне этим в лицо. Чего же мне будет стоить не напоминать ему, что остаток жизни ему придется провести со знанием, что я трахал его жену.

— Ох. — Грейс какое-то мгновение казалась шокированной, а ее щеки стали румяными. Обидел я ее, что ли.

Мы шли молча, а я клял себя за свою тупость, пока Грейс не указала на вывеску.

— Мы пришли.

— Мы будем есть в Нью-Йоркском «Центре сдачи плазмы»?

— Ага. Слушай внимательно. В первый раз ты можешь сдать только плазму. Потом съешь крендельков и батончиков гранолы сколько сможешь и выпей сока столько, сколько влезет. После этого можешь остаться со мной, пока у меня будут высасывать тромбоциты.

— Подожди-ка... чего?

— Ага, тромбоцитаферез займет где-то час, что даст нам время насытиться. После чего ты получишь двадцать пять долларов, а я пятьдесят.

Я попытался переварить, что она мне только что сказала, но, когда она начала смеяться, я расхохотался тоже.

— Думаешь, я чокнутая, да?

— Нет, думаю, это отличная идея. Ты гений.

Она довольно ощутимо ткнула меня локтем.

— Мы продвигаемся.

Как только мы зашли в «Банк крови», все за стойкой, узнав Грейс, начали улыбаться или махать нам, пока мы стояли в очереди.

— Часто сюда заходишь?

— Это такой старый подкат, Мэтт. Тебе нужен новый подход.

— Мне нравятся девчонки с большими тромбоцитами.

— Так-то лучше. Теперь ты привлек мое внимание. Тебе повезло, потому что мне нравятся парни по имени Мэтью.

— Я, вообще-то, Маттиас.

— Да не гони, — она наклонила голову. — Никогда не слышала такого имени. Оно библейское?

— Ага. Означает «богоподобный».

— Прекрати.

— Да нет, я серьезно. Оно значит «богоподобный придаток». — Прошла секунда, прежде чем до нее дошло, что я сказал. Я пытался не улыбаться.

Ее рот раскрылся и сложился в идеальную букву «О».

— Какой же ты... — она покачала головой, схватила меня за руку и подтолкнула к стойке.

— Что? Какой я?

— Бесстыжий! — Она обратила все свое внимание на администратора. — Привет, Джейн. Это мой друг Маттиас. У него отменная кровь, и он хотел бы продать тебе часть.

— Вы пришли по верному адресу. — Она вытянула какие-то формы из-под стола.

— Какая у тебя фамилия, Грейс? — спросила она, перебирая файлы.

— Старр.

— Точно, и как я могла забыть? Ты сегодня сдаешь только плазму, Маттиас?

— Ага. Я Маттиас Уильям Шор, если вам нужно полное имя.

Грейс покосилась на меня.

— Ну, Маттиас Уильям Шор, я Грейсленд Мари Старр. Польщена знакомством.

Она протянула руку для рукопожатия. Я поцеловал ее тыльную сторону.

— Чрезвычайно рад. Грейсленд, верно?

Она вспыхнула.

— Родители — фанаты Элвиса.

— Прелестное имя для прелестной леди.

Женщина за стойкой совершенно неожиданно положила конец нашему обмену любезностями.

— Только кровь, Грейс, или тромбоциты тоже?

— Сегодня я продаю свои огромные, сочные тромбоциты. — Она приблизилась ко мне и прошептала на ухо. — Ты завелся?

Я рассмеялся. Она могла храбриться, но это не могло скрыть ее милую, застенчивую сторону. Что-то в ней вынуждало меня желать узнать ее лучше, во всех ее проявлениях.

Когда мы заполнили формы и был сделан анализ крови, нас отвели в большое помещение, где еще десять человек сдавали кровь. Мы легли друг напротив друга на наклонные кровати. Когда в мою руку вводили иглу, Грейс наблюдала за мной с улыбкой. Она была присоединена к машине, что выкачивала кровь из одной руки, отделяла тромбоциты, и после этого возвращала плазму в другую. Я жевал крендельки и ждал, пока моя кровь стекала в вакуумный контейнер. Она подняла свой сок и произнесла:

— Твое здоровье.

Я начал чувствовать головокружение, почти опьянение. Перед глазами возникала чернота, тянущаяся с разных сторон.

— Лучшее свидание на свете, — проговорил я нечетко, поднимая свою упаковку с соком.

Она ухмыльнулась, но в ее глазах была жалость.

— Разве кто-то говорил о свидании?

Я безразлично пожал плечами.

— Давай договоримся. Если ты не вырубись, я позволю сводить меня на настоящее свидание, — произнесла она, прежде чем все погрузилось во тьму.

Очевидно, нашатырь сработал. Я открыл глаза и увидел наклонившуюся надо мной медсестру, похожую на Джулию Робертс из фильма «Мистическая пицца». Ее кустистые брови сошлись на переносице, а пышные волосы подпрыгивали, когда она говорила.

— Ты в порядке, дорогой?

Я кивнул.

— Думаю, да. Почему вы перевернуты?

Она улыбнулась.

— Кровать может отклоняться, если ты отключаешься, чтобы мы могли поднять твои ноги выше уровня твоего сердца.

Мне было не по себе.

— Спасибо, милая. Ты спасла меня.

— Без проблем, милый, — усмехнулась она.

Я посмотрел в другой конец комнаты, где была Грейс, которая казалась вялой.

— Ты в порядке? — спросила она тихо. Я кивнул.

Когда они убрали иглу и нагрузили меня сладкими закусками, медсестра помогла мне встать.

— Можешь оставаться здесь, сколько понадобится, — убедила она меня.

— Со мной все нормально. Просто хочу сесть вон там, рядом с подругой.

Я прошаркал к Грейс, ставшей бледной и уставшей. Сев на стул рядом с ее кроватью, я заметил, что ее руки и ноги покрыли мурашки. Когда она устраивалась на подголовнике поудобнее, платье задралось до бедер. Она заметила мой взгляд и смущенно потянула подол платья вниз.

— Эй, — возмутился я, изучая оборудование с колесиками и трубками. Выглядела эта штука как изобретение Вилли Вонки.

— Себе эйкой, — ответила она низким голосом.

— Ты в норме?

— Ага, только устала и замерзла. — Она закрыла глаза, а я встал и начал растирать ее руки своими руками.

Едва приоткрыв глаза, она одарила меня почти незаметной улыбкой и прошептала:

— Спасибо, Мэтт.

Когда пришла медсестра, я тотчас же привлек ее внимание.

— Простите, сестра. Она замерзла и выглядит измотанной.

— Это нормально. Я принесу ей одеяло, — ответила она, указывая на ближайший стул.

Я сорвался с места и схватил его еще до того, как медсестра успела развернуться. Я накрыл Грейс до самой шеи, после чего подоткнул одеяло по бокам, чтобы она была полностью в коконе.

— Идеально, — пробормотал я. — Буритто-Грейс.

Она тихонько рассмеялась и снова закрыла глаза.

Я вернулся на стул и стал наблюдать за своим новым другом. На ней был минимум макияжа, если вообще был. У нее длинные ресницы, безупречная кожа, а пахло от нее сиренью и детской присыпкой. За то время, что знал ее, я мог сказать, что хоть она и смотрела на мир трезво и здравомысляще, мне без труда удалось понять — она до трогательного ранима и по-детски невинна. Это крылось в ее глазах и скромных жестах.

Осматривая комнату, я заметил людей, которые были похожи на бездомных, а в углу увидел одного очень неопрятного человека, очевидно, пьяного и расстроенного тем, что в корзине с закусками больше не осталось печенья «Орео».

Откинув голову на спинку, я позволил себе закрыть глаза и задремать под звук находившегося прямо надо мной агрегата, отделявшего тромбоциты Грейс и закачивавшего кровь обратно в ее тело. Мне стало интересно, как часто она проделывала эту процедуру стоимостью пятьдесят долларов.

Без понятия, сколько я проспал, прежде чем моего плеча деликатно коснулась чья-то рука.

— Мэтти, давай же, идем.

Я открыл глаза и посмотрел вверх, на розовощекую и улыбающуюся от уха до уха Грейс. Она протягивала мне двадцать пять баксов.

— Круто, да? — Кажется, она пришла в норму и чувствовала себя абсолютно уверенно. Ее тело пересекали маленькие ремешки сумки. — Подать руку? — Она протянула мне руку.

— Не-а. — Я вскочил с кресла. — Чувствую себя на миллион баксов.

— Выглядишь так, будто до миллиона тебе не хватает четверти сотни.

Из ее тугой прически выбилась прядь. Я потянулся, чтобы заправить волосы ей за ухо, но она резко дернулась.

— Я просто хотел...

— Ой, прости. — Она приблизилась, и на этот раз, когда я потянулся, она позволила мне сделать этот жест.

— Ты хорошо пахнешь, — сказал я. Она была всего в нескольких дюймах от моего лица и смотрела прямо на меня. Ее взгляд был направлен на мои губы. Я облизал их и сделал еще один шаг к ней. Она же отвернулась, смотря в сторону.

— Готов?

Я не почувствовал себя отвергнутым. Вместо этого ее сомнение подогрело мой интерес еще больше. Мне было любопытно.

— Такое впечатление, что там побывало немало наркош, — заговорил я, как только мы вышли наружу. — Как думаешь, они используют эту кровь?

— Не знаю. Никогда даже не думала об этом.

Солнце было высоко, чирикали птички, а Грейс стояла, застыв и опустив голову, и смотрела на шеренгу муравьев, державшую свой путь к мусорному баку.

— Чем хочешь заняться? — спросил я.

Она подняла взгляд.

— Хочешь намотить травки и погулять на Вашингтон-Сквер?

Я рассмеялся.

— Я уж думал, ты не согласишься.

— Идем, наркоша. — Она сжала мою руку, и мы пошли. Спустя квартал она попыталась выдернуть свою руку из моей, но я ее не отпускал.

— У тебя такие маленькие руки, — сказал я.

На углу, ожидая сигнала светофора, чтобы перейти дорогу, она-таки подняла свою руку и вытянула перед собой.

— Ага, только костлявые и уродливые.

— Мне они нравятся. — Когда загорелся светофор для пешеходов, я снова взял ее за руку и обратился к ней: — Вперед, скелетон. Идем.

— Смешно.

Весь остаток пути она не выдергивала свою руку из моей.

Мы сделали остановку у общежития для старшекурсников, чтобы я схватил фотоаппарат. Грейс прихватила одеяло и тончайший косяк из всех, что я видел. По пути к выходу Дарья, наш наставник, остановила нас у регистрационного стола.

— Куда вы двое направляетесь?

— В парк, — ответила Грейс. — А что ты здесь делаешь?

Дарья закинула последний кусочек рыбной палочки в рот.

— Сегодня многие въезжают. Мне нужно наблюдать. С тем же успехом я могу просто сидеть, ничего не делая. Кстати, я бы хотела поговорить с тобой, Грейс. Игра на виолончели по ночам может быть довольно громкой. Первые несколько дней это не вызывало беспокойства, пока здесь никого не было, но...

— Я не возражаю, а я прямо за ее стенкой, — встрял я.

Грейс повернулась ко мне и неистово закачала головой.

— Ничего. Все нормально. Я прекращу, Дарья.

Мы развернулись и вышли из корпуса.

— Дарья похожа на мужика, а? На Дэвида Боуи или кого-то типа того, да?

Она состроила гримасу.

— Ага, вот только Дэвид Боуи выглядит как женщина.

— Это точно. Может, тебе стоит выучить некоторые его песни, чтобы порадовать Дарью.

— Ага, может, и выучу.

В парке она устроилась на одеяле рядом с большим сикомором, спиной опершись о ствол дерева. Я лежал на животе лицом к ней. Наблюдал, как она раскурила косяк, вдохнула и передала самокрутку мне.

— Не думаешь, что здесь, на открытом месте, мы попадемся?

— Не-а, я прихожу сюда постоянно.

— Одна?

— Здесь тусуется куча людей из музыкального отделения. — Она сделала долгую затяжку, после чего подняла взгляд, испугалась и начала разгонять дым. — Вот дерьмо.

— Что? — Я развернулся и увидел направлявшегося к нам мужчину, которому было чуть

за тридцать. На нем были брюки цвета хаки, а волос на его голове сильно поубавилось. — Кто это? — спросил я, выхватывая косяк и отбрасывая его в сторону.

— Это Дэн, то есть, профессор Порндел. Один из моих преподавателей по музыке.

— Ты называешь его Дэн?

— Он попросил. Не думаю, что ему нравится его фамилия.

— Да не может такого быть.

Она нервно смела траву со своих колен и села прямо. Я повернулся на бок, подперев голову рукой, и посмотрел Грейс в лицо. Мы скурили совсем небольшую часть косяка, а она уже была под кайфом. Ее глаза были сужены, белки покраснели, а ее ухмылка казалась маниакальной. Конечно же, я расхохотался.

— Боже мой, ты такая накуренная.

Она попыталась соорудить серьезную мину.

— Даже не начинай! — прошипела она, шутливо толкая меня. Мы оба упали и разразились беззвучным, истеричным смехом.

— Грейс! — позвал Дэн, пока мы прилагали все силы, чтобы собраться. — Как я рад видеть тебя здесь.

У него были пышные усы, которые выразительно двигались во время его речи. Я так сосредоточился на них, что не заметил, как Грейс представила меня.

— Маттиас? — обратился он ко мне.

— Ох, простите, приятно познакомиться, профессор.

Я потянулся к нему, чтобы пожать руку. Он странно улыбнулся мне.

— Итак, как вы познакомились?

— Он живет по соседству в общежитии, — пояснила Грейс.

— Вот как. — Было что-то в выражении его лица, заставившее меня подумать, будто он был разочарован. — Ладно, позволю вам двоим вернуться к тому, чем вы тут занимались. — Он посмотрел прямо на Грейс. — Не попадай в неприятности.

Грейс казалась далекой отсюда, потерянной в своих мыслях, когда провожала его взглядом.

— Он запал на тебя, да? — я приподнялся на одеяле.

— Не знаю, но не могу напортачить. Я и так хожу по тонкому льду.

Я достал нитку, торчавшую из подола ее платья.

— Спасибо, — поблагодарила она, выглядя потрясенной.

— Пожалуйста.

Я несколько раз моргнул, после чего зевнул. Она постучала по коленям.

— Хочешь положить свою голову?

Я перекатился на спину и примостил голову на ее ногах. Она снова оперлась о дерево и расслабилась, после чего бездумно провела рукой по моим волосам.

— Близкие друзья, — произнесла она медленно.

— Ага. Ты мне нравишься. Ты немного странная.

— Я собиралась сказать то же о тебе, клянусь.

— Кто-то разбил тебе сердце? Это потому ты не встречаешься? Прощу, скажи, что не положила глаз на Порндела.

Она начала смеяться, шаря вокруг в поисках косяка.

— А что? Это вызвало бы у тебя ревность?

— Ревность? Нет, это твоя жизнь. То есть, если ты хочешь быть зацелованной этим парнем, а еще потенциально закормленной остатками еды, застрявшими в его абсурдных усах, то пожалуйста.

— Ха-ха. Ничего такого не будет с Порндемом... и мерзость! И нет, мое сердце не было разбито. Просто я хочу быть сфокусированной на учебе, чтобы не падала успеваемость.

Я знал, что должно было быть что-то еще, кроме желания Грейс оставаться сфокусированной, но не давил на нее. Мы только познакомились, но она уже провела со мной весь этот день и половину дня до этого, не сосредоточенная на музыке, так что мне было ясно, что существовала другая причина. Я мог бы подумать, что не понравился ей, и она не хочет посылать мне неверно истолкованные сигналы, но видел, как она оценивала меня и взглядом путешествовала по моему телу.

Я взял фотоаппарат, направил его на наши лица и нажал на кнопку три раза.

.Мне нужно было узнать тебя

МЭТТ

Позже, на той же неделе, я изучал негативы. Я не мог рассмотреть выражение лица Грейс на одном из снимков, потому увеличил его, отправив на печать. Когда фото начало появляться, я сразу же понял, что вместо того, чтобы смотреть в линзу фотоаппарата, Грейс с обожанием смотрела вниз, на меня. Благодаря этому все оставшееся время, что я провел в лаборатории, с моего лица не сходила улыбка. Я взял распечатку, когда та высохла, и стал ждать Грейс на ступеньках лестницы общежития. Достал сигарету из-за уха и прикурил ее.

Спустя минуту возникла Грейс, поднимавшаяся с огромным чехлом с виолончелью.

— Хочешь, отнесу вместо тебя? — спросил я, встав.

— Нет, сиди. Есть еще? — она указала на сигарету, после чего опустилась на ступеньку рядом со мной. Уже вечерело, но было еще тепло. На мне были футболка, джинсы и ботинки. На ней была футболка с V-образным вырезом и шорты «Левис». Кожа ее ног была загорелой и гладкой. Она держала два пальца у губ, напоминая мне о том, что просила сигарету.

— У меня только эта, но могу поделиться. — Я передал сигарету ей, после чего протянул фотографию, которой занимался днем. — Наше первое совместное фото. — Внизу была надпись «ЛДН», которую я восковым карандашом нанес на чистую фотобумагу, чтобы при переносе на нее изображения надпись осталась белой.

Она расхохоталась.

— Лучшие друзья навек? Уже?

— Хотелось бы. — Я запечатлел ее широкую улыбку, в которой она показывала зубы.

— Мне нравится. Буду хранить ее всегда. Спасибо тебе, Мэтт.

— Много сегодня репетировала?

— Ага, я измотанная и голодная.

— Если захочешь, Дарья, наверное, сможет разогреть тебе парочку рыбных палочек.

Грейс сморщила нос.

— Почему она всегда их ест? Они так воняют.

— Наверное, потому что они дешевые.

— Кстати... по средам я хожу на ужин, где раздаются бесплатные блинчики, если ты в пижаме. Как тебе идея завтрака на ужин?

Я рассмеялся.

— Звучит отлично.

Она встала и затоптала сигарету.

— Круто, тогда идем надевать пижамы.

Я натянул фланелевые пижамные штаны, но остался в белой футболке. Влез в огромные слиперы, из-за чего мои ноги стали напоминать лапы снежного человека, и направился в комнату Грейс. Я толкнул приоткрытую дверь в ее комнату и резко вздохнул. На ней было только белье, она стояла ко мне спиной. Я тяжело сглотнул и попытался заставить себя отвернуться и уйти, пока она не заметила меня, но не смог отвести глаз от ее округлой идеальной задницы. На ней были белые хлопковые трусики в цветочек с маленькой каймой из оборок. На одной из ягодиц ткань скаталась. Я испытал потребность упасть на колени и укусить ее за то место. Сердце подпрыгнуло, член дернулся, а я задержал дыхание. Твою мать!

Не замечая меня, она подняла над головой розовую ночную рубашку и надела ее на себя. Она развернулась, и моему взгляду открылась передняя часть ее рубахи, на которой был узор в белый горох и логотип «Хелло Китти». Я не мог стереть широченную улыбку со своего лица.

Увидев меня, она застыла.

— Давно ты там стоишь?

— Всего секунду, — солгал я.

Она опустила свой взгляд, чтобы взглянуть на мои штаны. Я не проследовал за ее взглядом, потому что очень старался незаметно сделать так, чтобы она не увидела, что творилось ниже.

— Ого, — она смотрела на мои слиперы. — Чувак, они потрясные.

Я засмеялся, чувствуя облегчение от того, что не был пойман.

— Далеко это место?

— Нам нужно в метро, это в Бруклине. — Кстати, она была на полу, завязывала шнурки на

своих голубых «Конверсах».

Когда она подошла к двери, я положил руку ей на поясницу, что казалось совершенно естественным. Она остановилась и повернулась ко мне, ее лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего.

— Не хочешь взять свой фотоаппарат? Там есть что поснимать.

— Хорошая идея.

Я отправился в комнату, схватил камеру и встретил ее на лестнице, где она стояла с парнем и девушкой, которые тоже были в пижамах.

— Маттиас, это Татьяна. Она играет на струнных со мной. А это Брэндон, ее парень.

Я не ждал компании, но был рад познакомиться с друзьями Грейс. Потянувшись, я пожал руку Татьяны. На ней был красный слитный пижамный костюм и бейсболка. Хотя, в общем и целом, она была симпатичной, рядом с Грейс она выглядела бледно. На Брэндоне же были серые типичные университетские штаны. Он был невысокий, у него были темные коротко остриженные волосы и очки без оправы. Мы обменялись улыбками в связи с нашим выбором одежды и направились к дверям.

Кафешка была оформлена в стиле пятидесятых годов: внутри стояли блестящие красные кабинки и маленькие музыкальные автоматы на каждом столе. Грейс запрыгнула в кабинку первой, и тут же начала листать журнал с песнями.

— Обожаю такие штуки.

Татьяна и Брэндон сели напротив нас, почти что друг у друга на коленях. Татьяна потянулась за сумкой и вытащила из нее фляжку.

— «Бэйлис» и ром для наших ванильных коктейлей. Ради этого можно умереть.

Мы с Грейс издали благодарные вздохи и ахи.

— Как долго вы вместе? — спросил я.

— Три недели, — ответил Брэндон, прежде чем прильнуть к Татьяне и поцеловать ее. Я обратил внимание, что Грейс смотрела на них довольно заинтересованно.

Я инстинктивно положил руку на оголенное бедро Грейс, где ее ночная рубашка немного задралась. Она меня не оттолкнула, но и не ответила на жест. Когда я продвинул руку выше, она махнула, чтобы я выпустил ее из кабинки. Она встала и затанцевала по пути в туалет, подпевая Джеймсу Брауну: «Прошу, прошу, прошу».

— Итак, Брэндон, что изучаешь?

— Музыку, но скорее в области записи и с деловой стороны. А ты?

— Фотография.

Он указал на фотоаппарат, лежавший на столе.

— Наверное, мне стоило догадаться.

— Кажется, вы с Грейс последние пару дней прямо-таки неразлучны, — произнесла Татьяна.

— Она в прямом смысле слова единственная, кого я здесь знаю. Я только что переехал в Нью-Йорк.

— Я имела в виду не это, — проговорила она с нотками юмора.

— Ну, а кто бы не захотел быть с ней?

— И то верно.

Как только Грейс вернулась, мы набросились на блинчики и разбавленные «Бэйлисом» ванильные коктейли, сама же Грейс подпевала каждой песне пятидесятых, которую узнавала. Я тем временем изучал ее движения, все ее мелкие привычки.

— Прежде чем съесть свою еду, ты ее нюхаешь, — сказал я со смехом.

— Что? Нет. — Она нахмурилась.

Татьяна рассмеялась, вторя мне.

— Ага, она так делает. Всего на какую-то долю секунды.

— Не делаю я так, — запротестовала Грейс.

— Поверь мне, это мило, — я подмигнул ей.

— Скорее неловко. Я так делаю с самого детства.

Я взъерошил волосы у нее на затылке.

— Говорю же, это мило.

Она смотрела на меня, улыбалась, а ее щеки были залиты румянцем.

Когда мы ушли из кафе, Татьяна и Брэндон попрощались и пошли в кинотеатр, находившийся в противоположном направлении.

— У тебя классные друзья, — сказал я.

— Ага. Они весь вечер были поглощены друг другом, а? Ну, наверное, им так хорошо.

— Подожди, прежде чем мы спустимся в метро, у меня есть одна идея. У меня здесь цветная пленка, — сказал я, указывая на висевший на моей шее фотоаппарат. — Хочу попробовать кое-что.

Я схватил ее за руку и потащил на лестницу, ведущую к переходу к наземной станции метро. Движение машин под нами было довольно быстрым. Я отвел Грейс на одну сторону перехода, а сам настраивал фотоаппарат, чтобы оставить его на другой стороне, закрепив ремнем. За ее спиной сверкали огни фар, в темноте подчеркивая ее силуэт. Подол ее розовой ночной рубашки развевался благодаря порывам легкого ветра.

— Я собираюсь поставить таймер и подбежать к тебе. Просто смотри в камеру и не двигайся. Скорость затвора будет очень медленная, чтобы выдержка была длинной. Попытайся не шевелиться совсем.

— Чего ты добиваешься? — хотела знать она, наблюдая за тем, как я ставил настройки.

— Огни дорожного движения будут позади нас и не в фокусе, потому что машины будут ехать непрерывно, но, если мы будем стоять спокойно, то мы будем четкими, а с нами и дома на заднем плане. Должно получиться круто. Таймер поставлен на десять секунд. Ты будешь слышать все ускоряющееся тиканье, пока затвор не откроется, а когда это случится, то нам нужно быть неподвижными.

— Ладно, я готова.

Ноги Грейс были расставлены в стороны, словно она собиралась танцевать джаз. Я нажал на кнопку и побежал, чтобы встать рядом с ней. Не глядя на нее, я схватил ее за руку и сфокусировался на линзе фотоаппарата. Когда таймер ускорился, я почувствовал, что она смотрела на меня. И в последнюю секунду я посмотрел на нее в ответ. Затвор открылся, и я произнес, не шевеля губами:

— Стой смирно.

Она захихикала, но продолжала смотреть на меня. Ее широко раскрытые глаза слезились из-за ветра. Три секунды, казалось, не так и долго, но, когда ты смотришь кому-то в глаза, этого достаточно, чтобы дать молчаливое обещание.

Как только затвор закрылся, Грейс выдохнула и разразилась смехом.

— Я думала, прошла вечность.

— Разве? — спросил я, все еще не отводя взгляда. Я мог бы смотреть на нее всю ночь.

На обратном пути к общежитию от метро мы разделили половину косяка.

— У тебя было много парней в старшей школе?

— Нет. Не было времени. Когда мне исполнилось шестнадцать, пришлось найти работу, чтобы купить машину, на которой я бы ездила в школу.

— Где ты работала?

— В «Хаген Дац» в торговом центре.

— Вкуснятина.

— Ну, поначалу было ужасно, потому что я набрала около четырех с половиной килограммов, а потом заболела, переев мороженого с ромовым изюмом. После этого я его не переваривала. Я проработала там три года до самого выпуска. У меня до сих пор приличный бицепс от зачерпывания мороженого. Я вся несимметричная.

Она напрягла руку, чтобы продемонстрировать мне мускулы. Я стиснул ее тоненькую руку пальцами, и она выдернула ее из моего захвата.

— Придурок.

— Руки-макароны.

— Я любитель. Ну-ка, покажи свои.

Я напряг руку. Она своей маленькой нежной рукой даже не смогла сдавить мою.

— Чувак, да это впечатляет. Чем занимаешься?

— У меня были настенные брусья. И это все, правда. И еще в Лос-Анджелесе я часто занимался серфингом.

— Скучаешь?

— В основном по серфингу.

Она на мгновение замолчала.

— Черт, который час?

Я взглянул на часы.

— Девять пятнадцать. А что?

— Я хотела вернуться к половине десятого.

— И что случится в половине десятого?

— Это прекрасное платье превратится в мешок. — Она обернулась вокруг своей оси. Я схватил ее и закинул на плечо. — Боже мой, опусти меня на землю!

— Нет уж, принцесса. Я верну тебя к девяти тридцати!

Я ворвался в двери общежития и пробежал по лестнице, пока Грейс висела на моем плече и колотила меня по заднице. Я услышал, как кто-то позади произнес:

— Чувак, эта девица — трата времени.

Я поставил Грейс на пол у ее двери, бросил взгляд на часы и поднял руку вверх.

— Девять тридцать, детка.

Она дала мне «пять».

— Ты смог! Спасибо, приятель.

Я посмотрел за спину Грейс и увидел там едва одетую девушку в джинсовой мини-юбке и в туфлях на высоких каблуках. Грейс обернулась, чтобы проследить за моим взглядом, и когда она снова посмотрела на меня, я невинно улыбнулся ей.

— Тебе нравятся такие? Это твой тип?

Я прислонился к ее двери и скрестил руки на груди.

— Да нет.

— Ты в Лос-Анджелесе был бабником?

— Да нет же.

— Сколько девушек у тебя было? — Выражение ее лица было абсолютно серьезным.

— Это вопрос с подвохом?

— Мне просто любопытно, потому что ты симпатичный парень и...

— А ты красивая. Это значит, что у тебя было много парней?

Она фыркнула.

— Ладно, не отвечай на вопрос.

— У меня было несколько девушек, Грейс. Не много.

— А ты был когда-нибудь с девственницей?

Я откинул голову и обратил внимание, что ее губы дрожали, а глаза расширились, и в них читалась решительность.

— Нет. Я никогда не был с девственницей, — ответил я.

Я опустил голову, чтобы встретиться с ней взглядом, но она сразу же посмотрела вниз, на свою обувь. Я был близок к тому, чтобы спросить ее, была ли она девственницей, но уже знал ответ и не захотел смущать ее.

— Ну, я лучше пойду порепетирую, — сказала она.

— Подожди секундочку. — Я убежал в комнату и порылся там, чтобы вернуться с альбомом Pixies — «Surfer Rosa and Doolittle». — Это великолепный альбом, один из моих любимых. Седьмой трек выше всяких похвал.

Она прочитала содержание.

— «Where is my mind»? (Прим. пер.: буквально «Где мой разум?»)

— Это первый.

— Круто. Спасибо, Мэтт. Эй, завтра после лекций... — она колебалась, — я собираюсь позаниматься на крыше.

— Ага.

— В общем... Хочешь присоединиться? Мы можем послушать музыку.

— Конечно, давай.

— Хорошо, я закончу в три. Я могу сделать сэндвичи.

— Звучит отлично.

Я распротер руки для объятий, и она обхватила мою талию. Я поцеловал ее в макушку и почувствовал, что она пахла шампунем с запахом сирени. Грейс отстранилась и покосилась на меня.

— Ты только что поцеловал меня в макушку?

— Просто дружеский поцелуй. Как этот. — И я поцеловал ее в щеку. Она застыла и шире распахнула глаза. — Спокойной ночи, Грейси.

— Спокойной, Мэтти, — прошептала она, когда я возвращался в свою комнату.

После этого мы проводили время вместе почти каждый день, и вскоре встречи стали регулярными. Мы сдавали кровь, ходили на ужины в пижаме и находили разные способы заработать денег. Мы занимались вместе, она играла на виолончели, а я фотографировал ее.

Ее длинные светлые волосы падали на лицо, когда она играла страстно, качая головой назад и вперед в такт движениям смычка. Вскоре это стало моим любимым зрелищем.

В городе зима сменила осень, мы с Грейс были вместе очень часто, в основном общаясь с ее друзьями с музыкальных курсов. Брэндон и Татьяна стали нашими друзьями-парой, и, хотя сами мы с Грейс парой не были, создавалось совсем иное впечатление. Грейс и Тати нашли способ бесплатно посещать музеи, а также затащили меня на бесплатную симфонию. Мне казалось, Тати и Брэндон были слишком возбуждены из-за перспективы слушать классическую музыку два часа кряду, да и мне казалось, что они без колебаний вышвырнут меня за то, что я в джинсах, но я был удивлен тем, насколько мне все понравилось, и насколько спокойными были ребята.

Но так же, как Грейс была увлечена музыкой, она была увлечена и поиском разных мероприятий для меня. Она подсовывала мне под дверь вырезки из газет о выставках фотографии, устраиваемых в городе. Мы делали все возможное, лишь бы выбраться из проклятого общежития и избавиться от проникающего во все щели запаха рыбных палочек, исходившего от комнаты Дарьи.

Знаете эти книги для экономных путешественников типа «Суровый гид по Гавайям или Нью-Йорку: как прожить на пять долларов в день»? Клянусь богом, мы умудрялись укладываться в два. Это включало в себя питание пищей быстрого приготовления и прохождение в метро «зайцем», но нам удалось изучить город вдоль и поперек.

В Нью-Йорке таится энергия, которая берет начало в тебе самом. Даже овощ вроде меня знакомится с разными округами так, словно те — живой, дышащий организм. Больше такого нигде нет. Город становится частью твоей жизни, любовью, что невозможно изъять. В этом месте есть некий загадочный человеческий элемент, способный заставить влюбиться и разбить сердце одновременно. Когда ты слышишь голос города, вдыхаешь его запах, ты делишь его с другими людьми, что идут рядом по улице, едут в метро или смотрят на центральный парк из окон своих высоток. Тогда ты понимаешь, что ты живой, что жизнь прекрасна, драгоценна и мимолетна. Думаю, потому люди в Нью-Йорке чувствуют такую связь друг с другом, город заряжает коллективной любовью и восторгом. Мы с Грейс влюбились в него вместе.

Следующие пару месяцев я обнаруживал Грейс в вестибюле, где она ждала меня. Наша дружба становилась настолько уютной, что взъерошивать ей волосы, крутить ее, хватать за руку и носить ее на спине стало абсолютно нормально. Иногда бывали моменты затишья, когда казалось, что она хочет, чтобы я ее поцеловал, и одному Богу известно, как этого желал я, но она всегда нарушала тишину или отводила взгляд. Мне было все равно, я просто хотел быть рядом. И понял, что гораздо меньше заинтересован в том, чтобы встречаться с другими девушками или даже просто смотреть на них.

— Поздно, да? — заметил я, бросая взгляд на часы.

— Мне нужно возвращаться в комнату.

Грейс лежала на моей кровати, устроившись на животе и свесив голову с края. Она была в шортах и футболке с надписью Sex Pistols, а ее волосы были собраны в небрежный пучок. Я знал, что на самом деле она не хотела уходить, даже несмотря на то, что мы оба были жутко уставшими.

— Стой, давай сыграем в «Я никогда не».

— Вперед. Ты первый, — пробормотала она.

— Я никогда не воровал.

Какой-то миг она выглядела погрузневшей, но после пальцем одной руки начала водить по ладони другой.

— Что ты своровала?

— Ну, разные вещи. О самом худшем мне стыдно рассказывать. — Она перекадилась на спину и лицом зарылась в одеяло.

— Да ладно тебе, расскажи. Я не буду тебя осуждать.

— Я украла сорок долларов у соседки, — пробормотала она в одеяло.

— На что? Давай, колись. Это часть игры.

— Мне эта игра больше не нравится.

Я перевернул ее и повернул лицом к себе.

— Так на что?

Она посмотрела прямо мне в глаза.

— Я украла их, чтобы оплатить выпускной альбом, ясно? Чувствую себя из-за этого погано и твердо намерена ей их вернуть.

Мне было больно за нее. Я понятия не имел, каково это — не быть способным попросить у родителей сорок долларов. Ей пришлось украсть эти деньги, чтобы самой оплатить выпускной альбом — то, что дети получают гарантированно. Это очень грустно.

— Давай поиграем во что-нибудь другое, — предложил я. — Что насчет «Трахнуть, жениться, убить»?

Она воспрянула.

— Ладно. Тебе... дай подумать... Кортни Лав, Памела Андерсон и Дженнифер Энистон.

— Фу, убить, убить и убить.

— Серьезно, психопат, ты должен ответить. — Она стукнула меня по лбу ладонью.

— Ладно. Убить Кортни — без сомнений, — трахнуть Памелу и жениться на Дженнифер. Вот так! Теперь твоя очередь. Билл Клинтон, Спайк Ли и я.

— Ха! Это легко. Трахнуть Билла, выйти за Спайка и убить тебя.

— Ты кошмарная, злая девчонка.

— Ты любишь меня. — Она встала, чтобы уйти.

— Грейс?

— Да?

— Ничего.

Я хотел спросить ее, что с нами происходит. Хотелось знать, можем ли быть больше, чем друзьями. Я отвернулся и посмотрел в окно. Она опустилась обратно на кровать и рукой обняла меня за плечи.

— Думаю, я бы вышла за тебя.

— Правда? Я больше надеялся, что ты убьешь Билла, выйдешь за Спайка...

— Ха! — Она нагнулась и поцеловала меня в щеку. — Ты хороший парень.

Мне нужна была награда за безумное количество раз, когда мне приходилось демонстрировать сдержанность. С губ слабо сорвалось:

— И это все?

— Чего ты добиваешься, Шор?

— Ничего не добиваюсь, Грейс. Мне кажется, что это... — я машу рукой, указывая на нас, — неестественно.

— Что — это? Наша дружба?

Я рассмеялся.

— Ага, вроде того.

Я очень старался избегать вопрос секса, но часто ловил на себе взгляд Грейс, когда

переодевал рубашку или когда надевал ремень. Сложно было не думать о том, что она, возможно, хочет меня так же, как и я ее. Я становился тайно одержим ею. Я видел, как мужчины провожали ее взглядом, когда она и не подозревала об этом, и на меня накатывал ужас, стоило только представить, что она собирается отдать себя какому-то уроду без сердца.

Грейс встала и подошла к двери. Почти дотянувшись до ручки, она повернулась ко мне лицом и прислонилась к косяку двери, сосредоточенно пялясь на свои ноги.

— Не дави на меня, — она подняла глаза и встретилась со мной взглядом. — Ладно? — Она не была раздражена. Она была искренней, практически умоляла.

— И не собирался.

— Я знаю. — Она улыбнулась. — Потому ты мне и нравишься так сильно.

— С тобой что-то случилось? Потому ты...

— Нет, ничего такого. Мама родила меня, когда ей было восемнадцать. Не знаю, кажется, я в некотором роде думаю, что разрушила ее жизнь.

— Это ужасно, что она заставила тебя так думать. — Я встал и подошел к ней.

— Она ничего такого не делала. Просто я не хотела такой жизни. Я всегда чувствовала, что отец недоволен матерью. Не знаю, Мэтт, наверное, я была так сконцентрирована на учебе, чтобы не сойти с верного пути. Потому я ни с кем не встречаюсь. Мне нравится то, что у нас. Без всякого давления.

— Я понял.

Она могла говорить что угодно, но я знал, что она чувствовала то же нарастающее между нами напряжение, что и я. Половину времени, пока она пыталась не пялиться на мои руки, я пытался скрыть выпиравший стояк. Кого мы обманывали?

— Спасибо, что понимаешь, — сказала она.

— Всегда пожалуйста. — Я наклонился и поцеловал ее в щеку. — Ты хорошая девушка. — Я почувствовал, как она задрожала и прошептал: — Может, даже слишком хорошая.

Она оттолкнула меня и закатила глаза.

— Спокойной ночи, Мэтт.

Я наблюдал, как она шла по коридору, а после закричал:

— Ты улыбаешься! Я знаю это, Грейси.

Не оборачиваясь, она подняла руку и показала два пальца — «мир».

.Ты была моей музой

МЭТТ

На следующий день в лаборатории профессор Нельсон изучал мои контактные отпечатки⁴с широкой улыбкой.

— Мэтт, у тебя очень свежий взгляд. Твоя композиция идеальна и оригинальна, прежде у твоих сверстников я ничего подобного не видел. Мне нравится зернистость и результат проявки. Какая у пленки светочувствительность и до сколько ты ее поднял?

— У пленки светочувствительность⁵ 400.Поднял ее до 3200.

— Неплохо. Я так понимаю, когда ты проявлял негатив, пришлось проделать много работы. Я возьму этот?

— Ага.

— Этот снимок фантастический. Это ты?

Я ставил таймер и делал фото Грейс, стоявшей передо мной, когда я сидел на полу. В кадре были только ее ноги, видневшиеся под вязаным платьем. Я обнимал ее за икры. Этого не видно на фото, но я целовал ее колено.

— А ты думал о том, чтобы делать больше цветных снимков, снимков ландшафта — в документальном стиле?

— Да, вообще-то, на следующий день я снял массу всего в цвете, просто не успел проявить фото. Просто мне правда нравится эта модель. — Я указал на Грейс.

— Она потрясающая.

— Именно.

— Знаешь, Мэтт, мне тошно видеть, как твои навыки пропадают впустую.

— Я подумываю о рекламной фотосъемке.

Он кивнул, но казался не убежденным.

— Твои фотографии рассказывают историю, такое встречается не часто. Мы можем

говорить о композиции, фокусе, контрасте или даже печати, но, думаю, настоящий художник отличается тем, что может поведать о человечестве в единственном двухмерном снимке.

Я был немного смущен этой фразой, но наконец испытал облегчение, услышав то, что и так знал: у меня получалось то, чем я занимался.

— Я никогда не перестану фотографировать. Просто не представляю, как превратить это в карьеру.

— У меня есть друг, который работает в «Нэшнл Джоигрэфик». Он каждый год финансирует одного студента, чтобы тот отправился снимать с ним в поля. Тебе стоит подать заявку, думаю, у тебя неплохие шансы. У тебя отличная техника.

Я был захвачен врасплох этим предложением, но больше тем, насколько в тот момент кристально ясными стали мои цели. Мне казалось, что «Нэшнл Джоигрэфик» — несбыточная мечта. Одна из тех, которые возникают в детстве, вроде желания стать профессиональным баскетболистом или президентом Америки. В моем случае — путешествия по миру и фотографирование были высочайшей степенью успеха, и мне не верилось, что мне представился такой шанс, даже если это была всего интернатура.

— Я определенно заинтересован.

Я не думал, чем буду заниматься, когда окончу университет, но теперь все стало предельно ясно.

Тем днем я распечатал дополнительные копии и во время перерыва просунул их под дверь Грейс. По пути обратно на лекции я увидел ее пересекающей улицу в квартале отсюда. Я кричал ей, но она не слышала. Миновав квартал, увидел, как она быстро зашла в медицинский центр. Я терпеливо дождался разрешающего сигнала светофора и пронесся через улицу, когда дорога была пустой. Очутившись внутри, я изучил каждый этаж, пока не обнаружил ее на пятом — у столика с кофе и пончиками. На ней была больничная рубашка, и она размешивала сливки в маленькой пластиковой чашке. Когда я промаршевал к ней, она посмотрела на меня и испугалась.

— Что ты здесь делаешь?

— Это что ты здесь делаешь?

— Вообще-то, медицинская история каждого человека является его личным делом. — Она протянула мне крошечный комочек теста. — Дыру от пончика?

— Не пытайся отвлечь меня. Ты больна, Грейс? — Мне стало плохо от самой мысли.

— Нет, я не больна. Я согласилась на медицинские исследования. Хочешь тоже?

— Ты позволяешь им использовать тебя в качестве подопытного кролика за бесплатные

пончики и кофе?

— Я получаю восемьдесят баксов за день. Это много.

— Грейс, ты с ума сошла? Какого рода здесь исследования?

— Мне нужно будет принимать кое-какое лекарство, затем они снимут меня с него и проверят, будет ли абстинентный синдром.

— Что? Ну уж нет, — сказал я и покачал головой, не веря своим ушам. Схватив ее за плечи, я развернул ее и направил к занавеске. — Иди, оденься. Ты не будешь этого делать.

Я взглянул в прорезь на ее больничной рубашке, приоткрывшейся сзади. Она казалась такой чертовски милой в этих маленьких трусах в цветочек. Я свел края ее больничной одежды и туго перевязал завязки, чтобы один край заходил на другой. Она повернулась и посмотрела на меня своими огромными зелеными слезящимися глазами.

— Мне нужно это сделать, Мэтт. Мне нужно вернуть виолончель.

— Вернуть откуда?

— Я заложила ее, чтобы оплатить остаток за обучение.

— А что со студенческим займом и финансовой помощью?

— Пришлось некоторую часть из этих денег переслать маме, потому что младшей сестренке нужно лечить зубы, а у них совсем нет денег. — Слезы полились из ее глаз. Когда я потянулся вытереть их, она дернулась.

— Грейс, я не позволю тебе пойти на это. Мы что-то придумаем, обещаю.

Мысль о том, чтобы Грейс продавала свою виолончель, казалась мне дикой, учитывая, что ее специализация — музыка. Мне было сложно понять степень ее отчаяния.

— Ты не понимаешь.

— Так поясни мне.

Она скрестила руки на груди.

— Я все время помогаю родителям. Все обстоит куда хуже, чем я говорила, потому я посылаю все, что получается, из студенческого займа. У меня почти не осталось денег за семестр, а тут позвонила мама и сказала, что их с отцом собрались выселить. У них были деньги, чтобы покрыть ренту, но у сестры сломался зуб, его нужно вылечить, а деньги на кредитных счетах закончились, потому пришлось платить наличными. Я не могла смириться с мыслью, что моя маленькая сестренка пойдет в школу с болью из-за сломанного переднего зуба.

Я был шокирован, но это еще не значило, что Грейс должна была ввязываться в потенциально опасные медицинские исследования.

— Это не твои проблемы.

— Это моя семья. Я читала об этом исследовании и смогу заработать нужную сумму до следующей недели. Они платят каждый день. Я верну виолончель, и все будет в порядке. Но мне нужно это сделать, Мэтт. Это не так уж и страшно.

— Это очень страшно, Грейс. Ты не можешь знать, как на тебя подействуют эти лекарства.

— Ты все еще не понимаешь.

— Я пытаюсь. У меня есть немного денег. Я верну твою виолончель.

Она покачала головой.

— Я тебе не позволю. Тебе нужно покупать фотобумагу и пленку.

— У меня их хватает. Не беспокойся. — Грейс ужасала мысль о моей помощи. Она хотела быть независимой. — Иди, переодевайся, все наладится.

Она развернулась и зашла за занавеску. Выйдя оттуда, она неловко улыбалась.

— Ты, должно быть, думаешь, я сумасшедшая.

— Мне нравятся твои невроты. — Я обнял ее за плечи. — Просто я не позволю кому-то использовать тебя в качестве лабораторной крысы.

Когда мы проходили мимо столика с закусками, Грейс из чаши набрала охапку сливок и убрала их в сумку. Она крала сливки отовсюду, куда мы ходили, и иногда мешала их с водой или поливала ими зерновые хлебцы. Я улыбнулся ей и покачал головой. Она поговорила писклявым голосом:

— Просто зайдём за продуктами.

Настроение сразу же поднялось, и мы оба рассмеялись, выйдя за дверь. Меня по-прежнему убивала мысль о том, что Грейс посылает родителям деньги, которые ее отец, вероятно, тратит на пиво.

Мы отправились в банк, и я снял последние три сотни долларов. Я не рассказал Грейс, что после снятия денег на моем счету был отрицательный баланс — минус восемь центов. Она отвела меня в ломбард, где заложила виолончель, и мы поздоровались со стоявшим за стойкой среднего возраста мужчиной.

— Привет, Грейс, — поприветствовал он Грейс.

Я одарил Грейс неодобрительным взглядом.

— Он знает тебя? — прошептал я.

Она нахмурилась.

— Типа того.

— Пришла забрать виолончель?

— Ага, — ответила она.

Я протянул мужчине триста долларов. Он ушел в подсобку и вернулся оттуда всего через мгновение, неся с собой огромный чехол с виолончелью. Грейс заполнила бумаги, имы ушли. Как только мы покинули лавку, я повернулся к ней.

— Жди здесь. Сейчас вернусь.

Я вернулся в ломбард и попросил у мужчины клочок бумаги.

— Вот номер места, где я живу. Прошу, не позволяйте больше Грейс закладывать ее виолончель. Она невероятный музыкант. Она нужна ей для учебы. Просто позвоните мне, я приду и со всем разберусь.

Той ночью, после того, как Грейс ушла спать, я спустился в холл и из таксофона позвонил отцу за счет собеседника.

— Сын?

— Привет, пап.

— Привет. Уже впечатлил всех в университете Нью-Йорка? — каждое его слово было пропитано сарказмом. У него никогда не получалось скрыть свое презрение.

— Я позвонил, потому что у меня есть друг, который нуждается в помощи, и я хотел бы знать, можешь ли ты одолжить мне денег, чтобы я мог дать их ей. — Моя гордость была растоптана. Я закрыл глаза и стал ждать ответа.

— Ей? Подружке?

— Нет, пап. Все не так.

— Ты втянул какую-то девушку в проблемы? Ты об этом мне говоришь?

Я глубоко вздохнул.

— Она мой самый близкий друг здесь, и у нее нет никакой финансовой помощи. Как у

меня или Алекса. На протяжении всего обучения она справлялась практически самостоятельно. Она музыкант, и ей нужна новая виолончель, но она не может себе ее позволить. — Мне пришлось немного солгать, не хотелось посвящать его в детали.

— Ты же знаешь, мне нужно оплачивать свадьбу твоего брата.

— Родители Моники не участвуют в оплате свадьбы?

— Ну, мы хотим устроить им приличную свадебную вечеринку, а еще есть репетиция ужина, бесплатный бар...

— Ладно, пап. Никаких проблем.

Не телефонной линии образовалась тишина.

— Ну, ты хотя бы начинаешь ценить то, что мы сделали для тебя. Сколько тебе нужно, сынок?

— Несколько сотен долларов.

— Я переведу их тебе на счет завтра. Ты знаешь, Маттиас, я вынужден тебе помогать. Только из-за того, что ты принял самое сложное решение о будущем...

Я рассмеялся. Он не мог перебороть себя.

— Я устраюсь на работу и все тебе верну. Спасибо, пап. — Я повесил трубку.

Звонить ему было неприятно, но мне было плевать. Я мог думать только о том, через что прошла Грейс, на какие жертвы пошла, чтобы играть. Она верила в музыку, была убеждена, что ради нее можно пойти на многое, а что есть вера, если не терпение и выдержка? Вот чему я у нее научился: как верить в себя и в свое творчество.

Я почувствовал это к Грейс прежде, чем облек чувство в форму. Я произносил это слово миллион раз, но прежде оно звучало не так, как сейчас, когда я вкладывал в него смысл. Когда я думал о том, что между нами, было неважно, что мы всего лишь друзья. Я любил ее.

.Ты изменил меня

ГРЕЙС

Даже несмотря на то, что я до совершенства отточила искусство бега с виолончелью за спиной, следующим утром это не помогло мне не опоздать на занятия. К счастью, я нравилась профессору Порнделу, и его занятия давались мне довольно легко, хоть я и не была любимицей преподавателя, как назвала меня Татьяна. От меня требовалось всего лишь играть на виолончели, а это у меня получалось хорошо. Чаще всего я закрывала глаза, забывала обо всем и растворялась в музыке. Но эта пятница была другой.

— Ты снова опоздала, Грейсленд.

— Грейс, — поправила я его, доставая из чехла виолончель и смычок.

Из смычка торчало несколько оборванных струн, и я постаралась вырвать их, пока Дэн нависал надо мной в своих брюках цвета хаки, затянутых ремнем слишком высоко, и оранжевой футболке поло на два размера меньше, чем нужно было. Я устремила на него раздраженный взгляд, чтобы дать понять, что сердита из-за незаслуженного внимания.

— В чем дело? — спросила я.

Он выхватил струну из моей руки и стал изучать ее.

— Это нейлон.

— Я знаю.

— Ты первая виолончель, Грейс. Добудь качественный смычок. Почему ты пользуешься таким непотребством? — Часть его усов топорщились над его верхней губой и двигалась, пока он говорил.

— Я член общества защиты животных. Я не использую смычки с конским волосом.

Я видела, как тело Татьяны, сидевшей передо мной, затряслось от смеха. Порндел усмехнулся.

— Да ладно. Серьезно?

Я фыркнула.

— Новый смычок будет на следующей неделе. — Я знала, что не могу его себе позволить, но он был прав — нейлоновый смычок — непотребство.

— Договорились. Ладно, ребята, начнем с «Канона» Пахельбеля.

Татьяна громко вздохнула. Нам осточертело играть эту песню. Казалось, будто каждый учитель музыки готовит нас к участию в одном из тех квартетов, что играют на свадьбах. «Канон» Пахельбеля, «Музыка на воде» Генделя и «Свадебный марш» вьелись в наши мозги и мышцы так глубоко, что я буквально начинала верить, будто они влияли на мои способности играть другие композиции.

Порндел вышел вперед класса и начал отсчет от трех. Я толкнула стул Тати и прошептала ей: «Ирландский стиль». Мы приступили к игре согласно традиции, а затем медленно изменили ритм, перебив всех в комнате. Многие прекратили играть и просто пялились на то, как мы с Тати превращали классическую композицию в ирландскую джигу. Студенты-музыканты с чувством юмора отложили свои инструменты в сторону и начали ритмично хлопать, а некоторые даже пытались подыгрывать. В конце мы сорвали короткие аплодисменты, а Порндел стоял перед нами как каменное изваяние со скрещенными на груди руками.

— Миленько. Может, вы двое станете уличными исполнителями. Одному Богу известно, как отчаянно Нью-Йорк нуждается в уличных музыкантах.

Я молчала, потому что и так ходила по тонкому льду, но Татьяна решила вставить слово.

— Профессор Порн... дел... — Я рукой хлопнула себя по рту, чтобы не расхохотаться, а Тати тем временем продолжала с абсолютно безразличным выражением лица. — Нам просто нужно было разбавить ритм.

Он кивал как болванчик целых пять секунд.

— Ладно. Все равно сегодня я себя чувствую неважно. Все на сегодня свободны. Порепетируйте в парке на свежем воздухе. Вернемся к этому завтра.

Я потянулась, чтобы расстегнуть чехол для виолончели, аж две секунды радуясь происходящему, а потом почувствовала, как надо мной навис Порндел.

— Кроме тебя, Грейс. Задержись.

Я застыла, сидя на стуле и уставившись на его бежевые топсайдеры. В желудке появилось неприятное ощущение. Мне было интересно, дождется ли он, пока все уйдут, чтобы сделать предложение.

Скрестив руки и ноги, я уселась в холодном металлическом стуле поудобнее и стала ждать, пока все студенты соберутся. Тати обернулась и посмотрела на меня с непониманием. Убирая вьющиеся волосы в конский хвост, она прошептала:

— Почему он хочет, чтобы ты осталась?

Я пожала плечами.

— Без понятия.

— Эй, хотите с Мэттом вечером куда-нибудь сходить? Брэндон хочет выпить.

— Почему ты всегда думаешь, что я буду с Мэттом? Мы не встречаемся.

Она закатила глаза.

— Я знаю, знаю, вы не встречаетесь. А думаю я, что ты будешь с Мэттом, потому что вы всегда вместе.

— Вообще-то, мне нужно учиться. Сегодня я останусь дома. Мэтт может заниматься чем ему угодно.

Казалось, все думали, что мы с Мэттом пара. Я чувствовала давление из-за подачи заявления на аспирантуру, что вроде бы было логичным следующим шагом, но я словно не могла отвечать за себя, когда дело касалось Мэтта. Мне хотелось быть с ним каждую секунду дня, но от этого страдали мои оценки, и я знала, что перестану быть первой виолончелью из-за своих глупых шуточек.

— Почему бы вам просто не перепихнуться уже и разобраться со всем?

Как раз в этот момент подошел Порндел.

— Ну, Татьяна, это просто какая-то благодать, прямо-таки чудо, что твоя вульгарность не распространяется на твое ремесло.

Порндел всегда распинался о ремесле. Татьяна была феноменальным музыкантом, но как только она отставляла скрипку в сторону, в ней не оставалось ничего классического. У нее была грубая внешность, и многое в ней было от девчонки из Джерси.

— Спасибо, учитель, приму это как комплимент. Пока, Грейс. — Она взяла скрипку и покинула комнату, крича на прощание через плечо: — Приходите сегодня вечером после вашего с Маттиасом перепиха!

Порндел посмотрел прямо на меня без всякого выражения.

— Прогуляешься со мной?

Я решила, что быть на публике — отличное решение.

— Конечно.

Я поднялась и последовала за ним за дверь. Он шел быстрее, чем обычно, и довольно быстро у меня сбилось дыхание, пока я тащила на спине виолончель, пытаюсь поспевать.

— Куда мы идем?

— Увидишь. Почти пришли уже.

Мы прошли четыре квартала, пока не завернули за угол маленького кирпичного дома. Мы стояли перед музыкальным магазином. Вывески не было, но через стеклянную дверь я видела музыкальные инструменты.

— Это магазин Орвина. Он делает лучшие смычки на планете.

Я втянула воздух через зубы.

— Профессор...

— Зови меня Дэн.

— Дэн... у меня нет денег, чтобы купить новый смычок. Я просто поменяю струны у своего.

Он покачал головой в знак понимания.

— Грейс, обычно я не делаю подобного для студентов, но для тебя хочу.

— Вы о чем?

— Я собираюсь купить тебе смычок, потому что ты очень талантлива. Мне нравится, как ты играешь, и у тебя отличный инструмент. — Он бросил взгляд на чехол. — У тебя должен быть отличный смычок.

Пока он ждал моего ответа, я увидела, как в уголках его глаз образовались морщинки, когда он улыбнулся, и впервые нашла привлекательность в его добродушном лице.

— Хорошо, — ответила я.

— Идем, тебе нужно познакомиться с этим парнем. — Он открыл дверь и махнул мне идти вперед. За стойкой стоял низкий мужчина, по меньшей мере, лет семидесяти, с непослушно торчащими в разные стороны седыми волосами, оставшимися на голове только по бокам.

— Дэниел, мальчик мой, — произнес он с легким немецким акцентом. — Кого это ты привел ко мне?

— Орвин, это моя самая талантливая ученица, Грейс. — Ого, правда, что ли? Я и не подозревала.

Я поставила свою виолончель на пол, оперев ее о прилавок, и пожала мужчине руку. Он подержал мою руку несколько секунд, изучая ее.

— Маленькая и нежная для виолончелистки, но сильная, вижу, ага.

— Да. Грейс нужен новый смычок, и мне бы хотелось, чтобы он у нее был лучший.

— Конечно, конечно, у меня есть кое-что, что ей прекрасно подойдет. — Он ушел в подсобку и вернулся с самым прекрасным смычком из всех, что я видела. Он протянул его мне, и мягкое дерево, очутившись между моих пальцев, у основания показалось плавким, как масло.

— Ого, он такой гладкий.

— Цезальпиния и настоящее серебро с лучшим конским волосом, — проговорил Дэн. Орвин кивнул. Через мгновение Дэн вытащил из заднего кармана чековую книжку, взглянул на Орвина и изогнул брови.

— Одиннадцать, — сказал Орвин.

— Одиннадцать чего? — переспросила я, повисив голос.

Мне никто не ответил.

— Скоро вернусь, — поставил нас в известность Орвин, после чего снова ушел в подсобку и вскоре вернулся с запакованным смычком.

Дэн протянул ему чек, забрал смычок и посмотрел на меня.

— Готова?

Я одарила его самым угрожающим взглядом, на какой была способна.

— Шутите, да? Вы только что купили мне смычок за одиннадцать сотен долларов?

— Воспринимай это как инвестицию. Давай же.

Как только мы вышли наружу, он попытался отдать мне упакованный смычок.

— Серьезно, Дэн, я не могу его принять. Я правда не смогу вернуть вам деньги. У меня едва хватает на еду.

— Тогда позволь сводить тебя поужинать, — незамедлительно предложил он.

Я уставилась на него, моргая, пока он ожидал моего решения.

— Я...

— Это не свидание, Грейс.

— А кажется, что свидание. — Я сомневалась, соглашаться ли. Мне по-прежнему не было ясно, чего Дэн ждет от меня.

— Это просто прием пищи. Мы можем поговорить об оркестре, который я формирую этим летом. Мне бы хотелось, чтобы ты была его частью.

— Хорошо. Эм...

— Давай же. Пожалуйста?

Мой профессор из университета умолял меня сходить с ним поужинать. Я оглянулась по сторонам в поисках знака, что я перенеслась в альтернативную вселенную.

— Во сколько?

— Я буду у общежития в семь. Тебе нравится тайская кухня?

— Конечно.

— Есть одно местечко в двух кварталах от общежития. Довольно неплохое.

— Я знаю его. Встретимся там.

Ресторан был прямо напротив фотомагазина, в который устроился работать Мэтт. Я надеялась, что мы его не увидим.

Когда я вернулась в общежитие для старшекурсников, было достаточно прохладно. Я юркнула в холл, поднялась в комнату и несколько часов репетировала с новым смычком. Просто потрясающе, насколько изменилось качество звучания. Оно стало гораздо сильнее, заполняя комнату более свежими звуками.

К шести часам я проголодалась и, откровенно говоря, ждала ужина с Порнделом, несмотря на то, что будет он несколько неуютным. В план входило съесть побольше бесплатной еды и попытаться поддерживать легкую беседу. Я выбрала фиолетовые шерстяные леггинсы, длинный серый свитер и сапоги. Заколола волосы, убрав их в пучок, и обмотала шею тонким черным шарфом. Нанесла немного туши, блеска для губ, чтобы придать им форму, и выкурила половину косяка, не поддаваясь уговорам здравого смысла. Мне показалось, что ужин с профессором музыки оправдывает небольшое химическое воздействие на мозг. Я спустилась по лестнице в холл, где сделала себе чашку горячего шоколада.

Кэри Кармайл и Джейсон Уилер, студенты, жившие со мной на одном этаже, сидели на кожаном диване и перешептывались.

— Привет, Грейс, а где Мэтт? — спросила Кэри.

Я пошарила в кипе журналов, лежавших на столике у стены рядом с диваном.

— Думаю, он в фотолаборатории, проявляет снимки.

Я заметила, как Кэри послала Джейсону вопросительный взгляд. Джейсон повернулся лицом ко мне.

— Итак, вы, ребята, встречаетесь или как?

Ну вот, опять.

— Мы друзья, — ответила я осторожно. — А что?

— Ох, хорошо, — рассмеявшись, сказала Кэри. — Мы думали, что вы все же вместе.

— А что, если бы были вместе? — И какое кому до этого дело?

— Но вы не вместе, — утвердительно сказала Кэри. Я взглядом метала в нее кинжалы. Никогда не замечала, что она похожа на женскую версию Дэнни Бонадьюса.

— Что, если бы мы были вместе? — переспросила я, пытаюсь быть невозмутимой.

— Всем известно, что каждую пятницу в кампусе с фотолабораторией грандиозные вечеринки. Все напиваются в хлам, а потом трахаются друг с другом в проявочной комнате. Это как огромная целлулоидная оргия.

У меня челюсть отвалилась. Мэтт ходил в лабораторию каждую пятницу и всегда возвращался немного пьяным и под кайфом.

— Не то чтобы оргия, — поправила себя Кэри, видя выражение моего лица. — Все просто веселятся. Ты же знаешь, какие скованные эти студенты с курса фотографии. Просто ходят слухи, что они делают это в проявочных.

Я понятия не имела, о чем она говорила. Мэтт ни о чем таком не упоминал. Также мне было непонятно, с чего меня это заботило. Это была его жизнь, и я была не в том положении, чтобы говорить ему, что делать.

— Кэри, — обратился к ней Джейсон, многозначительно смотря на нее. — Я уверен, Мэтт там не только снимки проявляет.

Меня как будто вывернули наизнанку.

— Пошел ты, Джейсон.

— В чем проблема, Грейс? Ты долбаная паинька что ли?

— Забей. — Я посмотрела на часы. Почти семь. — Мне надо идти.

.Почему мы не объяснились?

ГРЕЙС

Воздух за пределами общежития поразил меня подобно арктическому порыву. В права вступала зима. Я поторопилась к светофору, ударила по кнопке для пешеходов и посмотрела на другую сторону улицы, после чего осознала, что совершенно замерзла в своих сапогах. Мэтт стоял на другой стороне и глядел прямо на меня. На нем была черная футболка, под которой была теплая серая кофта с длинным рукавом, джинсы и ботинки. Погода располагала к ношению пальто и, понаблюдав с противоположной стороны улицы, как он руками тер ручки своего рюкзака, мне показалось, что он дрожал.

Сердце пропустило удар. Я сглотнула. Он улыбался, а я не могла ответить ему тем же, и, несмотря на желание задать ему миллион вопросов, знала, что не могу этого сделать. Это была его жизнь, и мы были друзьями. Когда пришло время переходить дорогу, мы пошли друг другу навстречу и остановились на середине пути.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Ужинать.

Он окинул мое тело взглядом и снова посмотрел мне в глаза. За те три месяца, что мы были знакомы, едва ли я надевала что-то симпатичнее свитеров и пользовалась чем-то, кроме фруктовой гигиенической помады. На его лице читалось желание.

— Позволь проводить тебя. — Он застучал зубами, привлекая мое внимание к его полным губам и небритому подбородку. Так и хотелось потереться о него лицом.

Цвет светофора сменился, и нам было пора убираться с центра дороги.

— Ты мерзнешь, Мэтт. Просто иди домой, со мной все будет хорошо.

Мы быстро перешли дорогу, плечом к плечу.

— Куда ты идешь ужинать?

— В тайский ресторанчик за углом.

Его руки были убраны глубоко в карманы и тесно прижаты к телу.

— Я могу проводить тебя.

— Мне не нужно, чтобы ты провожал меня два квартала, Мэтт. Я справлюсь.

На его лице промелькнуло неясное выражение, после чего он сделал шаг ко мне, вытянул руки, положил их на мои щеки, а тем временем между нашими телами осталось всего пара дюймов. Из него вырвался слабый, смущенный выдох.

— Кто ведет тебя ужинать?.. Грейс?

Я глянула за плечо Мэтта и увидела Дэна с невозмутимым лицом. Мэтт обернулся и, когда повернулся обратно, его брови были изогнуты.

— Порндел? — Мне не понравились шутливые нотки в его голосе.

Я оттолкнула его.

— Пошел ты, Мэтт. Уверена, тебе есть чем заняться. Разве нет какой-то грандиозной оргии в темной комнате, которую нужно бы посетить?

— Чего?

— От тебя несет ромом.

— И что? Я выпил пару рюмок с коллегами-фотографами. Я шел домой, чтобы узнать у тебя, не хочешь ли ты прогуляться.

— Я не могу. У меня планы. Пока, Мэтт.

Я развернулась и не оглянулась назад.

Дэн нерешительно махал и одаривал Мэтта дружелюбной улыбкой. Мне не хотелось видеть выражение лица Мэтта, так что я схватила Дэна за руку и потащила к входу в ресторан.

Как только мы оказались внутри, Дэн выдвинул для меня стул. Он был милым и учтивым, предлагая выбрать вино для нас. Первый час ужина мы вели светскую беседу о его оркестре, который он планировал сформировать к лету. Он подумывал покинуть Нью-Йоркский университет и последовать за мечтой — создать путешествующий оркестр.

Его маска учителя спала, и энтузиазм, с которым он говорил о музыке, сделал его похожим на равного мне человека, а не профессора. Мы много смеялись, и это добавляло легкости нашему общению. Что-то в его поведении, его зрелость и уверенность в желаниях впервые сделали его для меня привлекательным.

— Вы с Мэттом встречаетесь? — спросил он.

В этот момент мне предстояло принять решение. Мне не хотелось врать, но и не хотелось вводить Дэна в заблуждение, а я знала, почему он спрашивал об этом.

— В общем, все сложно.

Он бросил взгляд на свои беспокойные руки.

— Я слышал, Татьяна сегодня утром говорила что-то...

— Мне нравится Мэтт, — выпалила я. Это, вообще-то, не было ложью.

— Тогда многое обретает смысл.

— Вы о чем? — Я не была уверена, думал ли он, что мы с Мэттом отличная пара, или говорил в целом об отношениях в университете.

— Девушки вроде тебя всегда достаются парням вроде Мэтта.

Это вывело меня из себя. Мне не понравилось, что он полагал, будто знает Мэтта, хотя в то мгновение мое мнение о Мэтте было, вероятно, немногим лучше мнения Дэна.

— Мы что, в младшей школе, Дэн? — Внезапно я начала защищаться. — Определенные девушки могут встречаться только с определенными парнями? — Я пристально посмотрела на него и наклонилась вперед. — Стойте, так это потому вы купили мне смычок и повели ужинать? Вы думали, что я запрыгну к вам в постель?

Он выставил руки, чтобы остановить меня.

— Притормози. Прежде, чем ты дашь волю своему воображению, я отвечу — нет. Я не хочу переспать с тобой. — Он бросил взгляд в потолок и склонил голову на бок. — Ну, вообще-то...

— Забудьте. — Я начала вставать.

— Стой, Грейс. Я пытаюсь сказать только то, что в университете у парней вроде Мэтта на уме только одно, понимаешь? Я был таким, как он, и все это знаю. Я купил тебе смычок, потому что хотел, чтобы он у тебя был. На ужин пригласил, потому что мне нравится общаться с тобой. Все вокруг не всегда делится только на черное и белое, каким мы это видим в молодости. Я старше тебя меньше чем на десять лет, но в свое время я понял вот что: существует много серых тонов. Ужин с мужчиной не обязательно подразумевает под собой просьбу секса.

Я сглотнула, но по-прежнему не могла найти слов. Он потянулся вперед и сжал мою руку, лежавшую на столе.

— Хорошо?

— Хорошо, — ответила я. Весь остаток вечера мы провели в неловком молчании.

После ужина он проводил меня до общежития и даже не намекнул на объятия. Я

поблагодарила его за смычок и приглашение и сказала, что мы увидимся завтра. Когда я открыла дверь в холл, то сразу же услышала группу «Operation Ivy», которая громко раздавалась из стереосистемы в комнате отдыха, сообщая мне, что дальше идти нужно с осторожностью. До слуха донесся смех и разговоры нескольких человек, а когда я завернула за угол, то заметила на диване Мэтта, его рука покоилась на талии девушки, как две капли воды похожей на Рейчел из «Друзей». Он увидел меня, поднял рюмку с коричневой жидкостью и закричал: «Шоты с тела!». Он положил дольку лайма в рот девушке, насыпал соли в ее декольте, а затем — я не шучу — ухмыльнулся, прежде чем лизнуть вершину девичьей груди. Он залпом выпил содержимое рюмки и накрыл своим ртом рот той девицы.

Как только я перестала наблюдать эту сцену, показавшуюся мне тошнотворной, то смогла увидеть и других людей, находившихся в комнате. Все они, похоже, прекрасно проводили время.

Мэтт, которому, вопреки его желанию, пришлось освободить рот, теперь обратил свое внимание на меня.

— Хочешь рюмочку? — он поднял бутылку текилы.

Я показала ему неприличный жест и направилась к лестнице, но он тут же оказался за моей спиной.

— Как свидание с Порнделом?

Я даже не обернулась.

— Это было не свидание. Просто ужин.

— Хорошо, Грейс. Как скажешь.

На пролете я резко развернулась, сгорая от ярости.

— Что, если я скажу, что переспала с ним?

— Я бы сказал, что ты лгунья. — Он был пьяным в дубель. Это точно. Его ничто не останавливало.

— Он купил мне смычок для виолончели, и я отсосала ему в туалете в тайском ресторанчике.

Он поджал губы, ловя мой взгляд.

— Так, значит? Тогда почему бы тебе не пойти потусить с моими приятелями? Не бывает слишком много девиц, обожающих делать минет.

— Что ж, пошли. — Я прошла мимо него и спустилась на три ступеньки. Он застыл на лестнице как истукан и какое-то время казался озадаченным, но затем последовал за мной.

В комнате отдыха я схватила бутылку текилы и сделала несколько глотков, после чего взяла курс на высокого длинноволосого блондина.

— Я Грейс. — Я протянула руку.

— Привет, Грейс, — ответил он, аккуратно пожимая мою руку. — Ты Грейс Мэтта?

Я фыркнула.

— Я ничья Грейс. — Я протянула ему бутылку и окинула комнату взглядом, чтобы увидеть, что Мэтт уселся на диван, только на этот раз он был один и не отрывал от меня глаз.

Час возлияний и курения подошел к концу. С меня было достаточно. Рейчел из «Друзей» вернулась, а мой приятель-блондин за время нашего общения становился все ближе и ближе ко мне. Мэтт по-прежнему не сводил с меня глаз.

— Хочешь пойти в мою комнату? — спросил блондин.

— Конечно.

Он вывел меня из комнаты отдыха и потащил на лестницу. На первом же пролете он пригвоздил меня к стене и предпринял попытку поцеловать. Я отвернулась.

— Нет.

Он рассмеялся.

— Чем, по-твоему, мы бы занимались в моей комнате?

— Общались? — ответила я неуверенно, розовея.

Он отклонился от меня.

— Так ты маленькая дразнилка?

— Хватит. — Мэтт по-дружески приобнял блондина за шею, но его намерения были совершенно очевидны. — Она гребаная трата времени, парень. Ты правда хочешь секса вот ээтим? Чувак, да она недоразумение.

Я рассердилась. Блондин посмотрел на Мэтта.

— Ты прав, — он закатил глаза и отправился вниз по лестнице, обратно в комнату отдыха.

Я упала в руки Мэтта и просто развалилась на части от усталости. Я просто хотела, чтобы у нас все было нормально. Хотела, чтобы Мэтт все рассказал мне и снова стал моим лучшим

другом, но переживала, что в этот день между нами что-то изменилось. Он сжал меня покрепче и прошептал на ухо:

— Что же ты делаешь, малышка?

Я начала плакать. Замечу, что рыдать было последним делом, но алкоголь, травка и мое глупое поведение привели мои эмоции в беспорядок.

— Я тебе противна?

— О чем ты говоришь?

— Ты сказал тому парню: «Ты действительно хочешь секса вот с этим?». Что это должно было значить?

— Грейс, распахни глаза. Ты под кайфом и пьяная. Я знаю этого парня, и, скорее всего, его не смутило бы, если бы ты вырубилась, он просто продолжил бы получать от тебя то, чего хотел.

Я закрыла лицо руками и разревелась еще сильнее. То небольшое количество туши, что было на ресницах, растеклось по моим щекам.

— Да ладно. Давай забудем об этом дерьме. — Он повел меня по лестнице наверх.

В моей комнате я бросила ключи на стол и, покачиваясь, направилась в ванную. Мне было слышно, что Мэтт поставил играть диск группы U2.

Когда были только мы вдвоем, все, казалось, в порядке, и мы могли быть просто Мэттом и Грейс. И не нужно было ничего обсуждать. Но стоило нам появиться в реальном мире...

Я вышла из ванной и обнаружила его мучившимся с термостатом.

— Я поджариваюсь. Что за хрень с обогревателем? — спросил он.

— Дарья уже работает над этим. Я попросила ее еще вчера.

Печка в коридоре сломалась и не работала три дня подряд, после чего внезапно снова заработала и с тех пор не выключалась. Издержки проживания в старом здании Нью-Йорка.

Я начала стягивать колготки.

— Отвернись, — скомандовала я, но он продолжал наблюдать за мной. — Отвернись, я собираюсь переодеться. — Наконец, он отвернулся. Неохотно.

Я надела платье в цветочек, которое валялось поверх остальных вещей, громоздившихся на кровати, потом уселась на пол и стала следить за тем, как Мэтт снимал с себя обувь. Он проскользил в носках по деревянному полу к другому концу комнаты и попытался открыть

ОКНО.

— Я очень быстро замерзну, если ты откроешь его.

Он развернулся и посмотрел на меня, одетую только в тонюсенькое платье с резинкой на талии. После чего снял с себя футболку. Каждый раз, когда я видела его без футболки, у меня спирало дыхание. Его плечи были широкими, а талия узкой, джинсы он носил низко на бедрах и иногда поверх них виднелись боксеры, а иногда — нет. Той ночью Мэтт был в боксерах, и в шлёвки джинсов был продет ремень из шнурков, который сделала для него я.

— На что уставилась? — Он подошел ко мне, ухмыляясь.

— Не льсти себе. Я смотрела на твой крутой ремень.

— Ну еще бы. — Он взял бутылку текилы с книжной полки, сделал глоток и протянул ее мне, но я отмахнулась. Я не смогла бы выпить ни капли. — Другой мой ремень испорчен. Мама сделает мне новый, когда я заеду.

— Она делает ремни?

— Ага, она мастерица.

— Как она их делает?

— Использует маленькие металлические инструменты для создания вещей из кожи. — Он указал на кожаные ремни, прикрепленные к фотоаппарату, который покоился на моей прикроватной тумбочке, где Мэтт его и оставил вчера. Я не смотрела на них. Я продолжала пялиться на его дорожку из волос, спускавшуюся от пупка вниз... что не укрылось от его внимания. Когда я подняла взгляд на его лицо, то увидела, что он смотрел на меня, не мигая.

Я вывела себя из оцепенения и потянулась к фотоаппарату. На коже было замысловатое тиснение в виде кругов и треугольников.

— Это правда круто.

Нависая надо мной, Мэтт протянул руку.

— Давай, потанцуй со мной.

— Что? Нет.

— Поднимайся и потанцуй со мной, трусиха.

— Я не очень хорошо танцую, да и слишком пьяная.

— Казалось, ты довольно хороша во флирте, судя по тому, что было в комнате отдыха с

как его там.

— Я чувствую себя глупо. Прошу, не напоминай. В любом случае, ты пил шоты и слизывал с Дженнифер Энистон.

— Она и правда похожа на Дженнифер Энистон, да?

Я закатила глаза.

— Давай же, поднимайся. Я поведу. Тебе нужно будет только следовать.

Я взяла его за руку и встала. Нервно рассмеялась, но он не колебался: одну руку положил мне на поясницу, а другой сжал мою ладонь и притянул меня к своей нагой груди.

— Положи руку на плечо, Грейси.

Начала играть песня группы U2 — «With or without you» (Прим. пер. «С тобой или без тебя»). Мэтт покачивался в ритм, а потом оттолкнул меня и закрутил. Когда он притянул меня обратно, наши тела оказались друг к другу еще ближе, чем были до этого. Он опустил голову и поцеловал мое обнаженное плечо. Мое сердце забилось чаще. Его разгоряченная кожа касалась моей. Мы перестали двигаться и отступили друг от друга, но всего на пару дюймов. Я провела указательным пальцем вниз по его слегка выступающим косым мышцам и не оставила без внимания рельефные мышцы нижнего пресса. Вырисовавшаяся буква «V» как будто указывала вниз, посылая мой взгляд южнее. Судя по тому, как вздымалась его грудь, его дыхание тоже участилось.

— Что ты делаешь? — спросил он, понизив голос.

— Прости... — Я попыталась отнять руку от его живота, но он схватил ее и вернул обратно.

— Тебе не нужно останавливаться.

Я положила руки на его талию и провела ими вверх по его твердым бокам, после чего переместилась на его грудь, где были мягкие редкие волосы, и в конце концов обхватила его шею. Мы начали раскачиваться, как в медленном танце. Его глаза были закрыты, но он улыбался.

— М-м-м. Моя очередь.

— Ты не воспринимаешь меня всерьез, Мэтт, да?

Его глаза распахнулись. Он прижал меня к себе, и я почувствовала его эрекцию.

— Это достаточно серьезно? — спросил он жестко.

Я оттолкнула его от себя и отшатнулась в сторону. Он сел на кровать, ударил ногой по

проигрывателю и остановил музыку. Наклонившись вперед, он оперся локтями на колени и опустил голову между руками.

— Прости меня.

— Ты тоже меня прости. — Я подошла к нему и испытала смущение впервые за долгое время.

Присев рядом с ним, я положила руки ему на плечи. Мы легли на спины и уставились в потолок. Я устроила голову у него на руке, как делала уже много раз.

— Это нечестно по отношению к тебе. Прости, Мэтт.

— Все нормально, — ответил он, но мне не верилось, что он искренен.

Я снова и снова прокручивала в голове мысль о том, как сказать то, что мне хотелось, но все равно получилось ужасно.

— Хочешь, чтобы я разделась, чтобы ты... То есть, не хочешь сфотографировать мое, меня... ну, знаешь, как ту голую девушку на...

Он усмехнулся.

— Думаешь, это поможет в моей ситуации, Грейс? — он приподнял голову и кинул взгляд на выпуклость в паховой области.

Я даже ощутила, как моему лицу стало жарко и как оно стало помидорового цвета.

— Нет, я имею в виду... — Я сглотнула, и из глаз хлынули слезы. Голос, казалось, принадлежал не мне. Я звучала жалко. — Я девственница, Мэтт.

В Нью-Йоркском университете было не так много девственниц моего возраста, и я начала задумываться о том, что, может, пропустила свое окно. Вот как это происходит: когда ты становишься старше, все сложнее переходить к интимным взаимоотношениям с кем бы то ни было. Я этого избегала, потому что была сфокусирована на учебе и музыке. На втором курсе я была в буквальном смысле единственной девственницей среди всех знакомых. Я чувствовала себя посмешищем. И боялась показаться парням странной или неопытной.

На лице Мэтта возникло раскаяние, а глаза расширились. Он погладил мою щеку.

— Я знаю, Грейс. Знаю с первого дня нашего знакомства. Тебе не нужно ничего делать. Прости, что заставил тебя сомневаться.

— Ты знал?

Он кивнул. Думаю, это было очевидно. У меня на лбу татуировка «ДЕВСТВЕННИЦА»?

— Я просто подумала, может, ты хотел бы пофотографировать меня, как ту девушку?

В то мгновение я видела, что Мэтт понимал — для меня это имело большее значение, чем для него.

— Я бы с радостью пофотографировал тебя, Грейс. Я всегда буду хотеть фотографировать тебя.

Он встал с кровати, глубоко вдохнул, чтобы собраться, и взял камеру в руки. Глядя на меня, мявшую платье, он произнес:

— Я просто сделаю несколько снимков. Делай то, что не вызовет у тебя дискомфорта, хорошо?

— Хорошо. Мы можем включить музыку?

— Конечно.

Он сменил диск и поставил песню Джеффа Бакли «*Lover, you should have come over*» (Прим. пер. «Любимая, лучше бы ты пришла»). Я переместилась на край кровати и стянула платье через голову, отбросив его в сторону, а затем спустила трусики до лодыжек и отшвырнула их подальше, не поднимая взгляда на Мэтта. Закрывая обнаженную грудь руками, я слышала, как он сделал несколько фотографий, пока я просто стояла на месте, застыв как дерево, и смотрела себе под ноги. Он подошел к лампе и накинул на нее какой-то тонкий материал, приглушая свет, чтобы создать тень. Я повернулась и затолкала покрывало подальше, чтобы открыть белые простыни, прежде чем вернуться на подушки. Я наконец подняла глаза на Мэтта, но продолжала прикрываться руками настолько, насколько могла.

Его голова была наклонена, как будто он изучал композицию, а сам левой рукой держал фотоаппарат за объектив. Когда он приблизился ко мне, я с уверенностью могла заявить, что он изучал меня. Он остановился рядом, у края кровати, и правой рукой провел по моему согнутому колену, сжимая ногу в области икры.

— Попытайся расслабиться, малышка, хорошо?

Я кивнула, нервничая.

— У меня очень маленькая грудь.

Он покачал головой и улыбнулся.

— Убери руки, Грейс. Ты прекрасна.

Что-то в уверенности Мэтта и в том, с какой серьезностью он делал снимки, сделало позирование куда более легкой задачей. Когда он отвел камеру от глаз, на его лице мне открылось выражение блаженства. Это напомнило мне то, как я себя чувствовала, играя музыку. Было похоже, что, когда он фотографировал, с ним случалась необыкновенная

метаморфоза. Закрывая глаза и медленно выдыхая, я убрала руки за голову и услышала отдаляющиеся звуки закрывающегося затвора, пока Джефф Бакли обещал мне, что конец никогда не настанет.

Позже я лежала, завернутая в одеяло, и наблюдала за Мэттом, сновавшем по комнате.

— Что ты делаешь?

— Ищу футболку.

Я выдернула ее из-под кровати.

— Нашла. Но теперь она моя.

Я надела ее через голову. Я обожала, как пахли вещи Мэтта — ополаскивателем и мужским мылом.

— Берешь мою одежду в заложники?

— Остайся со мной.

Он смотрел на меня невыносимо долго.

— Мэтт?

— Ладно, — ответил он тихо. Он снял джинсы и в боксерах прилег рядом. Когда я дернула старое стеганое одеяло, он забрался между покрывалами. — Иди сюда, Грейси, — проговорил он, притягивая меня к себе. Я отключилась в его руках.

Смогу ли я когда-нибудь перестать думать о том, каково это — быть в подобных объятиях? Наши тела слились воедино. Теперь сон в одиночку никогда не будет мне казаться нормальным. Он двигался так уверенно. По-мужски. Нет ничего естественнее, чем быть в его тесных объятиях. Может, это потому, что в ожидании этого момента мы изучали друг друга долгие и долгие месяцы. А, может, потому, что он уже делал так прежде.

.Когда я стала твоей

ГРЕЙС

Мэтт ушел утром. Без сомнений, я подвергла его самоконтроль испытанию.

Порндел в субботу в репетиторской вел себя как обычно, но Татьяна смотрела на меня с подозрением.

— Ты как будто светишься. О. Мой. Бог! — Она наклонилась над спинкой стула, чтобы приблизиться ко мне. — Порндел вчера после занятий отымел тебя?

— Господи, нет! И потише. — Я оглянулась на других студентов, наблюдавших за нами.

Дэн сделал объявление, что спасло нас от нежелательного внимания.

— Тех, кто заинтересован в поездке за границу в следующем году в составе оркестра, который я собираю, прошу остаться после занятия. В полдень произведем отбор.

Я убрала свою виолончель и последовала за Татьяной к двери. Дэн схватил меня за руку.

— Грейс, ты даже не попытаешься?

Я посмотрела на его руку, цепко державшую мой локоть. Дэн был слишком близко, что было несколько неудобно.

— Я должна была сказать вам. Я подала заявку в аспирантуру. Отправила ее этим утром.

— Но прошлым вечером мы говорили о туре...

— Дэн... Профессор, я планировала поступление в аспирантуру с первого курса. Не думаю, что готова отказаться от этого и уехать на полтора года.

— Аспирантура никуда не денется, Грейс. Я пожалел, что не совершал подобное чаще, когда был твоего возраста. Потому беру перерыв сейчас. — Он казался озадаченным.

— Дело не в...

— Чем?

— Неважно. — Я чувствовала исходящую от него ревность. Я попыталась прояснить

ситуацию. — Чем раньше я закончу обучение, тем раньше смогу начать зарабатывать.

— Деньги не должны решать все, Грейс. Мы говорим о музыке. У тебя больше страсти, чем у любого студента из всех, с кем я сталкивался. — Я бросила взгляд на Тати, которая стояла в дверном проеме, слушая нас.

— Дело в деньгах, потому что у меня их нет, — я горько рассмеялась. — И у меня до черта студенческих займов, которые нужно покрыть. — Я вырвалась из его захвата.

— Понимаю, — последовал резкий ответ. Он кивнул, и я быстро направилась к Тати.

Как только мы вышли из кабинета, Тати толкнула меня плечом.

— Думаю, ты только что разбила Порнделу сердце.

— Он милый, но он не понимает.

— Похоже, и я не понимаю.

— Ты о чем? У меня нет денег и поддержки. Думаешь, путешествие по Европе бесплатное?

— Просто я не думаю, что это единственная причина.

Я знала, что она хотела упомянуть Мэтта.

— Не смей так говорить. Если тебе кажется, что это такая хорошая идея, то иди и попробуй сама.

Внезапно она замерла.

— Так я и поступлю. — Она развернулась и пошла обратно в кабинет. — Увидимся, Грейс.

Тати даже не нужно было пытаться. Она была хороша. Я знала, что Порндел возьмет ее, но полагала, будто ей хочется, чтобы я тоже поехала. Меня выбило из колеи то, что она не поняла мою ситуацию.

По пути к общежитию я проходила мимо магазина Орвина. Он сидел на скамейке снаружи.

— Здравствуйте, Орвин. — Он поднял глаза и прищурился. — Это я, Грейс. Помните? Я приходила с Дэном.

— Ах, да. — Он похлопал по скамейке рядом с ним. — Присаживайся, девчушка.

Уже темнело, и было холодно, да и довольно ветрено, особенно когда мимо проносились

одно такси за другим.

— Новый смычок фантастический, кстати.

Он улыбнулся не только губами, но и глазами.

— Рад это слышать, Грейс.

— Поверить не могу, насколько отличается звук.

Он продолжал смотреть перед собой, но накрыл мою руку своей.

— Не забывай, что это всего лишь инструмент. Инструменты — посредники, но начало музыка берет в тебе, в твоей душе.

Ого.

— Ага, — прошептала я, прекрасно его понимая.

— Дэн полон веры в тебя.

— Это так. Но я устала от классических произведений, и это проблема.

— Ха! — усмехнулся он. — Понимаю тебя, дорогая. Лучшие музыканты — нарушители правил. Дело в том, что тебе нужно знать правила, чтобы достигнуть успеха в их нарушении.

Мы довольно долго сидели в тишине. Я закрыла глаза, и он сказал:

— Музыка повсюду, не так ли?

Я слышала скрип машин, вой серен, детский смех, а также постоянный гул труб, доносившийся из-под люков. И затем все нагроможденные один на другой шумы внезапно стали четкими и слились в самую прекрасную симфонию. Красной нитью проходящую через всю мою жизнь.

Открыв глаза, я оглянулась и заметила, что Орвин наблюдал за мной.

— Видишь, о чем я? Это внутри тебя.

Глаза слезились от ветра, но все же больше от эмоций.

— Да.

— Прежде чем парить, тебе нужно научиться летать.

Я благодарила Орвина снова и снова. Каждый день я училась упрощать свою жизнь. Может, в этом и есть суть взросления. Взрослые всегда говорят, какой запутанной становится жизнь с возрастом, но мне кажется, что на самом деле мы просто ставим перед

собой все более значительные цели. Наши сильнейшие страхи растут: от боязни спать без обожаемого мишки до обнаружения, что у нас нет цели в жизни. Смогут ли время, зрелость и преодоленные преграды привести к довольству, которым так пыхал Орвин? Или мы просто сдадимся и капитулируем перед той жизнью, что уже имеем?

— Приходи еще, чтобы повидаться, — предложил он, вставая со скамейки.

— Обязательно приду.

В кошельке у меня была телефонная карта, которую я выиграла в ежемесячной лотерее общежития. Я нашла таксофон и позвонила маме.

— Грейс, как ты там, милая? — Она казалась занятой. Мне было слышно, как на заднем плане отец кричал на сестренку и брата.

— Как вы там?

— Твой отец снова потерял работу.

— О, нет, опять? — ответила я, хотя ни капли не была удивлена.

Она раздраженно вздохнула.

— Да, опять.

— Я правда хотела приехать на Рождество. Я могу найти сезонную работу в торговом центре и помочь вам.

— Ох, Грейс, это было бы замечательно. Ты можешь оплатить перелет?

— Я думала, что вместо Рождественского подарка от тебя и папы могла бы получить билет домой. — Внутри загорелась искра надежды.

Следующие ее слова потушили ее.

— Мы не можем себе это позволить, милая. Мне жаль.

Я не была дома почти год. Мне было жаль маму и не хотелось обременять ее, но я соскучилась по дому, по брату и сестрам, их болтовне, энергии, которой они наполняли дом, даже когда наступали трудные времена. Мысль о том, чтобы провести праздники в общежитии одной, пугала до чертиков. Так же, как я была совсем одна последние недели лета. Пока не приехал Мэтт.

Сигнал прервал долгую, неуютную тишину.

— Ладно, мам. Эй, мне нужно сохранить пару минут на этой карте.

— Хорошо, я понимаю. Мы любим тебя, дорогая.

— И я люблю тебя, мам.

Все время после обеда я провела в комнате, попивая дешевое вино и сочувствуя своей матери, но в основном купаясь в жалости к себе. Дверь приоткрылась, когда Мэтт прошел по коридору, поздно возвращаясь с работы.

Он толкнул ее, распахнув настежь.

— Тук-тук.

— Заходи. Присоединяйся. — Я играла на виолончели у окна, одетая в футболку Мэтта с логотипом группы Ramones.

Он вошел и бросил свою сумку курьера.

— Похоже, я никогда не получу свою футболку обратно.

Я смотрела на него, стоявшего у двери, и глупо улыбалась. Во мне что-то пережмурилось. Я встала, подошла к нему и стянула футболку через голову. На мне остался только лифчик и трусики. Я протянула одежду ему.

— Вот, держи.

Он просто моргал.

— Эм...

— Поцелуй меня, Мэтт.

Он захлопнул дверь, пнув ее ногой.

— Ты пьяна?

— Поцелуй меня.

Я обхватила его шею руками. Его руки накрыли мою поясницу, и он притянул меня к себе, после чего, наконец, поцеловал.

Поначалу поцелуй был аккуратным и нежным, но затем становился все напористее, наши языки переплетались, а руками мы блуждали друг по другу. Кожа наших тел разгорячилась, и мы могли чувствовать только нескрываемое желание. Мы целовались и целовались, и вскоре мне невыносимо захотелось, чтобы он прикасался ко мне везде.

Я возилась с его ремнем.

— Давай я, — пробормотал он, сбрасывая обувь. Пока я избавлялась от лифчика и трусиков, он снимал джинсы.

Я сдвинула руку на переднюю часть его боксеров.

— Ты сделаешь это? — спросила я.

— Что сделаю? — задал он вопрос, тяжело дыша.

— Займешься со мной сексом?

Он схватил меня за шею и отклонил голову так, чтобы я смотрела ему в лицо. В его глазах было истинное благоговение.

— Ты хочешь, чтобы это был я?

Я кивнула.

Он прильнул и поцеловал меня снова, после чего начал прокладывать дорожку поцелуев к моему уху.

— Грейс, я никогда ничего не желал больше за всю свою жизнь, чем оказаться в тебе прямо сейчас. — От одной лишь мысли о нем во мне мои ноги и руки пронзила нервная дрожь. — Но мы не станем этого делать, пока ты настолько пьяная. Доверься мне. Хорошо?

— Но я чувствую себя такой смелой.

— Я знаю, но ты не хочешь быть нечувствительной.

— Не хочу? — прошептала я.

— Нет, малышка.

Я знала, что он прав.

— Хорошо.

Он притянул меня к своей груди на пару секунд, а потом отдалился. Я потянулась и прикоснулась к нему через боксеры.

— Мы можем заняться кое-чем другим.

Мне было видно, как напряглись мускулы на его шее, а затем он сглотнул.

— А ну в кровать, — сказал он, и я повиновалась.

Он стащил свои трусы. Впервые я видела его вот так, голым и уязвимым, и таким мучительно заведенным, отчего во мне проснулось сочувствие к нему. Это был не первый

пенис, который я видела, но, учитывая обстоятельства, этот был самым шокирующим. Я была немного напугана. Не верится, что еще секунду назад я практически молила Мэтта быть во мне.

Когда он увидел мое испуганное выражение лица, то сказал:

— Не беспокойся, когда ты готова, ощущения приятные.

Он скользнул ко мне в кровать и приобнял сзади. Наши тела были горячими, когда мы прижимались друг к другу. Он убрал мои волосы в сторону и поцеловал плечо. По мне пробежали мурашки, после чего я расслабилась в его руках и закрыла глаза.

Одной рукой он обвил мою талию, а другой ласкал грудь, продолжая осыпать поцелуями затылок.

— Почему ты тогда была расстроена? Я должен был спросить, — прошептал он. Я пожалала плечами. — Расскажи.

— Потому что Кэри и Джейсон сказали, что все с курса фотографии по пятницам устраивают оргии в проявочной.

Его грудь затряслась от смеха.

— Это смешно. Я отведу тебя в проявочную в пятницу. Там нет никого, кроме таких же творческих зануд типа меня.

— Тогда почему они так сказали?

— Не знаю. Может, это какая-то современная университетская байка.

Я расслабилась, прижавшись к нему теснее. Его рука, что обвивала талию, сжала бедро.

— Ты должна сказать, что сейчас происходит в твоей голове.

— На данный момент — ничего. Твои руки делают так, что мой мозг умирает, — захихикала я, но Мэтту было не смешно.

— Что у тебя с Порнделом?

— Его зовут Дэн.

— Что у тебя с этим Дэном?

— Ничего. Он милый. Он мой учитель. Он купил мне смычок и предложил оплатить ужин. Конец истории. Ой, еще он формирует оркестр для тура за границу, по Европе. Он хочет, чтобы и я вступила.

Я почувствовала, как Мэтт напрягся.

— Надолго?

— На полтора года... но я не поеду. Это слишком долго, а я не хочу откладывать учебу.

Он поцеловал меня в ухо.

— Хорошо. — Я ощутила, как он снова расслабился.

Его рука спускалась все ниже, и я резко вздохнула, когда он прикоснулся к самой чувствительной части моего тела. Она начал с медленных, неспешных и мягких движений, после чего добавил больше нажима. Я ощутила дуновение на сосках и щекотку, пронесшуюся по позвоночнику. Ноги задрожали.

— Кто-нибудь трогал тебя так?

— Нет, — слово вылетело на выдохе.

Он поцеловал мое ухо.

— А себя ты когда-нибудь так трогала?

Я кивнула.

— Расскажи, что тебе нравится.

— Что ты делаешь? — простонала я.

— Хочу тебя до умопомрачения, Грейс.

Благодаря напряжению, что накапливалось между нами последние несколько месяцев, и волшебным минутам, когда Мэтт работал руками, я почувствовала, как на меня накатывает незримая волна. Он не менял движения и абсолютно точно знал, что делал со мной. Возбуждение было едва ли не болезненным, но я знала, что нуждалась в освобождении. Я положила свою руку на его, чтобы он не останавливался. Внизу живота образовалось напряжение, а по ногам пронеслась прохладная волна, как будто меня прошило электрическим током. С минуту я размышляла о том, свидетелем чего стал Мэтт, и приятные ощущения пошли на убыль.

Он прошептал:

— Расслабься. Кончай.

И я расслабилась, и все повторилось, только на этот куда быстрее, и новую волну было невозможно остановить. Тело снова и снова сотрясали сладостные судороги. Он прижал свою большую теплую руку ко мне и держал там, целуя и посасывая мою шею до тех пор,

пока дрожь не прекратилась.

Моя голова была прижата к его плечу.

— Боже. — Это единственное, что мне удалось выдавить.

Он погладил мои руки, проведя по ним сверху вниз.

— Ты так прекрасна.

Прежде я уже испытывала подобные ощущения, но только когда была одна, и никогда не думала, что мне с кем-то будет настолько комфортно, чтобы кончить перед ним вот так. Мэтт, несомненно, знал, что нужно делать.

Я повернулась к нему лицом, и мы поцеловались.

— Спасибо тебе, — сказала я ему на ухо.

Я пыталась углубить поцелуй, но он остановил меня и сказал:

— Время спать, юная леди. — Он ущипнул меня за задницу.

— Ай, дурак!

— Спать, Грейс.

— Разве ты не хочешь, чтобы я то же сделала для тебя?

— Да, и довольно скоро, до того, как я умру. Но не сегодня.

— Где ты этому научился? — спросила я, а в голосе слышалось раздражение.

Он улегся на спину, а я устроилась на изгибе его руки, глядя ему прямо в глаза.

— Где я научился чему?

— Тому, что ты делал со мной. Все парни умеют это?

Он молчал. Я видела, как он, моргая, пялился в потолок. Думаю, он пытался придумать, как ответить на мой вопрос. Слабый свет, падавший в окно, рассеивал темноту. Яркой луны было достаточно, чтобы в тени видеть ленивую улыбку Мэтта.

— Не знаю, все ли парни умеют это, но, если я расскажу тебе, как научился этому, ты будешь смеяться.

— Ох, теперь ты должен рассказать мне. — Я прикусила его руку. — Ты знаток порно?

— Нет. Мужчины ничему не учатся на порно. Думаю, смысл порно как раз в ублажении

мужчин. — Мэтт был мудр не по годам.

— Хм-м-м, может, тогдамнелдует посмотреть его.

— Ты и так справишься. Хватит одного твоего присутствия. Поверь мне.

Я оттолкнула его, перекатившись на другую сторону кровати, и посмотрела ему в лицо.

— Ой, прошу, Мэтт. Я не знаю ровным счетом ничего, и мне будет жутко стыдно за себя, когда мы все же сделаем это.

Он повернулся на бок и притянул меня к себе, прижимая спиной к своей груди. Он понизил голос на полтона.

— Больше не думай об этом, хорошо, Грейс? Пускай все произойдет естественно.

— Ладно, — ответила я, зевая.

Мы лежали при неясном освещении, практически провалившись в сон.

— Моя мать научила меня.

— Чего? — Это сразу же разбудило меня. — Твоя мама научила тебя чему?

— Ну, она вроде как феминистка-хиппи. Нельзя сказать, что она демонстрировала мне все в деталях. Она постоянно пыталась научить моего брата и меня, как общаться с женщиной на равных, и, полагаю, этот урок был частью обучения.

— И?..

— Она вручила мне книгу о женском оргазме и сказала, цитирую: «Не будь козлом».

Я хохотала так сильно, что свернулась в клубок.

— Ого! — все посмеивалась я. — Мне нравится твоя мама, Мэтт.

— Вы бы поладили.

— Итак, ты прочитал книгу? — продолжила я.

— Каждую чертову страницу. Много раз.

— Ну, практическую часть ты сдал на отлично, хотя сомневаюсь, что это был твой первый раз.

— Больше никаких разговоров, Грейси. Закрывай глаза.

— Может, я как-нибудь увидаюсь с твоей матерью.

— Ага. — Несколько минут пространство заполняла тишина. — Надеюсь.

Следующим утром я проснулась одна. На прикроватном столике были бейгл, кофе и записка.

Г-

Мне нужно было бежать. У Дарьи были бейглы, так что я прихватил один для тебя. Просто съешь его, даже не нюхай, или ты уловишь запах рыбных палочек. Что с ней не так вообще?! Сегодня вечером мне нужно поработать, но тебе стоит прийти в «ФотоХат», чтобы мы могли обстоятельно поговорить. Я на Рождество собираюсь в Калифорнию. Хочешь со мной? Ты можешь увидеться с моей мамой и поблагодарить ее за мои безумные навыки.

Мир, М.

При мысли, что Рождество я могу провести с Мэттом, на моем лице появилась широчайшая улыбка.

Мы дали негласные обещания

ГРЕЙС

Мы с Тати общались на Вашингтон-сквер все время после полудня. Нам следовало репетировать, но мы выкурили косяк, и я рассказала подруге все детали прошлой ночи. Ее реакция была следующей:

— Поверить не могу, что у тебя был оргазм. Это как переступить десять шагов и сразу перейти к статусу «и трахаются они годами».

Мое лицо окрасилось в десять разных оттенков розового.

Погода быстро испортилась, стало холодно и пасмурно, и когда я оставила Тати в парке, то почувствовала каплю дождя на своей щеке. Твою мать. Мне нужно было пройти шесть кварталов без зонта и денег на такси, зато с гигантской виолончелью на плечах.

По дороге в «ФотоХат» небеса разверзлись, и я промокла до нитки за считанные минуты. Добежав до магазина, я толкнула дверь, но Мэтта не было за стойкой.

— Грейси, я здесь! — закричал он из подсобки.

— Как ты понял, что это я? — прокричала я в ответ.

Я обогнула стойку и обнаружила Мэтта сидящим за столом с маленькой настольной лампой. Он оглянулся через плечо и улыбнулся.

— Просто знал и все.

— Докажи.

Мэтт рассмеялся.

— Ты распахиваешь дверь до самого конца, чтобы в проем прошла виолончель, даже когда та не с тобой. Колокольчики звенели на секунду дольше, чем во время визита обычного покупателя. — Он оторвал взгляд от его тускло освещенного стола и увидел меня. — Господи. Ты замерзнешь, Грейс.

Он поднялся и поторопился ко мне, забирая виолончель из моих рук.

— Там дождливо, — сказала я, после чего все мое тело сотрясла очевидная дрожь. Онемевшими пальцами было невозможно расстегнуть пуговицы пальто. Мэтт быстро справился с ними вместо меня и сам стянул верхнюю одежду с моих плеч, роняя ее на пол. Он крепко обнял меня, и уже через секунду я согрелась.

— Я была в парке с Тати, а потом начался дождь.

— Ш-ш-ш, ты промокла, тебе нужно раздеться. — Он отпустил меня и начал обыскивать кабинет, пока я проверяла, не проникла ли вода внутрь чехла.

Он подошел ко мне с полотенцем.

— Я знал, что оно где-то здесь. Хочешь снять свитер и бросить его в сушку?

— Здесь есть сушка?

— Ну, это, скорее, конвейерная печь для сушки фотографий. Она похожа на большой горячий каток, но ты, по крайней мере, не замерзнешь.

— Я могу просто пойти домой.

Он нахмурился.

— Не смотри на меня так.

— Тебе не кажется, что нам нужно поговорить?

— Думаю, нужно, — ответила я с сомнением в голосе. Я начала стягивать свитер через голову и заметила, что Мэтт наблюдал за мной. — Отвернись, — попросила я.

— Я видел тебя голой, Грейс.

— И что? Отвернись, чудик.

Он сделал мне одолжение, но рассмеялся.

— Мужлан.

Я сняла свитер и бросила его на голову Мэтта, после чего незамедлительно завернулась в полотенце. Мэтт направился за угол и приступил к настраиванию конвейерной ленты, пока я каталась на одном из стульев на колесиках, раскручивая себя вокруг своей оси все быстрее и быстрее.

Когда он закончил, то нашел еще один стул, оттолкнулся и покатился ко мне по линолеуму через все помещение.

— Игра в электрокартыб! — завопил он перед тем, как врезался в меня и повалил нас

обоих на пол.

— Это так, по-твоему, мы должны поговорить? — уточнила я, когда он навис надо мной с озорной улыбкой.

Мэтт наклонился, поцеловал меня в кончик носа и встал на ноги, предлагая руку помощи. Я вцепилась в полотенце и снова уселась в стул. В его движениях не было неуклюжести, он всегда был уверен в себе. Я считала это невероятно сексуальным.

Подкатываясь ко мне на стуле, чтобы мы оказались лицом к лицу, он снова ухмыльнулся.

— Ты поедешь со мной в Калифорнию на Рождество или планируешь отправиться домой к родителям?

— Я не могу себе позволить ни то, ни другое. — Я опустила взгляд на руки, покоившиеся на коленях. Несмотря на то, что он знал о моих проблемах, на меня все равно накатывало чувство стыда.

— Я оплачу тебе полет домой, чтобы ты увиделась с родителями. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы ты поехала со мной, но не хочу быть эгоистом.

Я желала быть с ним, и, хотя скучала по семье, чувствовала, что если мы разлучимся на три недели, то по нему буду скучать куда сильнее.

— Ты правда хочешь, чтобы я познакомилась с твоими родителями?

— Да, Грейс. Хочу.

— Будет круто увидеть Калифорнию. Я никогда там не была.

— Тогда решено. Ох, и еще одно. — Он ухмыльнулся уголком губ. — Прошлой ночью ты просила заняться с тобой сексом. Помнишь?

Я сразу же покраснела.

— Конечно, помню. Я была не настолько пьяна.

— Значит... кем это делает нас?

— А ты как думаешь? — ответила я, не медля.

— Хочешь встречаться? Или ты просто в поисках кого-то, с кем ты могла бы лишиться девственности?

Я зажала полотенце под руками, откинулась на стуле и посмотрела прямо на него.

— Ну, разве нет определений для друзей, у которых происходит что-то непонятное?

— Да, их называют девушка и парень. — На его лице возникло странное выражение, словно он ждал моей реакции.

— Но мы должны оставаться прежними, хорошо?

— Еще бы, нам обоим нужно много учиться, к тому же этим летом я уезжаю, а ты собираешься вгрызаться в гранит науки.

Все вдруг застыло.

— Ты уезжаешь? — Какого черта я не знала об этом?

— Ага. — Он встал и подошел к стойке, чтобы взять какой-то лист и протянуть его мне. Это было письмо из «Нэшнл Джиографик», в котором Мэтта информировали о приеме в интернатуру.

Я перечитала его дважды, после чего подняла взгляд и увидела на лице Мэтта широченную, горделивую улыбку. Несмотря на то, что мои глаза заволокли предательские слезы, я поднялась и обняла его.

— Я так рада за тебя! Поздравляю, Мэтт, я не могу поверить. То есть, могу, потому что ты потрясающий, но это такая возможность. Боже... быть единственным выбранным выпускником.

— Знаю, я был шокирован. Такая возможность дается раз в жизни. Прости, что не рассказал тебе раньше, просто не хотел сглазить.

Я снова посмотрела на письмо.

— Это так замечательно! Я на самом деле горжусь тобой.

— Я уеду этим летом, а когда вернусь, ты будешь аспирантом. Если все пойдет, как я планирую, то, надеюсь, у меня уже будет работа.

Мне не верилось, что Мэтт уедет. У меня были смешанные чувства, но я знала, что для него это грандиозная возможность.

— В общем, пока... мы все оставим как обычно?

— Я не хочу встречаться с кем-то другим, и не хочу однажды увидеть, как ты пристаешь к кому-то в коридоре, но мы можем называть это «как обычно», если тебе так угодно, — ответил он.

— Хорошо.

— Что «хорошо», Грейс?

— Мне тоже никто другой не нужен. — Никогда.

В помещение просочился странный запах. Я принюхалась, и мои глаза расширились. Горелая шерсть.

— Мой свитер!

— Твою мать! — Мэтт подорвался и побежал к печи. Он ударил по кнопке и вытащил то, что осталось от моего любимого предмета одежды. — Ох, черт, тебе придется остаться здесь голой. — Он попытался сдержать смех.

— Это не смешно, Мэтт. Это был мой любимый свитер.

Он бросил его на стол и притянул меня в свои объятия.

— Он тебе не нужен. — Отбрасывая полотенце в сторону, он начал целовать мое плечо, передвигаясь к шее. Я наклонила голову, чтобы упростить ему задачу, и в этот момент над входной дверью зазвенели колокольчики.

— Черт! — Я отпрыгнула от Мэтта и подобрала с пола полотенце, а Мэтт отправился в главный зал. Я услышала знакомый голос. Это был Дэн.

Я прислонилась к стене и стала прислушиваться к разговору.

— Здравствуй, Маттиас.

— Я Мэтт.

— Здравствуй, Мэтт. Татьяна сказала, что я могу найти Грейс здесь.

— Да, эм... сейчас она в некотором роде занята.

— Мне нужно поговорить с ней всего минуту.

Я не знала, что было написано у Мэтта на лице, но, если пришлось бы угадывать, я бы сказала — веселость.

— Чувак, она в подсобке наполовину голая.

— Эм... какого... — Дэн не мог вымолвить ни слова.

Мэтт все-таки сжалился над ним.

— Она пришла сюда, вымокшая до нитки, так что сейчас она сидит в подсобке в полотенце и ждет, пока высохнет ее одежда.

Я изогнула брови. И ничего, что мы вот-вот должны были поцеловаться.

— Ой.

— Привет, Дэн! — закричала я.

— Привет, Грейс. Думаю, нам следует поговорить.

— Это может подождать до занятий в пятницу?

— Думаю, может. — Последовала долгая пауза. Интересно, оценивает ли его сейчас Мэтт. — Так и поступим. До встречи.

Они попрощались друг с другом очень даже дружелюбно, а затем я вновь услышала дверные колокольчики. Спустя минуту вернулся Мэтт, а я стояла все так же: во влажных джинсах и с белым полотенцем, укрывавшим плечи, словно то был нарядный платок.

— Мне скоро нужно закрываться. — Он хлопнул в ладоши. — Так что мы решили?

— Думаю, мы решили, что будем делать то, что посчитаем правильным. — Он кивнул. И я продолжила: — Только друг с другом... пока ты не уедешь.

Звуки, что издавали машины, исчезли. Наступила абсолютная тишина.

— Друзья навек, да? — Он изучал мое лицо, и было похоже, будто он запечатлевал его для своей памятной коллекции.

Отвернуться было невозможно.

Может, выражение «друзья навек» и претенциозное, но в его устах оно прозвучало как поэзия. Я знала, что он подразумевал нечто иное. Знала, что он имел в виду: «Мне нужно, чтобы ты была частью моей жизни». Я пыталась обнаружить в его словах долю юмора, но ничего такого в них не было... просто просьба. Мы стояли, такие молодые и уверенные друг в друге. Внезапно холодная и промозглая комната наполнилась светом. В глазах Мэтта отразилось мерцание, и я ощутила головокружение от теплоты, растекшейся по моему телу, от макушки и до самых кончиков пальцев. Он распахнул руки, потянувшись ко мне, приглашая в свои объятия, но я не могла пошевелиться. Я воплощала собой мешанину эмоций, и это лишь от одного взгляда на его лицо.

Вы не можете переписать мгновение, когда в первый раз поклялись кому-то в любви или когда впервые почувствовали чью-то любовь к себе. Вы не сможете заново пережить тот же страх, восторг, уверенность, страсть и желание, слившиеся воедино, потому что дважды такое не происходит. Вы гонитесь за этим ощущением, как за первым кайфом, всю свою жизнь. Это не значит, что вы не будете способны любить или жить дальше. Это значит только то, что тот спонтанный момент, те доли секунды, когда вы отваживаетесь на риск, когда ваше сердце выпрыгивает из груди, а в мыслях роятся миллионы «Что если?» — вот этот момент — никогда не повторится в точности, как в первый раз. Никогда не будет того же глубокого чувства. Во всяком случае, так это помнится мне. Именно поэтому мама всегда говорила хранить воспоминания. В них все кажется лучше.

— Да, навек, — ответила я наконец.

Казалось, все было правильно

ГРЕЙС

Через две недели мы собирались на рождественские каникулы в Калифорнию. После той ночи в «ФотоХат» мы виделись довольно редко: мы оба погрузились в сдачу экзаменов, да и Мэтт работал сверхурочно, чтобы оплатить мой перелет в Калифорнию.

— Где мы остановимся, когда прилетим?

— Мы остановимся у моей мамы. У нее маленький домишко в Пасадене, но там есть дополнительная комната. Это лучше, чем у отца, у него есть даже прислуга. Это просто смешно.

Он сидел в углу моей комнаты, примостившись в огромном лиловом кресле-мешке, широко расставив облаченные в джинсы босые ноги, и листал «Нэшнл Джиографик». Ему было удобно и легко в футболке Sonic Youth и с кепкой на голове.

— Что ты имеешь в виду под «прислугой»?

Он неопределенно взмахнул рукой.

— Горничные там, и все такое.

— Ой-ёй.

Внезапно я стала волноваться. Даже если мы не останавливаемся там, я знала, что мне предстоит встреча с его отцом, братом и, скорее всего, мачехой, и было интересно, что они подумают обо мне. Бедная, жалкая Грейс в обносках, часть которых была приобретена в секунд-хенде.

— Не переживай, Грейс, это все игра на публику. Будь собой. Ты безупречна. — Он отложил журнал и уставился на меня. — Кстати, что от тебя тогда хотел Порндел, когда заглянул в магазин?

— Он по-прежнему пытается уговорить меня поехать с ним за границу. Теперь еще и Тати едет, так что он поманил меня этой морковкой.

— Вот как, — произнес он тихо. На мгновение его взгляд стал отстраненным. — Он вел

себя так, словно это срочно.

— В этом весь он, — ответила я.

— Он настойчивый. — Мэтт посмотрел в пол и продолжил листать журнал, не глядя на меня.

— Просто проявляет заботу.

— Он хочет забраться к тебе в трусы.

— Как и ты. — Я подошла к нему, выхватила журнал и отбросила его в сторону.

— Это правда, — подтвердил он с озорным блеском в глазах.

Стоя между его колен, я нагнулась и поцеловала Мэтта в лоб. Он провел руками по моим обнаженным ногам вверх и вниз.

— Ты носишь такие короткие платья, чтобы довести меня до безумия? — Его голос стал хриплым.

С той ночи, когда Мэтт доказал свои способности, мы не заходили дальше поцелуев. Мы спали в одной кровати, крепко обнимались, вымотанные после экзаменационного марафона, но на этом все. Откровенно говоря, его самоконтроль впечатлял. Мы были готовы, я была готова, и Мэтт это знал. Теперь, когда волнение, создаваемое сдачей экзаменов, схлынуло, единственным напряжением, что оставалось между нами, было то, что пронзало наши тела и молило о высвобождении каждый раз, когда мы прикасались друг к другу.

— Я почти собралась. Закончу, когда схожу в душ. У тебя в комнате есть вино? — спрашиваю я.

— Немного, думаю, — пробормотал он мне в живот, пока я играла с его спутанными волосами.

— Мне и нужно-то чуть-чуть, для смелости.

Он сжал мои ноги сильнее и, подняв глаза, посмотрел на меня. Он все понял.

— Сейчас куплю.

Я кивнула.

— Во сколько наш завтрашний утренний вылет?

— В шесть пятнадцать. — Я взглянула на часы. Было почти одиннадцать вечера.

Мэтт поднялся, обхватил мое лицо руками и оставил на губах нежный поцелуй.

— Просто приходи, когда закончишь. Поспать можем в самолете.

Я сглотнула и кивнула.

Едва дойдя до двери, Мэтт обернулся.

— Эй, Грейс?

Он стиснул наличник над дверью и, держась за него, наклонился вперед, не отводя взгляда от пола. Мне было видно, как сжимались его трицепсы, когда он пару раз качнулся вперед и назад.

— Да?

— Прежде чем придешь сегодня... будь уверена... хорошо? — он поднял взгляд и пристально посмотрел мне в глаза. — И надень это платье.

Его футболка немного задралась, открывая мышцы нижнего пресса. Не смотреть туда было выше моих сил. Когда я снова взглянула ему в лицо, я думала, что увижу дерзкую ухмылку, но его губы были плотно сжаты. Он был серьезен.

— Хорошо, — ответила я.

Когда он ушел из комнаты, я перелопатила весь гардероб в поисках одежды, в которой могла бы показаться в доме его богатого отца. В итоге я бросила в чемодан почти все свои вещи, после чего стянула с себя платье, положила его на кровать и пошла в душ. Пока я натирала свое тело, в голове проносилось миллион сомнений.

Закрыв глаза, я глубоко вдохнула и дала горячей воде обрушиться на себя. Стоило представить, как Мэтт трогает меня повсюду, так руки инстинктивно потянулись ниже. Прикоснувшись к груди, я попыталась представить, какой она будет казаться на ощупь Мэтту. Интересно, а я вообще сексуальная? Я стала воображать, какие позы буду принимать, или как буду двигаться. Я и понятия обо всем это не имела.

После душа я быстро высушила волосы и нанесла тонкий слой блеска для губ. У меня был только один цельный комплект белья. Это было дешевое черное кружево, а трусики немного растянулись в бедрах. Я надела комплект и посмотрела на себя в зеркало в полный рост. Обхватив свою грудь через лифчик, я провела руками сверху вниз, до бедер, и нервозность начала проходить. Мне нужно было знать, что он будет чувствовать, прикасаясь ко мне. Я была гладкой и теплой, а когда дотронулась до себя между ног, то поняла, что еще и мокрой. Я надела красное платье в черный цветочек.

Все было собрано, сумки стояли у двери, готовые к путешествию. Единственное, что осталось на повестке дня — это потеря моей девственности. Я нервничала больше, чем когда-либо, но я определенно была готова.

Мгновением позже я постучала в его дверь, и, услышав его шаги, ощутила, как в животе

все ждалось. Он сказал мне быть уверенной, но сейчас я колебалась.

Он открыл дверь нараспашку и сразу протянул мне бокал вина, который уже держал наготове в свободной руке.

— Я решил, что тебе это понадобится.

В свойственной мне тупой манере я начала тараторить.

— Ага, то есть, я не знаю, какого черта делаю, или чего мне ждать, или что тебе нравится, или... как мне следует себя вести... как смотреть или что ощущать...

— Стой, Грейс. Нам не нужно говорить об этом. Просто пей свое вино, а мы тем временем будем общаться. Просто расслабься, мы такие же, как всегда.

— Отличная идея. — Я пошла к проигрывателю, нашла диск группы Radiohead под названием «The Bends» (Прим. пер. «Изгибы») и включила его.

— Прекрасный выбор, леди, — сказал он с противоположной стороны комнаты, упаковывая некоторые вещи в сумку.

На нем не было футболки, а его черные джинсы, не опоясанные ремнем, висели на бедрах, открывая полоску боксеров.

Я улеглась на кровать, поставила вино на пол и взяла фотоаппарат.

— Скажи «сыр».

Он повернулся и улыбнулся, пока я смотрела на него через видоискатель.

— Ты куда лучше смотришься по другую сторону этой штуковины. Давай его. — Он потянулся за фотоаппаратом, а я с радостью протянула его ему.

Перекатившись на спину, я подогнула колени, позволяя платью скатиться вниз, оголяя бедра. Он начал делать снимки.

— Ты такая красивая, Грейс.

— А ты думаешь, я сексуальная?

— Да. Очень.

Я села на край кровати, он положил фотоаппарат на прикроватный стол. Я сделала последний глоток вина, как раз когда началась песня «Fake Plastic Trees» (Прим. пер.: «Фальшивые пластмассовые деревья»).

— Мне она нравится.

Он потянулся к подолу моего платья, пока я хваталась за пуговицу его джинсов.

— Встань, малышка.

— Я не знаю, что делать, Мэтт.

— Узнаешь.

Он задрал платье и стянул его через голову, после чего схватил меня за шею сзади и поцеловал так, словно это была его единственная цель в жизни. Температура наших тел резко возросла. Одной рукой он провел по моей спине, опуская ее на ягодицу, а другой скользнул под кружево лифчика. Я чувствовала его эрекцию, прижимающуюся ко мне.

Прервав поцелуй, я отступила. Его грудь вздымалась и опадала. Я наблюдала за тем, как он осматривал меня, стоящую, ждущую его, жаждущую его.

Он кивнул, распахивая глаза шире.

— Мне нравится.

Со мной что-то произошло, впервые я ощутила задор и уверенность. Сократив расстояние между нами, я стянула с него джинсы и боксеры, и опустилась на колени.

— Ого. —Постойте, я только что сказала «Ого»?Я чувствовала себя жалко. Я была не способна проявлять себя как сексапильная девушка, не могла вести себя так, будто знала, что делаю, особенно когда пялилась на этуштуковину. Все мое самообладание и уверенность испарились в мгновение ока. Мне было слышно, как Мэтт посмеивался.

— Поднимайся, Грейс.

— Почему? — заныла я, пока он поднимал меня с колен. Взглянув на него, я увидела его улыбку во все тридцать два зуба.

— Ты милейшее создание на свете, ты в курсе?

Я скрестила руки на груди и состроила обидчивую гримасу.

— Я пыталась быть сексуальной, блин.

— У тебя получилось. Давай просто ляжем и не будем торопиться.

Люди не рассказывают, как все это на самом деле неловко. Ты пытаешься повторять то, что видел по телевизору, что читал в книжках, и все кажется довольно странным. Я потянулась за бутылкой вина и сделала глоток. Мэтт был голым, когда улегся на кровать на спину. Его уверенность в себе была к лучшему. Он был не из тех, кто прилагал усилия, чтобы быть сексуальным и спокойным. Ему это было не нужно, потому что таким он и был — сексуальным и спокойным. Я сняла лифчик и трусики, никуда не спеша, и легла рядом с

ним, смотрящим в потолок.

Перекатившись, он оперся на локти и, наклонившись надо мной, сказал:

— Закрой глаза.

Он поцеловал меня так, что внутри растеклось тепло, а желание стало еще сильнее. Когда он прикусил мою нижнюю губу, я подумала, что потеряю рассудок. Он скользнул рукой между моих ног и прикоснулся к чувствительному месту. Дыхание у меня не сперло, я не задыхалась, и я не останавливала его. Мне хотелось большего, больше напряжения, больше контакта. Я положила свою руку на его и надавила. Как Мэтт и говорил, я знала, что делать. Неловкость исчезла.

Его губы путешествовали по моему телу, останавливаясь на моей груди, языком он играл с моим соском, а рукой проводил манипуляции внизу. Я слышала себя со стороны, все эти тихие «а-а-ах». Не было звуков, какие издают женщины в фильмах, были лишь произвольные выдохи, говорившие об удовольствии. Он сжал мое бедро и впился в мои губы еще более жестким поцелуем. После чего перешел к шее, затем к уху, которое целовал и посасывал, и так до тех самых пор, пока я не начала извиваться под ним. Искренне. Блаженно.

— Просто почувствуй меня, — прошептал он. Да как я могла этого не сделать? Мне казалось, я совершенно готова. Одной рукой я обхватила его длину, а другой попыталась его притянуть к себе. — Пока рано, — сказал он.

Он присел, опершись о свои пятки, и открыл упаковку с презервативом.

— Я на таблетках! — закричала я смущенно.

Он поднял голову, удивляясь. Я пялилась на него, не мигая. Того тусклого света, что был в комнате, хватало, чтобы мы могли видеть лица друг друга. Приходится признать, что перед потерей девственности снятие напряжения юмором не самый худший вариант. Когда Мэтт рассмеялся, я нагло потянулась к нему и снова ухватила за его эрекцию.

— Просто сделай это со мной, хорошо?

Мэтт улыбался, но было в его выражении лица еще что-то, похожее на благоговение.

— Ты такая непредсказуемая, Грейс.

Он навис надо мной, и перенес весь вес на локти, которыми упирался в кровать. Он нежно поцеловал меня, после чего легонько пососал нижнюю губу. Все стало происходить медленнее, но все так же приятно. Затем рукой он раздвинул мои ноги и прикоснулся ко мне внизу снова, только намного мягче.

— Аа-а-а-ах, — захныкала я.

Он издал звук, означавший удовлетворение, после чего стиснул мое бедро с задней стороны и приподнял его. Мое тело было открыто для него. Я ждала. Предвкушение усиливало все чувства, жар, напряжение, трепет во мне. Я знала, что все правильно.

— Я люблю тебя, — сказал он мне на ухо и вошел в меня.

На мгновение появилось ощущение давления, но было не так больно, как я ожидала. Его ритмичные движения были медленными, пока все действие не стало казаться абсолютно нормальным; тем, чего мне всегда не хватало. Мы начали двигаться быстрее, наши тихие стоны были естественными и настоящими. Было так странно знать, что мы оба стремились к личному удовольствию, но в то же время, в равной степени, доставляли его друг другу. Ничто другое в жизни, кроме секса, не может быть таким эгоистичным и бескорыстным одновременно. Горячим и холодным, инь и ян, черным и белым и всеми оттенками между. Наконец весь мир обрел смысл. Теперь я была причастна к секрету.

Пока мы двигались, отголоски его слов проигрывались в моих мыслях, повторяясь снова и снова. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Я тоже тебя люблю. Навсегда. Навеки.

Все изменилось?

ГРЕЙС

До звонка будильника нам с Мэттом удалось поспать аж двадцать минут. Выключив его, Мэтт перекатился на меня, так что наши обнаженные тела прижимались друг к другу. Когда он спустился ниже, чтобы ртом схватить мой сосок, который он легко дразнил зубами и языком, я пальцами зарылась в его волосы. Комната по-прежнему была окутана тьмой, но в то же время пронизана электричеством.

— Болит? — прошептал он.

— Нет.

Я хотела Мэтта везде... снова. Я ждала остаточной боли, крови или еще какого-то кошмарного напоминания о том, что всего несколько часов назад я была девственницей. Ничего такого не было, были только двое ненасытных молодых людей, невыносимо желавших друг друга.

Он вернулся к моей шее, целуя ее и посасывая, после чего перешел к уху. Я задыхалась от переполнявшей меня страсти, а двухдневная щетина на его лице щекотала мою кожу самым прекрасным образом. Я чувствовала его эрекцию, прижимавшуюся к моему бедру.

— Аа-а-ах, Мэтт.

— Обожаю этот звук.

Его голос, раздавшийся у моего уха, послал дрожь по моим ногам. Все мое тело трепетало. Ничто не могло нас остановить. Напряжение лишило меня способности дышать. Наши тела сливались, переплетались, мы трогали друг друга, целовали, посасывали, мы поднимались, спускались ниже, перекатывались туда и обратно, каким-то образом не выходя за границы крошечной односпальной кровати Мэтта. Он потащил меня на себя и усадил верхом.

— Вот так, — сказал он, схватив меня за бедра, чтобы приподнять и направить себя в меня. Я изогнулась, руками давя на его подтянутый живот.

До слуха доносились собственное хныканье вперемешку с глубокими грудными, но

тихими звуками, выразившими удовлетворение, что издавал Мэтт.

— Ты чувствуешь это? Чувствуешь, Мэтт? — Я начала двигаться быстрее.

— Да, малышка, — ответил он напряженно. Его глаза заволокло желанием, а губы непроизвольно разомкнулись.

Я стала двигаться жестче, затем отклонилась назад, опершись руками о его бедра, и продолжила двигаться более интенсивно. Он прижал большой палец к средоточию нервов чуть выше места, где мы соединились. Его легкие, едва уловимые движения взорвали мой мир. Стены могли рушиться, моя виолончель могла воспламениться в углу, а я бы оставалась здесь до самого конца, извиваясь на Мэтте, пока наши тела сливались воедино.

Когда темп возрос, он стиснул мою талию и углубил проникновение. Я ощутила, как мой рот открылся, но из него не вырвалось ни звука. Мгновение я не могла дышать, страшась того, что этот момент улетучится. Я закрыла глаза и отпустила напряжение. Это было странно. Не то чтобы я забыла о присутствии Мэтта — как такое возможно? — просто у меня был момент самопознания и смущения одновременно. Словно я забыла освоенном присутствии, когда удовольствие начало растекаться по телу, посылая по нему волны жара и льда. Внизу снова возросла пульсация, и куда более яркая, чем прежде. Мэтт сам стал дышать с трудом.

Из моего горла, практически причиняя боль, вырвалось слово «Да». Оно не прозвучало с триумфальными нотками, как можно увидеть в кино. Оно было тихим. Эйфорическим.

Прежде чем я рухнула на грудь Мэтту, в голове пронеслась мысль: «Я обязана заполучить ту книгу, что вручила ему мама».

Секундой позже он зашевелился подо мной, и я частично сползла с него. Он поцеловал меня в макушку и сделал глубокий вдох.

— Нам нужно ехать, да? — пробубнила я в его редкие волосы на груди.

— Ага, нам лучше собираться, хотя ничего плохого в том, чтобы провести Новый год и Рождество с тобой в постели, я не вижу.

— Разве ты не скучаешь по рождественскому ужину с семьей?

— Нет. — Его лицо было непроницаемым.

— Нет?

— Может, хотел бы увидеть маму. Но без сомнений не стану скучать по вычурному ужину с противным братом.

— Что такое с вами стало, что вы такие разные?

Он перекатился через мою спину и поднялся с кровати.

— Думаю, мне просто повезло, — ответил он с самодовольной ухмылкой. — Мне нужно принять душ.

Я не сводила взгляда с его потрясающей спины и задницы, пока он уходил в ванную. Даже в утреннем неясном свете мне были видны симпатичные сокращающиеся мышцы его спины.

По дороге в аэропорт я заснула в такси, устроившись на плече у Мэтта.

— Просыпайся, малышка. Приехали. — Мэтт посмотрел на часы. — Черт, нам стоит поторопиться.

Он вытащил из багажника свою огромную сумку и мой маленький чемодан на колесах. Мы пронеслись через коридор досмотра, и не успела я опомниться, как мы уже заходили в самолет. У меня было центральное сидение, а Мэтт сидел у окна. Я заснула на его плече еще до взлета.

Примерно на середине пути меня разбудила небольшая турбулентность. Мэтт спал в наушниках. Я отправилась в уборную, а когда возвращалась, оказалось, что Мэтт заказал нам обоим по «Кровавой Мэри». Он взглянул на меня сонными глазами, и я поспешила к нему.

— Грейси, — сказал он, протягивая мне пластиковую чашку.

— Маттиас, — ответила я. Пространство между нами наэлектризовалось.

— Я взял тебе двойную.

— Никогда раньше не пробовала, — призналась я, застегивая ремень безопасности. — Но хоть раз в жизни надо.

Я сделала глоток и тут же удивилась тому, насколько мне понравился острый и пикантный томатный напиток.

— Тут даже не чувствуется алкоголь.

Мэтт рассмеялся.

— В том и смысл.

Я повернулась к нему лицом. У него под глазами залегли темные тени, а коричнево-черные волосы торчали во всех направлениях. Но ему все равно каким-то образом удавалось выглядеть потрясающе сексуальным. Мэтт глотнул и посмотрел на меня в ответ, улыбаясь, и его улыбка коснулась его глаз.

— Вкусно, да? — У него низкий голос, и хрипотцы в нем ровно столько, чтобы по моей спине пошли мурашки, держащие путь в область между ног.

— Ага-ага, — отозвалась я с придыханием.

Я подумала о том, чем мы занимались несколько часов назад, и что это значило для нас... кем это сделало нас. Мэтт будто проник в мои мысли, потому что изменился в лице, его улыбка растворилась без следа.

— Ты в порядке?

— Да.

Со мной все было в порядке. Я бы даже сказала, что была счастлива и предвкушала встречу, но все равно тревожилась. Почему? Мой первый раз был идеальным, почти слишком прекрасным, чтобы быть правдой. Как я могла не вспоминать то, что было между нами, когда в старших классах от девочек наслушалась кошмаров о том, каким неловким, болезненным и немного кровавым был их первый раз? Каждое мгновение с Мэттом было великолепным. Он не давил на меня, был терпеливым и относился с уважением. Был нежным и контролировал себя, а после был милым и внимательным. Все эти мысли и воспоминания начали крутиться в моей голове... Как он касался меня под одеялом в его кровати... Его рот повсюду...

Мэтт смотрел на меня, слегка отстраненную. Его взгляд упал на мой приоткрытый рот. Он знал, о чем я думала. Я моргнула.

— Обожаю этот рот.

Наклонившись к нему, я своими губами коснулась его в поисках уюта. Мы сдались на волю той энергии, что искрилась между нами, будто кормили ее, пытаясь насытить. Поцелуй был мягким и неторопливым, наши языки танцевали один вокруг другого, пока я не услышала звук, который нельзя спутать ни с каким другим — напряженное покашливание. Я посмотрела через плечо и увидела женщину, сидящую у прохода, глядящую на нас с упреком. Выглядела она как веселая южанка с тонной макияжа и выбеленными волосами.

Неужели пляски языков во время нахождения в тесных сидениях в самолете относятся к грубому поведению? Может быть, но мне было плевать. Я была практически готова раздеться, если бы Мэтт попросил. Я улыбнулась леди, и она ответила мне улыбкой из разряда «я понимаю», после чего пренебрежительно закатила глаза.

Мэтт казался встревоженным. Он лениво взял меня за руку и стиснул ее, после чего откинул голову на спинку сидения и закрыл глаза. Я же взяла коктейль с выдвигающего подноса и допила его в три глотка. Было вкусно, да и алкоголь возымел надо мной эффект мгновенно. Я снова устроилась у Мэтта на плече и заснула.

— Я забыла спросить, как мы доберемся до твоей мамы?

Мэтт потянулся к моему лиловому чемодану, лежавшему на багажной ленте.

— Она приедет за нами.

Как только мы вышли на обочину за пределами аэропорта Лос-Анджелеса, на дороге появился темно-бордовый минивэн.

— Вот и она.

Мэтт открыл огромную скользящую дверь и приставил руки к бокам.

— Мама!

Она засветилась от счастья.

— Маттиас, я скучала по тебе! Забирайтесь сюда оба.

— Мам, это Грейс, — сказал Мэтт. Я стояла рядом и переживала, пока он загружал багаж в машину.

— Я столько слышала о тебе, Грейс. Приятно с тобой познакомиться. Я Алета.

Она потянулась и сжала мою руку в своих. У нее был едва различимый греческий акцент, сама она была маленькой и тонкой, скулы у нее были крупноватыми, но красивыми, а нос таким же идеальным, как у Мэтта. В ее темных волосах виднелись седые волоски, а вокруг шеи тонкий шарф был обмотан столько раз, что казалось, будто на ней свитер с высоким воротником.

— Приятно познакомиться с вами, Алета.

Мэтт пошел на переднее сидение, а я устроилась по центру на одном из сидений, шедших вторым рядом. Третий ряд, обычно присутствующий в минивэнах, был заменен художественными приспособлениями, среди которых находился огромный металлический гончарный круг.

— Маттиас, я только что взяла круг, что лежит сзади, за гроши. Мне нужно, чтобы ты отнес его в «Лувр», он слишком тяжелый для меня.

— Конечно, мам.

Она бросила на него взгляд и ослепительно улыбнулась.

— Больше никаких «мама»? Мой сын слишком взрослый, чтобы назвать меня «мама»?

— Мама, — ответил Мэтт писклявым детским голосом.

— Глупый мальчишка. — В их общении была легкость. Хотелось бы мне, чтобы у нас с мамой были такие отношения.

— Итак, Грейс, Маттиас рассказывал мне, что ты музыкант.

— Да, я изучаю музыку.

— Виолончель, верно?

— Да, но я могу играть и на других инструментах. Просто лучше получается на виолончели.

— Ну, в доме отца Мэтта стоит прекрасный рояль. Ты должна сыграть для них, пока будешь здесь. Было бы жаль, если бы такой инструмент служил исключительно предметом мебели.

— Согласен, — отозвался Мэтт.

— Может, сыграю. Мне нужно подумать над тем, что такого исполнить, чтобы им понравилось. — Я не была уверена, что эта идея мне нравится в принципе. Судя по рассказам Мэтта, та семья относилась предосудительно ко всем типам творческих профессий.

Чуть позже мы въехали на длинную узкую подъездную дорожку, ведущую к маленькому, но очаровательному бунгалу с деревянной зеленой черепичной крышей и двустворчатыми окнами, рамы которых были окрашены в темно-бордовый цвет. Двор был похож на английский сад с дикими, высотой до талии растениями, но благодаря уходу казавшимися скорее обворожительными, а не проросшими слишком высоко. Воздух был бодрящим, но он не шел ни в какое сравнение с морозной свежестью Нью-Йорка.

— Тут так аккуратно, — сказала я, ступая на дорожку.

— Теперь, когда мальчики выросли, у меня много времени, чтобы привести сад в порядок. — Алета отперла входную дверь, освещаемую бронзовым настенным светильником. — Идем, Грейс, покажу твою комнату. Маттиас, дорогой, отнеси, пожалуйста, круг. — Мы вошли в дом, а Мэтт отправился обратно к минивэну.

Я не знала, чего ждать. Устроит ли она мне допрос или расскажет о правилах в ее доме? Я чувствовала себя не в своей тарелке и нервничала. На нетвердых ногах я последовала в гостевую комнату за ней, а когда мы вошли, она немедленно открыла окно, чтобы впустить свежий воздух — то же самое сделал Мэтт, только въехав в комнату в общежитии. Они были так похожи своим размеренным поведением, спокойным темпераментом. Мне стало интересно, что же Мэтт перенял от своего отца, если что-то перенял.

Алета подошла ко мне и сжала мои руки. Внутри все упало. Она тепло улыбнулась.

— Не нужно нервничать. Я лишь хотела улучшить момент, чтобы сказать, что Мэтт в

последнее время кажется счастливым и, думаю, это связано с тобой.

— О? — Я пыталась быть спокойной.

— Ну, хочу лишь сказать, добро пожаловать в мой дом.

Я поставила чемодан и заметила, что она поставила сумку Мэтта в угол.

— Спасибо, что приняли меня, Алета. Я правда рада, что у Мэтта получилось привезти меня на праздники. — Я указала на двуспальную кровать, накрытую стеганым одеялом в цветочек. — Я буду спать здесь?

— Да, думаю, вам двоим будет здесь удобно. Маттиас обожает эту кровать.

Я сглотнула. Вам двоим. Мои глазные яблоки казались сухими и нездоровыми, как будто я какое-то время не моргала. Может, так и было. Алета рассмеялась и притянула меня в объятия.

— Ох, Грейс, — произнесла она. — Милая Грейс. Я же не вчера родилась.

Она покинула комнату, оставив меня ошарашенную. Окончательно вымотанная, я упала на кровать.

Позже, тем же вечером, после продолжительного дневного сна, мы с Мэттом сидели за дубовым обеденным столом, Алета ставила перед нами тарелки с горячим, ароматным куриным супом, от которого шел пар.

— Ты говорил с Александром? — спросила она у Мэтта, расставив тарелки.

— Нет.

Она подняла взгляд от своего супа и прищурилась, глядя поверх своих прямоугольных очков, мостившихся на кончике ее носа. Она казалась разозленной, но я знала ее недостаточно, чтобы заявлять подобное с уверенностью.

— Не говорил, мам. Мы с Алексом с нашей последней встречи не говорили нормально.

Она положила вилку и посмотрела на меня, после чего снова обратила свой взгляд на Мэтта.

— Вы братья. В детстве вы были неразлучными. Что стало с этой семьей? — Ее голос надломился.

Мэтт выглядел обиженным, но потом выражение его лица смягчилось.

— Я поговорю с ним, мам. — Он потянулся к ее руке. Она взяла ее и поцеловала тыльную сторону его ладони, а затем отпустила. — Я просто ничего не могу с собой поделать, мне кажется, что люди вроде Алекса тянут нас назад как вид. Он носит розовые шорты, футболки поло и относится к себе так, словно он сам Адонис, — усмехнулся Мэтт.

Я подавилась куском курицы и, не удержавшись, расхохоталась. Даже Алета не сдержалась. Слезы текли по ее щекам, а гоготала она так неистово, что не была способна нормально вдохнуть. Справившись с собой, она выдавила:

— Эй! Он мой сын.

Напряжение спало.

— Это не твоя вина, — сказал Мэтт, все еще посмеиваясь, пока все мы пытались отдышаться.

— О боже, Маттиас. Это единственное, что ты перенял у своего отца.

— Что же? — Мне внезапно стало интересно.

Она тепло улыбнулась.

— Они с его отцом оба беззаботные. Они не могут к чему-то относиться серьезно дольше двух минут, чтобы потом не превратить это в шутку.

— Он больше не такой, — перебил ее Мэтт.

Плечи Алеты сотрясались от беззвучного смеха.

— Ну, по крайней мере, твой отец был таким.

Мы доели суп за приятной беседой, после чего Мэтт встал из-за стола.

— Мам, спасибо. Было очень вкусно. Грейс, хочешь сходить в душ, пока я буду помогать маме убирать все?

— Да, конечно. Я тоже могу помочь.

— Не глупи, Грейс. У нас все схвачено. — Алета подошла ближе и похлопала Мэтта по плечу.

Не успела я выйти из обеденного зала, как мое внимание привлек деревянный буфет, уставленный фотографиями. Мэтт проследил за моим взглядом. Там было много детских фотографий Мэтта и Алекса, масса поделок, украшенных бисером абажуров, старых камер, самодельных глиняных скульптурок и несколько черно-белых фото более молодой и радостно смеющейся Алеты.

— Эти я сделал, когда был ребенком, — сказал Мэтт.

— Они прекрасны. — Я встала, чтобы получше их рассмотреть, и Мэтт подошел ко мне.

— Она была твоей главной музой.

Я повернулась и посмотрела в его темные, прищуренные глаза. Все застыло в это мгновение. Он глядел на мои слегка разомкнутые губы. Кончиками пальцев он провел по моей щеке, и ощущать прикосновение его мозолистых подушечек пальцев к моей коже было божественно. По мне побежали мурашки.

— Ты моя главная муза, Грейс.

Ко мне вернулось умение слышать музыку, которому учил меня Орвин. Звуки сами собой проникали в уши, когда Мэтт наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

Проснувшись следующим утром, я обнаружила, что половина кровати, на которой спал Мэтт, опустела и остыла. Отправившись в обеденный зал, я увидела там Алету, сидевшую в одиночестве и потягивавшую кофе, время от времени прерывавшуюся на поглощение овсяной каши из широкой тарелки.

— Доброе утро, дорогая.

— Доброе утро, Алета. Мэтт ушел?

— Ага, бегаёт по поручениям. Он не хотел будить тебя. Овсянки?

— Мне только кофе, спасибо.

— Присаживайся.

Когда она встала, я заметила, что на ней были заляпанный глиной передник и садовая обувь. Она заметила, что я изучала ее.

— Я была в «Лувре». Это моя арт-студия на заднем дворе, более известная как гараж. Я зову его так, потому что, черт подери, хочу, чтобы мои работы висели в «Лувре», и таким образом я оказываюсь к нему ближе, чем когда-либо буду в своей жизни. Могу отвести тебя туда после завтрака. — Она ушла на кухню, пока я занимала место. Я бессознательно выводила на деревянном столе узор, одновременно наблюдая за мамой Мэтта, обыскивавшей шкаф в поисках чашки. Алета была похожа на человека, чья душа обрела мир, словно жизнь для нее больше не была загадкой.

— Я переживаю по поводу встречи с отцом Мэтта и его семьей, — призналась я, не подумав о том, что могу обидеть Алету, назвав семью отца Мэтта его семьей.

На секунду она остановилась, словно вглядывалась в содержимое шкафа, грациозно

балансируя на мысках. Это длилось достаточно долго, чтобы я поняла, что мой комментарий задел ее.

— Ты справишься, — ответила она, не глядя на меня. Когда она вернулась в обеденный зал, то протянула мне самодельную глиняную чашку, от которой исходил насыщенный аромат черного кофе. Алета улыбалась. — Отец Мэтта, Чарльз, когда-то был во многом похож на Маттиаса.

— Когда-то?

Она указала на центр стола, где стоял крошечный серебряный поднос с металлическим кувшином со сливками.

— Черный в самый раз, — дала я ответ на не заданный вопрос.

Она устроилась по другую сторону стола, откинулась на спинку стула и сняла очки с кончика носа, кладя их рядом с пустой тарелкой из-под овсянки. Она продолжила лишь спустя несколько секунд абсолютной тишины.

— Иногда деньги меняют людей. Что касается брата Мэтта, Александра, из-за него переживать не стоит. За кем тебе нужно следить, так это за Моникой, особенно когда та вертится вокруг Мэтта. Она достаточно коварная. Александр просто... ну, думаю, Мэтт прошлым вечером описал его довольно точно. Безобидный, но не то чтобы добродушный. Думаю, такая характеристика самая приемлемая.

Я широко распахнула глаза, шокированная ее беспристрастностью.

— Я просто говорю как есть, Грейс. Моника всегда была равнодушна к Мэтту. Но любовь к деньгам оказалась сильнее. Думаю, Александр знает об этом, что и вбило клин между братьями. Они всегда отличались друг от друга, но были близки, пока не появилась она.

Отчаянно желая сменить тему разговора, я кивала и пила кофе, пока мои внутренности исполняли кульбиты.

— Мне бы хотелось что-то найти для Мэтта. — Я сделала паузу, Алета ждала. — У меня не очень много денег. У вас есть мысли о том, что бы ему могло понравиться?

Она оторвала взгляд от своего кофе и улыбнулась.

— Да, рада, что ты спросила. Думаю, я знаю, что будет для него идеальным подарком. Идем в студию.

Я оправилась с Алетой в гараж, который казался таким же старым, как и дом, но не таким ухоженным снаружи: его бежевые, разбитые черепицы нуждались в починке. Алета провела меня внутрь и быстро закрыла дверь, хихикая, как прячущаяся школьница. Повсюду были стеллажи с сохнувшими на них глиняными изделиями, скульптуры и мольберты с

незавершенными пейзажами. Стены были усеяны полками до самого потолка, и они были заполнены жестяными банками с кисточками, металлическими инструментами и стеклянными сосудами. Новый гончарный круг лежал в углу. Единственной мерцающей, нетронутой поверхностью был огромный металлический верх круга. Алета протянула мне рабочий халат, снятый с обратной стороны двери.

— Как насчет того, чтобы ты сама сделала что-то для Маттиаса?

— Конечно, но что? Я не очень хороша во всем этом. — Я подобрала высокую металлическую кружку для кофе, наполненную тонкими серебристыми инструментами. — Для чего они?

— Для отделки по коже.

— О! Мэтту нужен ремень. Он носит два связанных шнурка.

— Идеально, — сказала она. Она подошла к высокому металлическому стеллажу и вытащила цельную полосу кожи с четырьмя дырками, пробитыми на одном из концов. — Тебе достаточно приделать пряжку. Для этого мы можем посетить благотворительный магазин.

С каждой секундой я влюблялась в Алету все сильнее и сильнее. Схватив маленький молоток и несколько инструментов их кофейной кружки, я подняла их вверх.

— Мне вот этим нужно будет обработать кожу?

— Для начала нам нужно немного увлажнить кожу, чтобы та стала достаточно пластичной. Благодаря этому рисунок продержится дольше, может, до окончания веков. — Она дошла до фермерской раковины и вскоре вернулась со смоченным лоскутом. Промокнув его маленьким полотенцем, Алета сделала шаг назад.

— Дерзай, дорогая.

— А какое мне тиснение сделать?

— Это решать только тебе.

Я изучала инструменты с разнообразными наконечниками. Среди них был один с кругом, образованным из трех изогнутых линий. Я взяла его, а также тот, который образовывал тонкий цельный круг, и легко вытиснила на коже круг покрупнее, получив в результате выемку. Затем взяла инструмент с кругом поменьше и надавила им по центру уже вытисненного рисунка.

Алета встала рядом со мной.

— Ого, похоже на глаз, да?

— Ага, думаю, похоже.

— Давай, сделаем его женским. Можно? — Я кивнула.

Она взяла инструмент с наконечником, похожим на слезу, и сделала по три вмятины поверх глаза и снизу. Затем она вытиснила второй глаз и проделала с ним ту же процедуру. Взяла инструмент, наконечник которого был похож на полумесяц, и несколько раз быстро вдавила его по краям наверху и внизу, создавая окаймление. Не успела я опомниться, как два дюйма ремня были расписаны достаточно абстрактно, чтобы иметь сходство с рисунком в стиле пейсли, либо женскими глазами, глядящими с образца племенной вихревой живописи.

— Невероятно впечатляет, — сказала я.

— Теперь у тебя есть дизайн. Полагаю, «Взор на Мэтта», если мы собираемся дать ему имя, — рассмеялась она.

— «Мойвзор на Мэтта», — поправила я, и она захохотала еще сильнее.

— Ему понравится. Просто повторяй дизайн снова и снова до самого конца ремня. — Она подтащила ко мне высокий деревянный табурет, так что я уселась и приступила к работе.

У тебя были сомнения?

ГРЕЙС

Часом позже, когда я закончила делать ремень, то услышала рев мотоцикла, въезжавшего на подъездную дорожку. Алета исчезла в доме, чтобы приготовить чай. Я повесила ремень в шкаф, закрыла его и подошла к двери гаража как раз в тот момент, когда их отворил Мэтт. Он затолкал меня обратно внутрь и поцеловал с невероятной силой. Я обняла его за шею и позволила поднять меня, чтобы обвить его талию ногами. Он захлопнул дверь и прижал меня к ней.

— Не отказывай мне, — услышала я у своего уха.

— Мэтт. Твоя мама.

— Сними это. — Он поставил меня и снял рабочий халат. — А, вообще, снимай все. — Он потянулся к моей футболке, но я остановила его. — Она не зайдет сюда, — сказал он, задыхаясь.

— Почему?

Его руки упали вдоль тела.

— Потому что она знает, что мы здесь. Так, на чем мы остановились? — Он посмотрел в потолок, постучал по подбородку и направил на меня указательный палец. — Ах, да, мы раздевали тебя.

— Постой, может, она думает, что у нас есть капля уважения.

— А, может, она думает, что мы молоды и влюблены, — добавил он немедленно.

Тишина такая, словно из комнаты выкачали весь воздух, и мы находились в вакууме, бессловесные, глядящие друг на друга. Мэтт оставался все таким же невозмутимым.

Я изогнула брови. Он быстро пожал плечами.

— Что?

— А мы?..

— Молоды? Ага, относительно.

— Нет... мы...

— А ты как думаешь, Грейс? — И затем он своими губами накрыл мои, вот только в поцелуе больше не было того желания. Он все длился и длился, словно мы пытались раствориться друг в друге, романтично и мило.

Наконец, я отпрянула.

— У тебя есть мотоцикл? — спросила я мечтательно.

Он ответил кивком, уткнувшись в мою шею, и поцеловал меня прямо под ухом.

— Хочешь покатать меня?

— Даже не представляешь, как.

— Знаешь, мы ведь так и не поговорили о той ночи.

— А нам нужно о ней говорить? — Вдруг его голос стал жестким.

Внезапная волна параноидальности вытолкнула меня из объятий Мэтта, я отошла на пару шагов. Он избегал этой темы. Почему? Интересно, было что-то такое, о чем он не хотел мне говорить? Я была недостаточно хороша? Да и с чего бы? Я размышляла. Он был подобен Богу, сочащемуся радиоактивной смесью нежности и сексуальности. Большую часть времени я не могла отвести от него глаз. И сверх прочего он был отзывчивым, умным, сильным и артистичным.

Серьезно, вселенная? Это много. Это охренительно много! Ты не можешь делать одного человека таким восхитительным. Это нечестно.

Маттиас был из тех парней, за которых девушки мечтают выйти замуж. Из тех, чью фамилию вы бы хотели писать тонким наклонным почерком после своего имени на папке с документами. Грейсленд Шор. Грейсленд и Маттиас Шор. Мистер и миссис Шор. В воображении, подобно звездам, летящим со сверхзвуковой скоростью, размытым потоком проносились бы ваши семейные фото. Вы бы были на них сияющей и беременной в двенадцатый раз, а за ваши ноги хватались бы прекрасные маленькие Адонисы и Афродиты, и у каждого ребенка взгляд был бы как у их отца. Вы бы закричали всему миру: «Этот. Мужчина. Мой!». И вы бы постоянно делали ему минеты. Я пока не делала, но планировала. В общем, смысл в том, что вы бы для него сделали что угодно.

И, как и мифическое существо, он бы уничтожил ваше сердце своим равнодушием.

А нам нужно о ней говорить?

Больно.

Он присматривался ко мне, щурился, умолял, изучал. Или играл со мной? Мой живот скрутило от тревожного спазма.

— Ладно, Грейс, что за хрень происходит?

Я не сдержалась.

— Я так ужасна в постели?

— Что? Да что с тобой? Ты издеваешься?

— Ну, так ты собираешься ответить на вопрос?

Он выпрямился.

— Неужели мне на самом деле нужно указывать тебе на то, что я только что признался, что влюблен в тебя? Мне казалось, ты это уже поняла. Твою мать, Грейс. У меня охренительный стояк, и я отчаянно пытаюсь придавить тебя к грязнящей стене отвратительного гаража на заднем дворе моей матери. Я думал, действия говорят громче слов. — Мы смотрели друг на друга, и он понизил голос. — Та ночь была попросту самой приятной ночью в моей жизни, я клянусь тебе. Сомневаюсь, чтобы кто-то смог ее превзойти. Ты неповторимо прекрасна и сексуальна и двигалась настолько безупречно, что я не переставал думать о той ночи. — Он опустил взгляд на свои штаны и рассмеялся. — Что сделало перелет и жизнь в доме Алеты экстремально неловкими.

Мое сердце поработило. Он им завладел.

Он схватил меня за руки.

— Ну же, глупышка. Я хочу отвести тебя на обед к отцу, и мы уже опаздываем.

— Правда? — Я посмотрела на свои часы. Я и не подозревала, что Мэтт захотел увидеться с отцом так скоро. — Ох, черт. — Я вбежала через двери дома Алеты словно безумный вихрь, наворачивая по комнате круги. — Даже не знаю, что надеть, — простонала я.

Мэтт прошел за моей спиной, усевшись на гостевую кровать, и с самодовольной ухмылкой стал наблюдать за мной, сложив руки за головой.

— Просто выбери хоть что-нибудь. Ты выглядишь потрясающе в чем угодно... и без всего.

— Боже мой, боже мой, боже мой. — Одежда из моего чемодана разлеталась по всей комнате. — У меня ничего нет!

— Вот это, — сказал Мэтт, поднимая одну из вещей с пола. — Надень это. — Это былото самоеплатье, черное с маленькими цветочками и вырезом на спине. — С колготками и ботинками. В них ты выглядишь отлично.

Выхватывая его, я изучаю помятое платье.

— Кидай его мне, — раздался голос со стороны дверей. Алета держала руки вытянутыми.

Я почти расплакалась, когда подняла взгляд и увидела на ее лице теплую улыбку. Когда я была дома, то считалось, что я должна гладить не только свою одежду, но одежду отца, сестер и брата. Мама всегда говорила, что это моя обязанность. Даже приезжая из колледжа на каникулы, мне приходилось тратить часы на домашние дела и глажку. Я ненавидела гладить. Более того, один вид гладильной доски приводил меня в ярость. Этот небольшой жест со стороны Алеты напомнил мне, насколько я нуждалась в заботливой матери — той, что не позволяла бы алкоголизму отца влиять на наши жизни. В матери, которая была бы способна радоваться, которая хотела бы узнать обо мне во время моих звонков. Которая не расплылась бы, не доведя начатое до конца.

— Спасибо вам, Алета.

— Мне только в радость, милая. — Думаю, она была серьезной. Словно глажка моего платья на самом деле могла сделать ее счастливой.

Через двадцать минут я была собрана и уже сидела в минивэне Алеты, а Мэтт подпевал группе Sex Pistols и по рулю выбивал ритм песни, лавируя между машинами, и совершенно точно зная о моем волнении.

— Эй! — перекричала я музыку.

Он обернулся и глянул на меня.

— Не сходи с ума, Грейс. Они всего лишь кучка претенциозных придурков. Просто сыграй для них песню. Они, без сомнения, будут впечатлены. Моника изведется от зависти. Александр будет идиотом. Отец и его жена будут радушными, но самодовольными. Все они будут говорить о каком-то знаменитом шеф-поваре, приготовившем обед, после чего отец напомнит тебе, сколько отдал за вино.

— Мне не по себе от того, что мы явимся с пустыми руками.

— Мама дала мне бутылку просекко.

— Что это?

— Игристое вино типа шампанского.

Я вздохнула от облегчения.

— Идеально.

Когда мы выехали на подъездную дорожку перед тем, что я бы скромно назвала особняком, у меня глаза полезли на лоб. Дом был украшен рождественскими огнями, а перед

ним, в центре кольцевой дороги, стояла гигантская елка, завешенная огромными экстравагантными бантами и разрисованными стеклянными шарами.

— Мачеха обожает это дерьмо, но сама ничего не делает. Она нанимает для этого специальных людей.

Я заметила вино за сиденьем Мэтта и схватила его. Мы оба двигались к дому с опаской. Мэтт нажал на звонок, а я подумала, как же это странно, что он не может просто так войти в дом, в котором вырос.

Нам открыла полная женщина, которой было немного за шестьдесят, одетая в передник, которые, мне казалось, люди носят только в кино. Она была Элис из «Семейки Брейди»⁷, но не радостной.

— Маттиас, — произнесла она. Ее акцент был довольно явным и, по всей видимости, немецким.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Наина, это Грейс.

— Приятно познакомиться. — Она вежливо пожала мою руку и развернулась. Мы последовали за ней в дом и затем прямо по длинному коридору.

— Кто это? — одними губами спросила я.

— Экономка, — прошептал он, после чего нагнулся прямо к моему уху. — Она злая. — Мои глаза стали шире.

Наина обернулась и резко остановилась.

— Я слышу вас, мальчик.

Мэтт усмехнулся.

— Наина здесь с тех пор, как мне было двенадцать. Она помогала мне с домашней работой, научила нескольким ругательствам на немецком и всегда приносила мне тонны сладостей.

Наина топнула ногой и уперла руки в бока.

— Маттиас, — пожурила она его, но всего секунду спустя ее щеки порозовели, и она рассмеялась. — Иди сюда. — Пышная женщина практически оторвала Мэтта от земли, притянув в свои медвежьи объятия. — Я скучала по тебе, Маттиас. Без тебя здесь все иначе. — Они отошли друг от друга.

Мэтт большим пальцем ткнул себя в грудь.

— Я ее любимчик.

— Теперь идем, хватит уже, — сказала Наина, отворачиваясь и продолжая идти по коридору. Она проигнорировала реплику Мэтта, но я знала, что это была правда.

Было два дня до Рождества, и мне предстояло познакомиться с отцом Мэтта, его братом, мачехой и мстительной бывшей подружкой, которая скоро станет его невесткой. Я была рада войти в комнату хоть с чем-то, потому что это служило нам щитом от того, что нас ждало в огромной гостиной. Мэтт выдернул бутылку просекко из моих рук, — которая была щитом, — и вошел в комнату передо мной с широко разведенными руками, выпяченной грудью и игристым вином в правой руке.

— С Рождеством, семья. Вот и я!

Я увидела отца и мачеху Мэтта у окна от пола до потолка, из которого открывался вид на большой задний двор и сверкающий бассейн. Его отец был в темном костюме и при галстуке. Его мачеха была в бежевой юбке-карандаше, белой блузке и светящихся жемчужных украшениях. Она была полной противоположностью Алеты: светловолосая, с безупречной стрижкой «боб» и упругой кожей, подтянутой хирургическим путем.

Его отец выглядел безупречно, как человек, проводящий перед зеркалом не так уж и мало времени, но его улыбка была искренней, как и у Мэтта. С дивана поднялся человек, в котором я безошибочно узнала Александра. Он был в белом костюме, розовой рубашке, но без галстука. Три верхние пуговицы были расстегнуты, демонстрируя загорелую кожу на безволосой груди. Волосы у него были светлее, чем у Мэтта, и казались пластмассовыми из-за геля.

Александр приблизился к Мэтту за три широких шага.

— Мэтт здесь, и опоздал, как и всегда, — произнес он радостно. Забрав бутылку из руки Мэтта, он стал изучать ее. — И, взгляните-ка, он притащил нам бутылку шампанского для бедных. Как я и говорил, а? Может, с ним можно будет приготовить свинину.

Он серьезно? Божечки мои.

Желудок свело, а сердце упало при мысли, что Алета дала Маттиасу бутылку, и он, зная, как на нее отреагируют его родные, не осмелился сказать об этом ни Алете... ни мне. Должно быть, именно поэтому он выдернул ее у меня из рук в последнюю секунду.

Игнорируя брата, он отступил в сторону и поднял мою руку.

— Все, это Грейс.

Я смущенно помахала, после чего ко мне подошла мачеха Мэтта.

— Здравствуй, дорогуша. Я Регина.

Пока я пожимала ее руку, отец Мэтта подошел к нему и безмолвно обнял, после чего обратил свое внимание на меня.

— Здравствуй, Грейс, рад познакомиться с тобой. Наслышан о тебе и твоей музыке.

Я сглотнула, заинтересованная тем, что же он слышал.

— Благодарю, сэр. Приятно познакомиться.

— Прошу, зови меня Чарльз.

Меня пронзило желание спросить: «Как насчет Чарли?», и я нервно рассмеялась.

— Хорошо, Чарльз.

Александр стоял позади, и вскоре я увидела черноволосую женщину, вошедшую в гостиную с другой стороны. Она была красивой, такой тип обычно называют «соседка». Длинные гладкие волосы с вьющими концами. Огромные карие глаза, кажущиеся удивительно теплыми. Я улыбнулась, когда она подошла ближе, но затем заметила ее широкую фальшивую ухмылку с намеком на злорадство. Ее движения были по-кошачьи грациозными, и она подкралась к нам.

— Маттиас. — В ее голосе слышалась высокомерность.

— Привет, Моника. Это Грейс.

Ее жуткая вымученная ухмылка вернулась, как только она окинула взглядом мои ботинки, а затем и лицо. Я протянула руку для рукопожатия, но она так и повисла в воздухе. Наконец, Моника пожала ее.

— Приятно познакомиться. Ты как раз в его вкусе.

— Э-м-м-м...

Моника снова посмотрела на Мэтта.

— Она говорит?

— Дети, давайте переместимся в обеденный зал, — вмешался Чарльз. Я была ему за это благодарна.

Мы шестером устроились за огромным, блестящим черным столом, сервированным серебряными приборами и хрустальными бокалами для шампанского. Мы с Мэттом сели напротив Александра и Моника, а Регина и Чарльз заняли противоположные места на разных концах стола. Наина была расторопной и грациозной, летая по комнате туда-сюда, чтобы накрыть его.

Чарльз отметил, что еда приготовлена поваром Майклом Мэсоном. Я наклонилась к Мэтту, чтобы прошептать:

— Кто он такой?

— Кому какая разница? — ответил Мэтт громко, но никто не подал виду, что услышал.

Регина и Моника завели разговор о каком-то дизайнере, работающем над свадебным платьем Моника, пока Чарльз, бубня, рассказывал Александру о последних переговорах в фирме о контракте. Они буквально игнорировали нас большую часть обеда, и меня это устраивало. Когда был подан десерт, а Моника и Александр выпили по несколько бокалов шампанского, они обратили свое безраздельное внимание на нас.

— Итак, ты играешь на виолончели? — спросил Александр.

— Да.

— О-о, — тон у Моника был такой, словно она обладала информацией. — Ты виолончелистка?

— Да, — повторила я, и увидела на лице Мэтта выражение обеспокоенности. Он уставился на Моника, пытаюсь понять ее интонацию.

Ее приторная улыбка и фальшивый смех вызвали у меня леденящую дрожь. Она смотрела на Александра, но показывала на меня.

— Та самая? — Она стрельнула взглядом в отца Мэтта. — Та самая, которую вы выручали, Чарльз?

— Прощу прощения? Эм... выручали? Я понятия не имею, о чем вы, — сказала я, едва повышая голос чуть выше шепота. Кто эта слабая, глупая девчонка, которой я стала в присутствии этих людей?

— Ни о чем. Это не тот разговор, который ведут за обедом, Моника. — Мэтт был почти на грани.

Я отодвинула свой стул от стола.

— Уборная? — задала я вопрос, не обращаясь ни к кому конкретно, ожидая помощи хоть от кого-нибудь.

— Вперед по коридору, вторая дверь справа, — ответила Регина.

Встав, я покачнулась, опьяневшая от шампанского. Мэтт поднялся, но я быстро проскользнула мимо него и пошла по коридору. Я слышала его шаги позади. Зайдя в ванную комнату, я попыталась закрыть дверь, но Мэтт помешал, вставив в проем свой большой ботинок со стальным мыском.

— Постой. Впусти меня.

— Нет, — огрызнулась я.

— Грейс, я серьезно. Впусти меня... пожалуйста.

Глаза заволокло слезами и, опустив взгляд в пол, я наконец отпустила дверь, впуская Мэтта внутрь. Он приподнял мой подбородок. В его глазах полыхал огонь, словно ромобьяло пламенем.

— Послушай меня. Я занял немного денег у отца, чтобы помочь тебе вернуть виолончель. Я не хотел вдаваться в детали, потому что знал, что он не поймет твоих обстоятельств. Они даже не заслуживают их знать. Ты хорошая, добрая и искренняя, и тебе не нужно, чтобы эти люди говорили тебе это. Позволь им думать худшее. Позволь Монике вываливать ее осуждающую херню. Пускай Александр думает, что мы использовали деньги на твой пятый аборт. Пускай они все катятся к чертям. Мне плевать, и тебе должно быть тоже. Они никогда не будут довольны жизнью, сколько бы денег у них ни было, ведь они всегда будут хотеть больше. Сейчас же они хотят нас лишить толики достоинства, потому что у нас есть то, чего нет у них.

Я шмыгнула.

— Чего же?

— Этого. — Он наклонился и медленно и нежно поцеловал меня.

Когда он отстранился, то двинулся на другую сторону ванной комнаты, открыл шкафчик над раковиной и потянулся настолько высоко, насколько мог.

— Есть! Наина никогда не подводит. — Это была бутылка текилы. Он открутил крышку и сделал глоток. — Я за рулем, но ты развлекайся. Она поможет стать нечувствительной к боли от времяпрепровождения с моей семьей.

После трех больших глотков я почувствовала, как к лицу подступил жар. От текилы я мгновенно стала розовощекой и пьяной.

— Я готова.

Он взъерошил мои волосы.

— Так-то лучше. Теперь у тебя идеальный вид только что оттраханной. Давай заставим их ерзать.

Когда мы вернулись, все были в гостиной, стояли у блестящего рояля. Увидев нас, Моника выразила удивление. Пока я обмахивала себя, Александр, казалось, завидовал, а Чарльзу и Регине, судя по всему, было любопытно.

— Долго вас не было, — сказал Александр.

Пройдя мимо него, я пробормотала:

— Ага. Мэтт не теряет времени.

Усевшись на скамейку перед роялем, я в последний раз демонстративно обмахнулась руками, после чего разместила их на клавишах.

— Могу я сыграть вам что-нибудь?

— Это было бы замечательно, Грейс, — ответил Чарльз.

Текила проносилась по моим венам, расслабляя напряженные мышцы тела. Я приступила к игре, сначала не торопясь, давая мелодии литься. Затем музыка начала ускоряться, набирать обороты и громкость, извлекая всевозможные эмоции и выводя их на поверхность, словно то был духовный опыт. Так и хотелось закричать: «Могу я услышать ‘Аминь’?». Я закрыла глаза и играла на протяжении пяти минут, не упустив ни единой ноты.

Когда я закончила играть, наступила тишина. Волнуясь, я не сразу открыла глаза, и нервозность ушла, только когда я услышала аплодисменты. Сначала я посмотрела на сияющего Чарльза.

— Это было фантастически, Грейс. Кто это был, Бах?

— Pink Floyd. «Comfortably numb» (Прим. пер.: «Приятное оцепенение»), — улыбнулась я.

— Ну, это в любом случае было прекрасно, — сказала Регина.

— Спасибо. — Я встала и заметила, что Моника стояла рядом с Мэттом и не сводила с него глаз. Мэтт этого не замечал, потому что глядел на меня и, полный гордости, улыбался широкой, подбадривающей и сияющей улыбкой в миллион мегаватт.

Пока я шла к нему, он подставил пальцы к лицу, делая вид, что они — воображаемая камера, и он делает несколько снимков, одними губами проговаривая: «Ты охерительно красивая».

Моника все это видела, но что было лучше всего, так это то, что Мэтту было все равно, видела она что-то или нет. Я не была уверена, существует ли она для Мэтта вообще. Как только я подошла к нему, Александр ударил Мэтта по спине.

— Она на самом деле талантлива, брат.

Глаза Мэтта расширились. Совершенно очевидно, он был шокирован. Может, потому, что это было напоминанием их братской любви, которая у них когда-то была, или потому, что Александр смотрел на меня как на приз.

— Да, талантливая, — подтвердил он, смотря на меня. — Теперь нам пора. — Мэтт взял меня за руку и потащил к двери, после чего обнял за плечи. — Спасибо, пап, спасибо, Регина. Обед был отличным. Сейчас же нам надо возвращаться на вэне к маме. — Наклоняясь, он поцеловал мое ухо и прошептал: — Хочу, чтобы ты была только моей.

Мы обернулись, прежде чем выйти из комнаты. Мэтт прокричал: «Счастливого Рождества!», и мы унеслись, оставляя позади гостиную, полную глазающих людей.

— Что это было? — спросила я, когда мы выезжали на дорогу.

— Это я так заявлял им, что ты моя.

Я не могла перестать улыбаться.

Снова заиграли Sex Pistols. Мэтт сделал звук громче и начал имитировать движения Сида Вишеса, рассуждая об отдыхе под солнцем. Я улыбалась и смотрела в пассажирское окно, наблюдая за другой полосой шоссе с потоком машин, превращающимся в красноватое марево.

Следующие три дня мы провели у его мамы, исследуя улицы на мотоцикле Мэтта. В благотворительном магазине я обнаружила классную квадратную пряжку для ремня, сделанную из черного олова и с серой совой по центру. Чтобы купить ее, я заставила Мэтта дожидаться меня снаружи.

Когда я вышла за дверь магазина, то обнаружила Мэтта на парковке, он сидел на мотоцикле и был сексуальным как никогда. Руки скрещены на груди, на лице дерзкая ухмылка, глаза прищурены из-за солнца. Пока я направлялась к нему, порыв ветра сдувал мои волосы назад. Он поднял невидимый фотоаппарат и сделал снимок.

— Грейси, надеюсь, ты взяла мне ту пряжку с совой.

Я ударила его по плечу.

— Ты придурок. Зачем тебе понадобилось все портить?

— Поцелуй меня.

— Ты испортил сюрприз, — заныла я.

— ПОЦЕЛУЙ. МЕНЯ.

Рождественским утром мы все расселись вокруг елки Алеты и приступили к обмену подарками, в основном самодельными. Алета на ее новом гончарном круге сделала четыре красивые чашки и вручила их нам обоим.

— Ох, — отозвался Мэтт. — Они замечательные, мам. Спасибо.

Он отдал ей большую запакованную раму.

— Это от нас обоих. — Я с благодарностью сжала его руку. Он был в курсе, что я не могла купить что-то.

Алета распаковала ее и уставилась на то, что было обрамлено. Я не знала, на что она смотрела, так что поднялась и встала у нее за спиной. Увидев, наконец, что было в раме, я сглотнула и почувствовала подступающие слезы. Это был коллаж с нашими фото. На них было невозможно рассмотреть наши лица, но на всех фото были Мэтт и я: наши ноги, плечи, руки, волосы; на большинстве снимков мы касались один другого, или обнимались, или лениво лежали друг на друге. Где-то был слишком яркий свет, из-за чего виднелись лишь наши силуэты. Эта коллекция была захватывающей и доказывала невероятный талант Мэтта.

— Маттиас, — начала Алета едва дыша. — Сынок, эти фото потрясающие. И, Грейс, ты прекрасная и естественная модель. Я всегда буду хранить их.

Слезы, стекавшие по моим щекам, упали на плечи Алеты, и она обняла меня. Алета смотрела на меня с удивлением. Я покачала головой и отвернулась.

— Ты не видела, Грейс? — спросила она.

— Нет, — ответила я дрожащим голосом. — Это волшебно, Мэтт.

— Рад, что тебе нравится, потому что для тебя я сделал такой же, — рассмеялся он. — Твой коллаж ждет тебя в комнате. Я пробрался туда прямо перед нашим уходом.

Я запрыгнула к нему на колени и быстро поцеловала. Он притянул меня ближе.

— Я обожаю его. Спасибо.

Когда я отдала ему ремень, он стал изучать его.

— Глаза Грейси, — проговорил он, и я кивнула.

— Говорила же, он все поймет, — добавила Алета.

Вернувшись в Нью-Йорк в начале января, мы окунулись в обычную рутину. Мы исследовали город, ходили на занятия, вместе учились в общежитии, ну или, по крайней мере, пытались учиться. Мы не могли оторваться друг от друга. В те ночи, когда Мэтт работал в «ФотоХат», я репетировала с Тати.

Где-то через месяц Мэтт попросил меня встретиться с ним в комнате отдыха, намекнув, что хочет отвести меня в особенное место.

— Это вторая часть рождественского подарка, который я ждал, чтобы вручить тебе, — рассказал он мне с блеском в глазах, после чего схватил за руку и потащил из общежития.

Укутанные в пальто и шарфы, мы подошли к «Арленс Гросери», маленькому бару, где играли местные группы.

— Не смотри на вывески, — настоял он.

Мы пробирались через толпу к самой сцене. Мэтт расталкивал людей, отодвигая их в стороны, но мне все равно не удавалось увидеть хоть что-то за их спинами. Когда я наконец подняла взгляд, то посмотрела в глаза самому Джеффу Бакли, настроивавшему свою гитару.

Мать. Господня.

Мы смотрели все выступление, стоя перед раскачивающейся толпой, находясь всего в трех шагах от моего любимого исполнителя на все времена. На краткий миг я поймала улыбку Джеффа, но затем он отвел взгляд и начал дергать свой никотиновый пластырь. Я оглянулась на Мэтта и проговорила одними губами:

— О. Мой. Бог. — Я знала, что находилась в присутствии великого человека.

После выступления Джефф исчез, но я, наплевав на этот досадный факт, продолжала искать его взглядом. Годом ранее я, скорее всего, дожидалась бы его как бешеная фанатка, жаждущая пожать ему руку или сказать, какая я преданная поклонница, но той ночью просто отправилась с Мэттом в общежитие. Я была вдохновлена. Я хотела играть.

По дороге домой я рассеянно пожаловалась:

— Он не исполнил «Hallelujah». Как жаль.

— Ему, наверное, надоело ее играть, — ответил Мэтт, раскачивая руки, которыми мы держались.

— Ага, ты прав. Спасибо тебе, кстати. Это было изумительно.

— Для тебя что угодно.

— Не превращайся в размазню, Маттиас.

— Ну и кто теперь не может быть серьезным? — расхохотался он.

Грейси...

МЭТТ

После праздников мы с Грейс пытались проводить вместе столько времени, сколько было возможно — в основном голышом. Казалось, что мы пытались впихнуть полноценные отношения в те короткие месяцы, что остались до моего отлета в Южную Америку. Мы, должно быть, по миллиону раз сказали друг другу, что у нас все без изменений, но ощущалось все иначе. Грейс избегала любых разговоров о том, чем она собирается заниматься, когда я уеду на лето. Она постоянно напоминала мне, что мы молоды, отчего создавалось впечатление, будто она преуменьшала значимость наших отношений. Думаю, она пыталась защитить свое сердце. Может, и я свое тоже.

Мы часто общались с Тати и Брэндоном, по пятницам ходили на музыкальные точки в нижнем Ист-Сайде в Бруклине. По субботам мы слонялись, играли в игры или вместе занимались в общежитии. Но как только зима подошла к концу, и наступила ранняя весна, на нас всех свалилась подготовка к окончанию университета и к следующему этапу наших жизней. Если бы мы с Грейс не жили в соседних комнатах, то не представляю, как бы нам удавалось видеться.

Наконец, в первый теплый день апреля Грейс решила собрать нас четверых вместе и дала указание прийти на встречу к «Олд Хэт» к десяти утра. «Олд Хэт» (Прим. пер.: буквально «старая шляпа») была грязным баром, забегаловкой, в которую мы отправлялись, когда бары получше закрывались на ночь, так что это было своеобразное место для начала дня.

Я потер руки друг о друга и хлопнул ими.

— Ладно, дамочка, ради чего все это?

— Виски, — бесстрастно ответила она.

Брэндон усмехнулся.

— Десять утра, Грейс, — сказала совершенно недовольная Тати, упирая руки в бедра.

Грейс схватила меня за руку и потащила к двери.

— Разве это не замечательно? У нас есть весь день. Да ладно, мы молоды. Давайте

воспользуемся этим.

Бармен «Олд Хэт» поприветствовал нас. Грейс подняла четыре пальца.

— Четыре виски, пожалуйста.

— Ох, господи, — услышал я, как пробормотала Тати.

— Ради чего все это, Грейси? По-настоящему. — Я был в смятении.

Мы вчетвером сели в ряд.

— Скоро все будут так заняты, а Мэтт и вовсе уедет. Я просто хотела провести с вами немного времени, ребята, выпить, повеселиться и не учиться. Я спланировала для нас весь день.

Тати подняла рюмку.

— Ты убедила меня. Я в игре.

— До дна, — сказал Брэндон.

Как только мы выпили, Грейс повернулась к нам.

— Хорошо, давайте развлечемся.

— Теперь куда? — поинтересовался я.

В ее глазах зажегся огонь.

— В проявочную. — Она отдала мне моток пленки. — Нам нужно проявить вот это.

— Прощу, скажи, что это не ваши обнаженные фото, — попросил Брэндон.

— Нет, их у них, наверное, хватает, — добавила Тати.

— Нет, — сказала Грейс. — Это подкачки.

— Чем мы будем заниматься, пока вы будете их проявлять? — спросила Тати.

— Вы пойдете с нами, — ответила Грейс. — Мэтт покажет вам весь процесс.

Я усмехнулся.

— Да, это будет весело.

Мы пошли в фотолабораторию в кампусе, по дороге насыщаясь весенним воздухом. В лаборатории было несколько маленьких комнат, где студенты могли проявлять негативы, и

большое помещение с красным освещением, заставленное фотоувеличителями и кюветами, чтобы студенты делали фотографии. Я поместила некоторые негативы из пленочной ленты в фотоувеличители, чтобы Тати и Брэндон сделали фотографии. На снимках были мы с Грейс, корчившие рожицы на камеру. Это был одноразовый проект, но Брэндон и Тати хотя бы займут себя, пока мы с Грейс будем проявлять ленту.

Мы прошли по коридору, и я затащил Грейс в одну из маленьких комнат, после чего закрыл дверь.

— Спасибо, что спланировала день. Это весело. — Я целовал ее, прижав к двери, затем подхватил и приподнял ее, чтобы она обвила ногами мою талию, и руками провел по ее бедрам вверх, задирая платье все выше.

— Ты же говорил, что люди здесь подобным не занимаются.

— Не знаю, чем там занимаются другие, да и мне наплевать.

Она жалобно застонала, но вырвалась из моих объятий.

— Нам нужно проявить пленку, Ромео.

— Убийца наслаждений, — пробубнил я. — Ладно, запущу процесс, но потом хочу наслаждений.

— Потом я вся буду в твоём распоряжении, но сначала прояви эту ленту.

— Хорошо, мне нужно выключить красный свет, чтобы проявить ее, так что примерно двенадцать минут тут будет кромешная тьма.

Она сморщила нос.

— Что это за запах?

— Это проявитель.

Химический запах был чересчур резким в нагретой и с высокой влажностью комнате восемь на восемь футов. На одной стороне находились безупречно чистая металлическая раковина и рабочий стол, параллельно которому стоял высокий и узкий чан с проявляющим раствором, куда опускались негативы. На столе находился большой таймер со светящимися в темноте стрелками. С другой стороны комнаты была скамейка.

Я наклонился и включил радио, крутанув выключатель, находившийся над раковиной. Музыка доносилась из колонок над нашими головами — это была какая-то университетская радиостанция, играл легкий джаз.

— Я не могу изменить станцию, но это нечто. — Я оглянулся на Грейс, сидевшую на скамейке. — Готова? Я собираюсь выключить красный свет.

— Готова.

Я щелкнул выключателем. Фотолаборатория стала такой темной и теплой, что внезапно накатило сонное состояние. С другого конца помещения послышался громкий зевот Грейс. Все другие чувства обострились. Я раскатал пленку и слепо защелкнул на ней прищепку. Направившись к раковине, я умудрился как профессионал опустить ленту в чан, не издав ни единого звука.

— Ты там нормально, малыш? — спросил я.

— Ага, — ответила она сонно.

— Дай мне еще минутку. — Я завел таймер, после чего поймал себя на мысли, что представил, как Грейс скачет на мне. — Раздевайся.

Она рассмеялась.

— Ты серьезно?

— Я многое могу сделать за двенадцать минут, — сказал я, идя к ней наугад.

Сначала я схватил ее за руки, а затем мы поцеловались. Другие органы чувств нам были не нужны, нам хватало прикосновений. Я целовал ее от уха до изгиба шеи, после чего стягивал с нее платье через голову. Она расстегнула мой ремень и спустила вниз джинсы. Я развернул ее к себе спиной. Я целовал ее плечо, рукой проводя вниз по ее спине, добираясь до ягодиц, а когда я был внизу, то ввел в нее пальцы. Она даже не пискнула.

— Ты как? — спросил я.

— Не останавливайся, — на одном дыхании выпалила она.

И я вошел в нее. Мы тяжело дышали, но сдерживались изо всех сил. Мои движения были поступательными и поначалу медленными, затем я стал жестче, выкладываясь со всей страстью. Она толкалась назад, входя в мой ритм. Не было никаких звуков, лишь тихое хныканье и тяжелое дыхание. Ощувив, как она сжимается вокруг меня, я дошел до пика. Меня окатило волнами холода, словно все мои нервные окончания разрывались на части. Я притянул ее к себе и лицом прижался к ее шее. В мгновение ока я вышел, сел на скамейку и усадил ее к себе на колени.

Мы целовались нежно и медленно, словно томясь, и тутбз-з-з-з-з!Зазвенел таймер. Я поднялся и включил красный свет. Грейс стояла рядом, и она была роскошной. Я крепко ее обнял и поцеловал в макушку.

— Это было потрясающе. Ты нормально?

Синапсы в ее мозгах, должно быть, работали с перебоями, потому что она просто кивнула.

Я подошел к раковине и вытащил из чана примерно сто двадцать сантиметров негативов, опустив их в контейнер с водой, который играл роль фиксажной ванны. Мы быстро оделись и ушли из комнаты с пленкой.

Когда негативы высохли, я просканировал их и обнаружил, что почти все они были черными. Было всего три фотографии, на которых были запечатлены слова: по одному на снимок. Рояль. ПБР. Арахис.

Я бросил взгляд на Грейс.

— «Три горошины»? — уточнил я, говоря о маленькой забегаловке у общежития, где по пятницам устраивались открытые игры на рояле. Я часто надоедал Грейс с просьбами сыграть там и спеть для меня, но она никогда не соглашалась.

— Ты понял. Идем за Тати и Брэндоном. Это так весело! — пропищала она, потянув меня за собой по коридору к нашим друзьям.

Снаружи Тати из сумочки достала флягу с виски.

— А ты не пропадешь, — сказал я.

— Я думала, Грейс потащит нас по музеям. Просто подготовилась. Хочешь?

Я сделал глоток, после чего Грейс забрала у меня флягу.

— Вообще-то, это нужно именно мне. Идемте.

Когда мы дошли до «Трех горошин», то были уже в приличном подпитии. В баре было пусто, не считая барменши, которую я не узнал. Грейс облокотилась на стойку.

— Я организовала небольшую игру для парня и друзей, и хотела бы узнать, могу ли я вон там сыграть супер короткую песню? — Она указала на сцену.

— О боже, она это сделает, — пробормотала Тати.

Барменша посмотрела на Грейс и улыбнулась.

— Развлекайся. Здесь никого. Хотите чего-нибудь выпить?

— Конечно. Четыре «ПБР»9.

Барменша поставила наше пиво, и мы все смотрели, как Грейс выпивала свое в три больших глотка.

— Боже, — выдавил я.

Как только она направилась к роялю, я услышал перезвон колокольчиков над входной

дверью. Обернувшись, я увидел нескольких «костюмов», пришедших пообедать, которые решили занять свободные барные стулья. Их было семеро. Аудитория Грейс выросла в геометрической прогрессии за секунду.

Она пододвинула скамейку ближе к роялю, чем вызвала скрип по деревянному дощатому полу сцены.

— Простите, — пробормотала она в микрофон, что получилось слишком громко.

«Костюмы» и барменша обратили свое внимание на Грейс. Было видно, что она волновалась. Я улыбнулся ей, и на ее лице отразилось облегчение. Она отклонилась назад и подкрутила на стереосистеме настройки.

— Лучше? — Я кивнул.

Тати закричала:

— Ты сделаешь это, девочка моя!

— Хорошо, тут песня, которую я написала, но еще это следующая подсказка, так что будьте внимательными, ребята. — Ее нервный смех эхом разнесся по безмолвному бару.

— Грейс пишет песни? — спросил Брэндон.

Мы с Тати одновременно пожали плечами.

Грейс играла длинное ритмичное вступление, похожее на обычный джазовый мотив, и затем она ускорила, после чего, наконец, вырисовалась мелодия. Грейс без усилий могла играть на любом инструменте, это было завораживающе. Когда же она начала петь, мы все задержали дыхание. Прежде никто из нас не слышал ее пения, но, как и во всем прочем, она была великолепна.

Мчи туда, где играют короли,

Где собираются друзья и где прячемся мы.

На виду, но незримы,

Как безрассудны наши мгновенья,

Бесконечно ценны.

Отчего мы не мчим туда, где танцуют дети,

Где главы стоят,

И мы можем преклонить колени летом...

Когда она закончила, мы все встали и зааплодировали.

— Браво! — закричала Тати.

Все бизнесмены хлопали и орали:

— Отличная работа!

— Чувак, это было круто. Я и не знал, что она играет на рояле, — сказал Брэндон.

— Она чудо, — ответил я тихо, наблюдая за тем, как она спускалась со сцены. Тати толкнула меня в объятия Грейс и подмигнула.

Барменша обратилась к Грейс.

— Ты в миллион раз лучше большинства выступающих здесь в ночь открытого микрофона.

Я сжимал Грейс и улыбался ей от уха до уха. Она смотрела на меня, улыбаясь в ответ. Ее лицо слегка покраснелось. Я поцеловал ее в кончик носа.

— Вашингтон-Сквер-парк?

Она рассмеялась.

— Это так очевидно?

— Типа того. У тебя так себе подсказки, но это все по-прежнему весело. Шоты перед уходом?

Барменша налила нам виски, а после них мы по дороге в парк купили по хот-догу. Мы были пьянющими, а ведь на часах был только час дня. Я боялся, что, если мы не съедим что-то существеннее хот-догов, то к моменту, когда кончится эта игра, и нужно будет возвращаться в общежитие, мне придется тащить Грейс на себе.

— Мне весело. Я рад, что ты устроила все это, — сказал я ей.

Правда в том, что нам с Грейс может быть весело даже в прачечной, а Брэндон и Тати готовы подписаться на все, что мы спланируем. Нам четверым легко друг с другом.

Оказавшись в Вашингтон-Сквер-парке, мы уселись под деревом. Брэндон раскурил косяк, и мы пустили его по кругу. Я положил голову на колени Грейс.

— Я не могу придумать лучший способ провести среду. — Я зевнул.

— Знаешь, Грейсленд устраивала такие игры дома для брата и сестер, — сказала Тати.

— Правда? — Я взглянул на нее и улыбнулся.

— Ага, чтобы убить время, — произнесла Грейс рассеянно. — Но, на самом деле, сейчас все иначе. — Она сделала паузу и глубоко вздохнула. — Я хотела вас собрать, чтобы сказать, что я поступила в аспирантуру. Я остаюсь в университете Нью-Йорка! — Она счастливо вскинула руки.

— О боже! — Я встал, обнял ее и, оторвав от земли, закружил. — Я так рад за тебя!

Я заметил, что Тати молчала, а Брэндон казался растерянным. Грейс тоже обратила на это внимание. Когда я поставил ее обратно, она повернулась к ребятам.

— Разве вы не рады за меня?

Тати пожала плечами.

— Наверное. Да, Грейс, я рада за тебя. — Она поднялась и схватила свою сумку. — Слушай, Брэндону надо писать работу, а я собиралась встретиться с Порнделом, чтобы обсудить летнюю поездку.

Грейс изменилась в лице.

— Значит, ты официально едешь?

— Ну, тебя приняли в аспирантуру. Почему тебя это задевает? — спросила Тати язвительно.

— Не задевает. Мы даже играем на разных инструментах. С чего бы мне волноваться?

— Ну, кажется, будто ты волнуешься. Только не пойму, почему. Ведь это ты отшила его.

— Я его не отшивала.

— Он купил тебе смычок за одиннадцать сотен, Грейс.

— И что?

Я нахмурился.

— Ее приняли в аспирантуру. Именно поэтому она не отправляется в Европу с Порнделом.

— Нет, она будет ждать тебя, Мэтт! Когда ты вернешься в Нью-Йорк.

— Татьяна! — прикрикнул на нее Брэндон.

— Что? Это правда.

— Я пошла в аспирантуру, потому что хочу ученую степень. Можешь эти полтора года свободно шататься по Европе с Порнделом. Мне все равно.

Грейс отвернулась и понеслась к шахматным столам.

Я повернулся к Тати, разгневанный тем, что она испортила важное объявление Грейс и вообще весь полдень.

— Я не давил на Грейс, чтобы она оставалась, что бы ты ни думала.

— Вы не можете быть вдали друг от друга целый год, даже если это путешествие с оркестром — сумасшедшая возможность и невероятный опыт для нее.

Я посмотрел на Брэндона, а потом на Тати.

— Думаешь, вы сможете быть в разлуке так долго?

— У нас все серьезно, Мэтт. Мы с Брэндонем, в отличие от вас, можем провести друг без друга пять минут и не свихнуться.

— Если у вас все так серьезно, то почему ты не выйдешь за него?

— Ох, повзрослей, Мэтт. Тебе пять лет, что ли?

— Я женюсь на Грейс хоть сейчас. Вот насколько все серьезно у нас. — Я оглянулся в поисках Грейс, которая была на другой стороне парка: играла в шахматы с невысоким седым мужчиной.

Тати усмехнулась и вскинула руки.

— Чувствую вызов.

— Ты о чем, Тати? — резко придя в себя, спросил Брэндон.

— Ой, да ладно тебе, Брэндон. — Она устремила взгляд на меня. — Думаешь, мы не сделаем этого?

Я рассмеялся.

— Даже не знаю, Тати. Кажется, Брэндон не проникся идеей.

Она повернулась к Бэндону, который стоял за ее спиной с широко распахнутыми глазами.

— Ты же женишься на мне, да? То есть, после всего, что между нами было... — Она многозначительно изогнула брови.

— Я... думаю, да.

Развернувшись обратно, она сказала:

— Видишь, Мэтт. Ты горазд только болтать.

Теперь руки вскинул я.

— Спорим, мы женимся раньше вас.

— Спорим. — Она сверлила меня взглядом.

— На что спорим?

— Проигравший оплачивает молодоженам ночной кутеж, — ответила она.

Мы пожали руки.

— Хорошо, — подтвердил я, хотя готов был пойти на это и без всякого выигрыша.

16.

Следовало сказать тебе

МЭТТ

Я оставил Брэндона и Тати у дерева и направился к Грейс с новой миссией. Сев на скамейку у фонтана, я закурил сигарету и подождал, пока она доиграет в шахматы. Я выпускал в воздух кольца из дыма и размышлял, как сделать так, чтобы она вышла за меня.

Мне нужно было, чтобы она стала еще пьянее.

Грейс подошла ко мне и улыбнулась. Казалось, будто все напряжение ушло, и я расслабился.

— Кто это был? — спросил я.

— Орвин. Мужчина, сделавший смычок.

— Ох. Тот смычок, который купил тебе Порндел? — Я почесал нос.

— Ты прекратишь это?

— Что старик тебе дал?

— Номер парня, играющего в группе в одном местечке на Аллен-Стрит. Они ищут

виолончелиста, а я, вероятно, смогу заработать несколько баксов. Тати и Брэндон ушли?

— Ага.

Грейс выглядела разочарованной, как будто думала, что ее размолвка с Тати рассосется к моменту, когда она закончит играть в шахматы.

— Ладно, идем.

— Стой, ты же еще не видела, как я скачу через две скакалки? — В моем пьяном мозгу сформировалась мысль, что именно так я завоюю ее и предложу выйти за меня. Это был гениальный план.

— Что? Ты не скачешь через две скакалки.

— Еще как скачу. Видишь вон тех двух девушек? Я встретил их два дня назад. И показал им класс.

— Я тебе не верю.

— Тебе и не нужно. Я докажу.

Мы подошли к девушкам, и та, что прыгала, перешагнула через скакалки, как только заметила меня. Уперев руки в бока, она заговорила:

— О да, Мэтти-Мэтти Двойные Скакалки здесь.

Я бросил взгляд на Грейс.

— Видишь?

Ее глаза были размером с морских ежей. Я начал разминаться, нагибаясь к кончикам пальцев ног, и раскачиваясь в стороны. Грейс посмеивалась с сомнением.

— Ты же не собираешься?.. — начала она.

— Еще как. Смотри.

Я был готов. Две девушки начали крутить скакалки, и я, совершив безупречное колесо, зашел в центр и начал прыгать. Это было рискованно. Перед этим я такое исполнял всего однажды, но знал, что сейчас время для тяжелой артиллерии. Я делал все, что напевали девушки: «Мэтти, Мэтти, повернись. Мэтти, Мэтт, земли коснись. Мэтти, Мэтт, ботинок вверх».

Я запрыгал на одной ноге.

«Мэтти, Мэтт, это успех. Мэтти, Мэтт, вверх поднимись».

Я запрыгал выше, потому что скорость кручения скакалок увеличилась. У Грейс была истерика.

«Мэтти, Мэтти, помолись. Мэтти, Мэтти, свет гаси. Мэтти, Мэтти, сладко спи».

Девушки перестали петь, а скакалки крутились все быстрее и быстрее, в конце концов, захватив меня и заключив в ловушку. Грейс смеялась так сильно, что, я думал, она перестанет дышать. Она была точь-в-точь как помидор.

Девушки зааплодировали вместе с небольшой толпой, собравшейся вокруг. Я же, пытаюсь отдышаться, подул на ногти и вытер их о рубашку.

— Неплохо, а?

— Ты полон сюрпризов, — сказала Грейс, восстанавливая дыхание.

— И буду таким... всегда.

— Где ты этому научился?

— Прошлым летом я был наставником в лагере.

— Ха! Святой Маттиас.

— Вообще-то, меня уволили.

— За что?

— Ты не хочешь этого знать, — увиливал я.

— Вообще-то, хочу, ведь тебя уволили с места, где нужно было работать с детьми. Это как сигнал опасности.

— Во всем виновата Клара Рамбергер. Она тоже была наставницей. Ее мама, Джейн, была директором.

— Что же случилось? Тебя поймали с Кларой на горячем?

— Не совсем. Именно Джейн запала на меня.

— Мамочка? — Грейс застыла.

Я кивнул, и за какую-то секунду мне стало жутко стыдно.

— Что ты сделал, Мэтт?

— Клара после отбоя вроде как поймала меня и свою маму... на кухне, ну, во время деликатного процесса.

— О. Мой. Бог. Ты свинья. — Грейс ударила меня по плечу. — Поверить не могу, что тебе понравилась хищница. Так, и за что тебя уволили?

— В общем, очевидно, Клара грозилась рассказать все отцу, мужу Джейн, если меня не уволят.

— Она была замужем?

Я поднял руки в защитном жесте.

— Она сказала мне, что они разводятся.

— Боже, Тати была бы в восторге.

— Ты мне напомнила. Что это с вами произошло? — Разговаривая, мы возвращались к дереву.

— Не знаю. Она зла на меня, потому что думает, будто ради тебя я отказываюсь от чего-то значимого.

Я взял ее за руки и закружил. Она посмотрела на меня, а затем быстро отвела взгляд в сторону.

— Посмотри на меня, Грейс. Ты ради меня от чего-то отказываешься?

— Нет, — не колеблясь ответила она.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты так поступала. Ты сама говорила, что мы молоды, что мы должны делать то, что хотим.

— И что же? — прошептала она.

— Не уверен, но знаю, что я буду проходить интернатуру, а тебе следует ехать с Порнделом, если тебе кажется, что так правильно. Ученую степень ты сможешь получить и потом.

— Дэн хочет путешествовать полтора года, Мэтт. Он спланировал целый тур. Он готовился к нему уже очень давно.

— Ладно...

— Это значит, что мы не сможем видеться очень долго.

От одной только мысли я ощутил физическую боль.

— Но если ты считаешь, что после выпуска должна уехать, то тебе стоит ехать.

Она часто заморгала, покачала головой и посмотрела себе под ноги.

— Значит, так? Вот что ты думаешь? «Дерзай, Грейс, исчезай больше чем на год и удачи тебе»?

Сердце колотилось о ребра.

— Охота на грязные подробности закончилась?

— Меняешь тему разговора?

— Давай выпьем и поговорим, — предложил я.

— Конечно, Мэтт, ведь когда мы напиваемся, то принимаем великолепные решения.

— Просто идем, — сказал я. — У меня есть идея.

Мы нашли паб и провели там остаток полудня. Но вместо разговоров мы пили, минуя вопросы о нашем будущем... о нас. Грейс выбрала десять песен в автомате и настояла на том, чтобы мы не уходили, пока не проиграет каждая. К моменту, когда закончилась последняя, мы были без сомнения в слюни.

— Ты пьяна? — неотчетливо спросил я.

— А ты, Маттиас-с-с-с-с?

— Мне нжно отвести тебя кое-кда, хршо, Грейси?

Я тащил ее всю дорогу, пока мы, шатаясь, плелись к метро. Мы истерически хохотали, когда старались держать равновесие, не хватаясь за шести-поручни. Другие пассажиры были не слишком довольны. Мы вышли в деловой части города и прошли еще несколько кварталов.

— Смотри, — сказал я, указывая на Сити Холл. — Нам, твою мать, тчно нжно пжениться прям ща, Грейс! Эт единственне ПРАВИЛЬНОЕ решение. — Я схватил Грейс за плечи и посмотрел ей в глаза, светящиеся от счастья — или, может, из-за опьянения? — Хочешь?

— Это шикрная идея, Мэтт.

Без понятия как, но мы заполнили все необходимые бумаги и раскошелились на пятьдесят долларов. Мировой судья, сердитая низкая женщина с красными волосами, обратилась к нам:

— Вам нужен свидетель, и у меня есть только четырнадцать минут. Вам лучше поторопиться.

— Стойте, — сказал я. — Ждите. — Я вернулся через несколько минут с бездомным

мужчиной, назвавшимся Гэри Баси. Мне пришлось дать ему десять баксов.

Церемония длилась около минуты. Думаю, я сказал: «Согласен», что повторила и Грейс, после чего мы неуклюже поцеловались.

Гэри Баси прокашлялся, стоя за нами.

— Да ладно вам, снимите номер.

Мы обняли его, после чего умчались в туалет, чтобы смыть с рук резкий запах салами. Когда я вышел, Грейс уже ждала меня в холле. Я протянул к ней руки.

— Миссис Шор, могу я пригласить вас на танец?

— Конечно, муж мой, это честь для меня.

Мы танцевали как безумные несколько минут, после чего на нетвердых ногах покинули здание, смеясь до колик. До Ист-Виллидж мы добрались на метро, я нес Грейс на спине вoseмь кварталов до самого общежития, и мы отключились в комнате отдыха, поедая кукурузные чипсы.

Дарья трясла меня за плечо.

— Мэтт? Что вы здесь делаете?

Я посмотрел на нее и прищурился. Голова раскалывалась, а маленькая настольная лампа на другом конце стола как будто просвечивала мой череп могущественным «вита-лучом»¹⁰.

— Твою мать, — выругался я, прикладывая одну руку в голове, а другую к животу. У меня было самое сильное похмелье в жизни.

Я повернулся и увидел Грейс, отключившуюся рядом со мной на грязном диване.

— Грейс. — Я потревожил ее, и она заворчала, издав звук, похожий на стон раненного животного.

Дарья помогла нам подняться, и мы пошли по своим комнатам. Я все утро провел у фарфорового алтаря, поклоняясь мстительному богу, и только потом вырубился снова.

Позже я пошел к Грейс и обнаружил дверь приоткрытой.

— Ты в норме? — спросил я.

— Ага, заходи, — ответила она.

Я обнаружил ее лежащей на полу, лицом уткнувшейся в кишачий бактериями ковер. Ее бледная кожа была с зеленоватым оттенком.

Проскользнув через дверной проем, я вытер тошноту и облокотился на стол.

— Ты уверена, что в норме?

— А-а-й, — произнесла она голосом инопланетянина. Она вытянула указательный палец и сказала: — Элиот звонить дом11.

Слабо посмеиваясь, я приложил ладонь ко лбу и выдавил:

— Черт, перестань смешить меня, голова раскалывается. — Я пересек комнату и присел на край кровати, опустив голову. — Мы так напились вчера.

— Мы, мать твою, поженились, Мэтт. — Для внушительности она широко открыла налитые кровью глаза.

— Я знаю. — Хотя, отчасти сомневался до этих самых пор.

Я посмотрелся в зеркало, висевшее на противоположной стороне комнаты. Волосы торчали во всех направлениях, а на футболке было загадочное пятно от краски.

— Твою. Дивизию, — выпалила она.

— Что?

— Что мы будем делать? Это все было официально?

Я указал на ее палец, на который надел кольцо, сделанное из упаковки из-под жвачки, и поднял свой палец, чтобы показать точно такое же.

— Сама понимаешь...

— Стой. Надевая кольцо мне на палец, ты сказал «Нану-нано»?12— спросила она. Я виновато улыбнулся и пожал плечами. — Боже мой, поверить не могу, что ты сделал это на спор, Мэтт! Да что с тобой?

— Стой, что? Откуда ты знаешь?

— Тати приходила этим утром и, катаясь по полу, хохотала до слез, пока я опустошала свой желудок. Она сказала, что блефовала, и не могла поверить, что ты пошел на такое. И все это я услышала от нее, спасибо тебе большое.

— Вот сучка, — прошептал я. — Она все равно должна нам ночь кутежа.

— Ты придурок.

— Подожди-ка секундочку. Ты была там, стояла рядом со мной и с Гэри Баси в роли нашего свидетеля, и сказала: «Согласна». Я тебя ни к чему не принуждал.

Она села и схватилась за голову.

— Я была пьяная в нулину, Мэтт.

— Грейс, постой, давай успокоимся и полежим на твоей кровати.

— Нет. Ни за что. Нам нужно узнать, как аннулировать брак. Сегодня же.

— Мы можем аннулировать его и завтра. Только давай сходим в душ, потом поспим, хорошо? — Она сидела и терла лоб. — Или, как вариант... может, нам не нужно ничего аннулировать?

Она взглянула на меня шокированная.

— Чего? Ты совсем рехнулся?

Тон ее голоса как ножом резанул меня по сердцу. Она не задумалась ни на секунду. Безусловно, это был не лучший способ пожениться, но она вела себя так, словно отвергала саму мысль о том, чтобы выйти за меня.

— Ты хочешь от меня большего, Грейс, а потом ведешь себя вот так? Как будто нет ничего хуже, чем выйти за меня. Почему бы тебе тогда не отправиться в Европу с Порнделом? Какая разница? Мы же так молоды и должны делать то, что нам хочется. Не так ли ты всегда говорила?

— Знаешь что? Мне и правда следует сделать все, что я хочу. Тати права. Может, я отказываюсь от великолепной возможности только ради того, чтобы остаться здесь и дожидаться тебя. Может, мне все-таки стоит улететь с Порнделом.

Как только слова слетели с ее губ, мы оба ощутили напряжение между нами. Я ждал, когда она повернется ко мне, чтобы извиниться, чтобы забрать слова назад. Но она только отвернулась. Даже не посмотрела на меня.

— Оставь меня. Сейчас я не могу с тобой говорить.

Я встал с кровати сильно разозленный.

— Не переживай. Тебе больше вообще не придется со мной разговаривать.

Я вылетел из ее комнаты и захлопнул за собой дверь. Я еще не понял, что произошло, но возникло ощущение, словно за какую-то минуту вся моя гребаная жизнь ушла под откос.

Я ждал весь день, надеясь, что она придет ко мне и извинится.

Не пришла.

Я прождал еще один день, противясь желанию извиниться самому.

На третий день я подсунул Грейс под дверь бумаги об аннулировании брака, рассчитывая вывести ее на разговор. Той ночью я слышал ее рыдания за стеной, а затем она на виолончели три часа кряду играла сюиту Баха. Я заснул, прижавшись ухом к стене.

Все та же тишина. Ни единого взаимодействия.

Дни превратились в неделю. Неделя в месяц. Мы не общались. Я даже не видел ее. И чувствовал себя дерьмово. Когда я слышал, как ее дверь открывалась или закрывалась, тоборолся с собой из последних сил, только чтобы не выбежать и не схватить ее, заорав: «Какого хера мы делаем друг с другом?».

Мы принадлежим друг другу

ГРЕЙС

Мы не общались вот уже несколько недель, и все эти дни на меня давила жестокая реальность — время уходит. Мэтт улетает в Южную Америку через шесть дней.

С тех пор как мы поссорились, я сильно похудела, постоянно чувствовала слабость и недомогание. Было невозможно сконцентрироваться хоть на чем-то, не говоря уж о социальной жизни.

Тати искренне извинилась, признав, что была частично ответственна за то, что произошло тем днем, когда все между мной и Мэттом подошло к концу.

— Это, наверное, к лучшему. Ты же не хочешь повторить путь Джеки Рид?

Мы с Джеки Рид ходили вместе в старшую школу, и я рассказывала ее историю друзьям как поучительную. Во время обеда Джеки Рид хвасталась своим парнем, учившимся где-то в Неваде. Долгое время в школе никто из девочек даже не верил, что этот парень существовал. Джеки всегда обыгрывала все так, будто они были очень продвинутыми, ведь их отношения развивались на расстоянии — будто так она ему нравилась даже больше. Вообще, она называла их отношения ОНР. Я же говорила ей, что нельзя все сокращать до аббревиатуры, потому что люди могут не понимать, что ты вообще имеешь в виду. Когда мы закончили школу, она поступила в паршивый двухгодичный колледж в Неваде, чтобы быть ближе к своему парню, хотя ее приняли в Йельский университет. Он бросил ее через два месяца. Теперь она жила дома и работала в сети ресторанов быстрого питания «Милки Куин». Мы все думали, что она полная кретинка.

Бедная глупая девчонка, похоже, просто влюбилась.

Дело было не в Тати и не в истории Джеки Рид. Мы с Мэттом разошлись, потому что чувствовали давление. То, что он подсунул мне документы об аннулировании брака, послужило доказательством того, что он не был настолько готов, как говорил. Вероятно, он осознал то же, что поняла и я: мы шли разными дорогами.

Выпускной год подходил к концу, потому я много времени проводила в своей комнате, заполняя бланки для стипендий и прячась от всех и вся. Однажды Мэтт сделал попытку остановить меня в коридоре, но я проигнорировала его. Позже я пожалела об этом, когда увидела, что он оставил мне у двери сэндвич. Я рыдала все время, пока ела его.

На моем столе лежала грудa писем, на которую я на протяжении недели успешно не обращала внимания, потому что догадывалась о содержании одного конкретного послания. Письмо было в самом обычном конверте, адресованном мне от мамы. Белом стандартном конверте, не предвещавшем ничего хорошего. Я взяла его и стала сверлить взглядом. На стороне с обратным адресом буквы были размыты, будто кто-то сбрызнул их водой. После прочтения я поняла, что то, должно быть, были ее слезы.

Наконец, одним утром я решила открыть его.

Дорогая Грейсленд,

Мне так жаль, что я не могу сказать тебе это лично, но на банковском счету недостаточно денег, чтобы оплатить тебе перелет домой. Твоему брату был нужен новый рюкзак, а мы ведь еще даже не купили твоей сестре новую школьную форму на этот год. Все разваливается. Как я могу тебе такое говорить? Я больше не могу выносить алкоголизм твоего отца. Мы разводимся, он будет жить с твоим дядей. Я с твоими братом и сестрами переезжаем к бабушке, пока не встанем на ноги.

Я знаю, что твой отец любит тебя, и мы гордимся тобой. Мы не хотим, чтобы ты что-то взваливала на себя. Просто сейчас мы не в силах помочь, и не думаю, что мы можем позволить себе прилететь к тебе на выпускной. Прошу, пойми. Ты всегда была такой независимой, и мы не думали, что ты вообще захочешь нас там видеть. Ты всегда сама могла сводить концы с концами, Грейс, и мы за это гордимся тобой. Мы тебя любим. Когда сможешь себе позволить, приезжай домой навестить нас, мы постелем тебе у бабушки на диване.

Должна сказать тебе, что, чтобы вылечить зуб твоей сестры, нам пришлось продать пианино и еще несколько твоих вещей, которые, думаю, тебе и не очень-то были нужны. Мы любим тебя. Продолжай делать свое дело.

С любовью, мама.

Сказать, что у меня случилась истерика, это ничего не сказать. Я не могла остановить слезы. Я думала: «Как они могли?». Как они могли оставить меня из-за своих собственных ошибок? У меня не было ни машины, ни денег, чтобы где-то жить, а мама использовала зуб моей сестры как очередную причину, чтобы я выслала ей половину своего студенческого займа. Куда же ушли эти деньги? Все это было слишком угнетающе.

Второй конверт пришел из офиса «Студенческой финансовой службы»: это было напоминание о все еще висящем на мне долге в размере восьми сотен за жилье. Рыдая в углу комнаты, я лихорадочно размышляла о возможностях. Я могла бы выступить с виолончелью, но за это платят жалкие крохи.

Я шмыгала, обняв подтянутые к подбородку коленки и зажав между ними голову. Можно продать виолончель. Отправиться домой, жить у бабушки на диване и работать в ресторане «Милки Куин». Я могу просто сдатьсь.

Тогда я услышала бормотание Мэтта.

— Малышка? — Он открыл дверь. Я не слышала этот голос вот уже три недели.

— Я в порядке, Мэтт.

Он подошел ко мне.

— Что случилось?

Не глядя на него, я протянула ему два пропитанных слезами письма. Он тихо прочел их, после чего примостился рядом со мной.

— Я могу помочь тебе.

— Нет.

Большим пальцем он провел по моей щеке, вытирая дорожки слез.

— У меня есть деньги.

— Нет, Мэтт. Тебе придется просить отца, а я не хочу, чтобы он снова выручал меня.

— Это не отцовские деньги. Я продал фото. Я хотел тебе рассказать, но ты, твою мать, не говорила со мной.

— Я думала, мы расстались. — Я поднялась, подошла к столу, взяла бумаги, подтверждающие аннулирование нашего брака, и передала их ему. — И ты развелся со мной.

Мэтт тут же сделал из листа бумажный самолет и запустил его в открытое окно общежития.

— Настоящим нарекаю тебя моей бывшей женой. И что? Кому какая разница? Это не имеет значения.

Я уставилась на него.

— Все не так просто, да? — спросил он.

— Мне нужно время.

— У нас его не так много.

Я уселась на подоконник и посмотрела на одинокое раскачивавшееся дерево, росшее во

внутреннем дворе.

— В этом и проблема. Время. — Я повернулась к нему. — Какое фото ты продал?

— На котором сфотографирована ты. В нашу первую встречу. Где ты поднимаешь пуговицу с пола. Мистер Нельсон выбрал его для университетской галереи, и оно было продано в первый же день. Я в шутку написал на ценнике сумму в тысячу долларов, думая, что никто его не купит. Эти деньги как мои, так и твои. Я хочу, чтобы ты их взяла. — В его взгляде была искренность и теплота. Мы общались, и это было хорошо.

— Они не мои.

— Ну, на правах моей бывшей жены... — Он начал смеяться. — Мы могли быть женаты, когда фото было продано. Как знать?

Я не справилась с собой и тоже рассмеялась.

— Мы были женаты всего пару дней. Да и в любом случае, сумма должна была бы делиться пополам.

— Ладно, давай так. Я заберу пять сотен, а потом отдам их тебе в качестве платы за работу моделью.

— Как бы я хотела просто посмеяться, но слишком зла на родителей. Поверить не могу, что они решили, будто я не захочу видеть их на выпускном, — выговорила я.

— Это их способ притупить свое чувство вины.

— Они доведут меня до гребаной психушки.

— Нет. — Внезапно он стал серьезным. — Не доведут. Как только ты перестанешь так думать и увидишь, насколько ты потрясающая, чувство обиды на них сменится на благодарность. Будет похоже на что-то типа: «Как же я рада, что родители не заботились обо мне, ведь это сделало меня мега-охеренной».

Проникаясь его словами, я несколько мгновений сидела, не проронив ни слова. Я знала, что он имел в виду.

— Да, наверное. Однажды я подумаю: «Спасибо, мама и папа. Вы скоты».

— Именно! — подтвердил Мэтт победно.

— Спасибо, Мэтт.

— Всегда рад, — ответил он, поднимаясь на ноги и направляясь к двери. — Эй, подождешь тут не долго? Мне нужно сбежать кое за чем.

— Ладно.

Он вернулся довольно быстро и принес с собой пончики, апельсиновый сок, маленький репетиционный усилитель и электрогитару, принадлежавшую, похоже, Брэндону. Я лежала на кровати, так что просто перекатилась на бок и подперла голову рукой. Я наблюдала, как Мэтт сновал по моей комнате туда-сюда. Он положил три обрызганных радужной глазурью пончика на тарелку и протянул мне вместе с маленькой бутылкой апельсинового сока. Он не сказал ни слова, просто улыбнулся. Было довольно рано, но в моей комнате уже стало достаточно жарко и душно.

Он снял обувь, через голову стянул футболку со Smiths и бросил ее мне.

— Можешь надеть ее, если хочешь.

— Мэтт...

— Что такого, тебе же нравится носить мои футболки.

Это было правдой. Я разделась до лифчика и трусов и облачилась в футболку Мэтта. От его запаха мне стало уютно, и я ощутила покалывание.

— Видишь? Так лучше, — сказал он. Я кивнула.

На нем были только черные джинсы, ремень, сделанный моими руками, и цепь, которая крепилась к бумажнику и шлёвке.

Присев рядом с усилителем, он подключил его в розетку и посмотрел на меня. У меня на глаза наворачивались слезы.

— Ты в порядке?

Я кивнула. Я плакала не из-за письма, или денег, или фотографии; я плакала, потому что мысль о том, что Мэтт уезжает, хоть и на несколько месяцев, убивала меня. Он улетит через неделю. Он будет на другом конце мира, а я буду оставлена позади, рыдающая из-за того, что слишком молода, чтобы бросить все ради него, или чтобы попросить его бросить все ради меня. Я плакала из-за того, что не встретила его позже, когда женитьба имела бы смысл, и никто из нас не запаниковал бы при мысли о ней.

Мое лицо пульсировало и отекло из-за рыданий, пока я наблюдала за сидевшим на табурете Мэттом, подключавшим провода к своему «Телекастеру». Он провел по струнам всего раз и посмотрел на меня в поисках одобрения. Было негромко: это был идеальный, чистый звук. Я никогда не видела, чтобы он играл на музыкальном инструменте или чтобы проявлял к ним хоть какой-то интерес, но кое-что стало для меня предельно ясно. Он практиковался... ради меня.

— Прежде чем я начну, я хочу, чтобы ты знала — я прошу прощения.

— И я прошу прощения, — ответила я без промедления.

— Мы можем вернуться к тому, что сейчас было?

— Но как же...

— Грейс, мы можем насладиться тем временем, что у нас осталось?

— Да. — И я ударилась в слезы.

Он взял только одну ноту, а я уже знала, что он играл «Hallelujah». Я разрыдалась еще сильнее.

Он пел мягко и безупречно. Я была очарована им: таким молодым и красивым, сидящим без рубашки и обуви, и сосредоточенным на песне. Когда он закончил, то в последний раз провел пальцами по струнам и поднял глаза на меня. Я больше напоминала сопливый клубок. Его улыбка была жалостливой, грустной; так улыбались только тогда, когда словами ничего не исправить. Он уезжал. И я не могла его остановить.

Дрожащим голосом я сказала ему, как потрясающе он играл, и спросила, как он выучил песню. Он рассказал, что Бэендон иногда проводил время в «ФотоХат», и потому Мэтт попросил его о помощи. Он тренировался снова и снова с самого концерта Джеффа Бакли, чтобы я наконец услышала эту песню вживую.

Мы были влюблены

ГРЕЙС

Последние недели семестра пролетали мимо, а с ними нарастало давление со стороны Тати и Дэна: они настаивали, чтобы я присоединилась к оркестру. Я неизменно отвечала отказом.

Их первая остановка должна была быть во Франции в начале августа, так что часть лета Тати будет со мной. Мэтт отбывал в начале июня, сразу после выпускного.

В один из дней, когда мы поедали сэндвичи у фонтана в Вашингтон-Сквер-парке, Тати сказала:

— Если Мэтт останется в Южной Америке дольше, чем на лето, ты должна присоединиться к туру.

— Для начала, он не задержится там дольше, чем на три месяца. Во-вторых, я собираюсь учиться в аспирантуре, и именно по этой причине не присоединюсь к туру. И ты это знаешь.

— Как ты будешь оплачивать ее?

— Я останусь в общежитии на лето по низкой цене, а тем временем буду зарабатывать выступлениями.

— Дэн сказал, что мы будем прилично зарабатывать. Ты сможешь поднакопить и потом поступить в аспирантуру.

— Нет, не смогу. Я не могу просто так уехать и колесить с вами по Европе полтора года. Почему вы все время возвращаетесь к этой теме?

— Успокойся, Грейс. Блин, когда разговор касается тура, ты всегда перегибаешь палку. Можешь испортить себе жизнь из-за парня, все, что душе угодно, — пробормотала она.

Я больше не могла это выносить. Потому встала и ушла.

Она побежала за мной, так что я решила поделиться с ней своими мыслями.

— Думаешь, я перегибаю палку? Из-за того, что не хочу сбежать и присоединиться к цирку Дэна? Тебе напомнить, что раньше именно ты не могла его терпеть? И с каких пор ты зовешь его Дэном?

— Мне жаль, что Мэтт улетает, и ты становишься из-за этого несчастной.

— Все совсем не так. — Хотя, на самом деле все так.

— Дэн правда заботится о тебе. Обо всех нас. Он купил ту фотографию Мэтта, потому что знал, что вам нужны деньги.

— Что? — Я ошеломленно уставилась на нее, мои эмоции вышли из-под контроля. — Почему ты хочешь причинить мне боль, зная, как я страдаю?

— Я и не хочу. Просто хочу, чтобы ты поступала так, как правильно для тебя, а не для вас с Мэттом. Похоже, он делает то, что правильно для него.

Мы стояли у входа в метро.

— Мне нужно идти, Тати. — Я сбежала по лестнице, села в первый же прибывший поезд и каталась несколько часов, разбираясь в своих мыслях.

После обеда я сидела у закрытого магазина Орвина, желая поговорить с ним, и тут подошел Дэн.

— Грейс, магазин Орвина закрыт по воскресеньям, — сказал он.

— Ага, я так и поняла.

Он смотрел на меня, не отводя глаз, и по-доброму улыбался.

— Могу я присесть?

— Конечно.

— Ты о чем-то хочешь поговорить?

— Нет.

— Ты репетируешь?

— Само собой. — Последнее, что мне нужно, это Дэн в образе профессора. Я отвернулась и бросила на него многозначительный взгляд. — Почему ты купил то фото?

Он не колебался ни секунды.

— Потому что оно мне понравилось.

— Должно быть, это самая дорогостоящая студенческая работа. Вообще. За всю историю продаж предметов искусства, созданных студентами.

— Ну правда, Грейс, ты же знаешь, что я очень честный. Это прекрасная фотография, и,

думаю, работа Мэтта когда-то будет чего-то стоить.

— То есть ты не покупал ее потому, что знал о том, что нам были нужны деньги?

— Верно. — Маленькая невинная ложь. — Ты скажешь мне, что тебя так тревожит?

Я покачала головой и посмотрела на его колени, где лежали сложенные листы бумаги.

— Это новая композиция?

— Вообще-то, нет, это документы на смену фамилии. Веришь или нет, я мог мириться с ней как профессор, но как композитору и дирижеру мне нужно что-то новое.

— Так ты меняешь имя? Вот так просто?

— Да, я даже поделился мыслью с отцом, думая, что он обидится, но он сказал, что рад тому, что эта фамилия закончит свое существование на нем. Я внес небольшие изменения: вместо Порндела — Портер.

— Дэниел Портер. Хорошо звучит.

— Ну, спасибо, Грейсленд.

Мое лицо обдало горячим воздухом, исходившим от проезжавшего мимо автобуса. Я ощутила рвотный позыв и закрыла глаза.

— Ты в порядке, Грейс?

— Кажется, меня сейчас стошнит. — И затем в ближайший мусорный бак меня вырвало копченой говядиной на ржаном хлебе, которую мы с Тати ели в парке.

Дэн гладил меня по спине и повторял подбадривания.

— Пускай все выйдет... вот так.

Я выпрямилась.

— Господи, это было противно. — Я вытерла рот. — Лучше я пойду домой. Чувствую себя паршиво.

— Все будет хорошо, Грейс. Через что бы ты ни проходила, ты со всем справишься, — кричал он мне, пока я шла к общежитию.

— Спасибо, профессор. — Я помахала рукой на прощание.

— Я Дэн!

Пока дни проносились один за другим, я пыталась запомнить каждое мгновение, проведенное с Мэттом. Когда я была не с ним, то мечтала об этом. В один из дней после занятий он принес ко мне в комнату бойцовую рыбку.

— Я купил ее, чтобы она составляла тебе компанию, пока меня не будет. Ее зовут Джефф Бакли.

Я захохотала, подошла к нему и поцеловала.

— Спасибо тебе, какой же ты милый. — Но, по правде говоря, я хотела, чтобы компанию мне составлял только Мэтт.

Выпускной день я провела с Мэттом, его отцом и его мачехой. После церемонии мы отправились на ужин, а потом в общежитие, в комнату Мэтта, где и провели оставшиеся несколько дней. Он не выпускал меня из поля зрения.

Четвертого июня, за день до отлета Мэтта, пока он делал различные прививки ради путешествия, я села в любимом кафе в Ист-Виллидж, чтобы выпить кофе. Я сидела у бара и смотрела в окно, когда услышала, как дочь владельца кафе, работавшая здесь официанткой, пробормотала что-то о «кошмарной трагедии». Она плакала в объятиях отца. Женщина постарше, по виду похожая на хиппи, подошла ближе и протерла деревянную поверхность барной стойки.

— Вы слышали?

Я отрицательно покачала головой.

— Они нашли его тело.

У меня не было ни единой мысли, о чем она говорит. Она тяжело вдохнула.

— Бедный парень, постоянно останавливался здесь.

— Кто?

— Бакли.

Я приложила руку к сердцу.

— Джефф Бакли?

— Тот самый. Симпатичный парень. Такой талантливый, а ушел так рано.

Когда она угрюмо качала головой, было видно, как собрались морщинки в уголках ее закрытых глаз.

— Что случилось? — едва смогла я выдавить из себя слова.

Она перестала убирать стол и, оцепенев, устремила взгляд в окно. Ее голос был низким и дрожащим, словно она вот-вот разрыдается.

— Утонул в Миссисипи в своих чертовых ботинках. Он числился пропавшим, и только что на берегу нашли его тело. Я уже привыкла, что он все время сюда заходит.

Я начала всхлипывать, чувствуя невероятную тоску по тому, кого даже не знала, но с кем чувствовала непрерывную связь. Впервые меня посетили мысли о мимолетности жизни. Такая вот она? Я пустилась в раздумья. Ты можешь часами заниматься ничего не значащими, бессмысленными пустяками, потом умереть, нырнув в реку, твое тело всплывет у берега, как какой-то мусор, и все для того, чтобы быть закопанным и позабытым?

Когда вы впервые сталкиваетесь со смертью кого-то молодого, пышущего жизнью — того, на кого смотрели с восторгом, с кем чувствовали близость, — вы ощущаете удар в спину, теряете почву под ногами. Вы задумываетесь: «Ох, твою мать, мы все умрем, и никто не знает когда, никто не знает как». И в это мгновение вы осознаете, что не властны над собственной судьбой. С момента рождения вы лишены контроля: вы не можете выбирать родителей и не можете выбирать свою смерть, если вы, конечно, не самоубийца. Единственное, что вы можете — это выбирать, кого любить, творить добро по отношению к другим и делать наше краткое пребывание на этой земле настолько приятным, насколько это возможно.

Я ушла из кафе, не видя дороги из-за пелены слез, мне было слишком плохо, чтобы допивать свой кофе. Официантка не позволила мне расплатиться — она не думала, что эта новость ранит меня настолько сильно.

— За мой счет, дорогая.

Я кивнула в знак благодарности и побежала обратно к общежитию. Увидев Мэтта перед зданием, я с разбега ударила его в грудь, прижалась к нему и совсем расклеилась.

— Грейс, что такое?

Я вытерла слезы и сопли его рубашкой, и между всхлипами вывалила сокрушающую новость.

— Джефф... Бакли... мертв.

— Ох, малыш, ничего страшного. — Он гладил меня по спине и раскачивался со мной. — Тихо, не переживай, мы купим тебе другую рыбку.

Я отстранилась от него и посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Настоящий Джефф Бакли.

Его лицо тут же приобрело пепельный оттенок.

— Вот черт. Как?

— Утонул несколько дней назад. Они обнаружили его тело только сегодня.

— Это ужасно. — Мэтт прижал меня к своей груди так сильно, что я слышала его учащенное сердцебиение.

— Я знаю, я не могу в это поверить, — бормотала я сквозь слезы.

Но правда заключалась в том, что по Джеффу Бакли я горевала куда меньше, чем по Мэтту и себе. По нам. По тому, как мало времени у нас осталось.

Если я попрошу, ты останешься?

Каким-то образом Мэтт прочитал мои мысли. Он наклонился, поцеловал меня в щеку, потом в лоб, в подбородок, а затем и в губы.

— Я буду скучать по тебе.

— Я тоже буду по тебе скучать, — сказала я, рыдая.

— Грейс, сделаешь кое-что со мной?

— Что угодно.

Попроси меня полететь с тобой. Скажи мне, что ты останешься. Скажи, что женишься на мне. На этот раз по-настоящему.

— Идем, сделаем татуировки.

— Давай, — ответила я, слегка удивившись. Немного не то, чего я ждала, но я была готова сделать все, о чем он попросит.

Мы оба решили набить по два слова, написанные тонким шрифтом. Мои были на верхних позвонках, у основания шеи, а у Мэтта татуировка была на груди, в районе сердца. Мы выбирали слова друг для друга, выписывая их на клочках бумаги, которые отдавали тату-мастеру. Нам не были известны слова до тех пор, пока те не были выбиты на нашей коже. Это была наша версия клятвы на крови.

Пока нам набивали татуировки, мы переглядывались и улыбались друг другу. Мне было интересно, о чем он думал. Его слов о том, что он заботится обо мне, было недостаточно. Учитывая, что он улетал на следующий день, его слов никогда не будет достаточно.

Моя татуировка была закончена первой, и я направилась к зеркалу, чтобы увидеть, что выбрал Мэтт. Слова были маленькими, они выглядели мило и по-женски, и я любила их еще до того, как прочитала. Я пригляделась и увидела их: «Зеленоглазая голубка».

— Она идеальная! — завизжала я. Мэтт смотрел на меня и счастливо улыбался, пытаясь не глядеть на свою татуировку.

Когда и его тату была набита, он взял зеркальце и стал в него рассматривать надпись с любопытством.

— «Лишь пепел». Это Леонард Коэн?

— Ага. Ты его знаешь?

— Как звучит полная цитата?

Я сглотнула, пытаясь не расплакаться, но тело меня предавало. Тату-мастер отошел от нас, оставив наедине. Мэтт встал со стула и нежно меня обнял, прижимая к той частисвоей груди, на которой не была заклеена татуировка.

— Поэзия — всего лишь свидетельство жизни. Если жизнь пылает ярко, то поэзия — лишь ее пепел.

Он зарылся лицом в мои волосы.

— Моя жизнь пылает ярко.

Да, но надолго ли?

Несмотря на то, что тату еще заживала, за ночь я ее поцеловала, должно быть, раз сто. Он в ответ целовал меня в шею и рассказывал, как сильно будет скучать по его зеленоглазой голубке, а я назвала его размазней, после чего мы рассмеялись, а еще чуть позже я заплакала.

Следующим утром Тати одолжила у отца «крайслер», чтобы отвезти Мэтта в аэропорт. Мэтт же тем временем упаковывал те вещи, что не брал с собой, чтобы отослать их обратно в Лос-Анджелес.

— Почему ты отсылаешь вещи обратно? Ты можешь оставить их в моей комнате. — Я лежала на животе на его кровати и наблюдала за его торопливыми сборами.

— Я не хочу, чтобы тебе приходилось разбираться с чем-либо, касающимся меня.

— А я хочу разбираться с тем, что касается тебя.

Он остановился и посмотрел на меня.

— Так будет лучше.

— Но ты же вернешься?

— Конечно, но надеюсь, что у меня будет работа, чтобы я смог жить в настоящей

квартире. Я не вернусь в Нью-Йорк, чтобы жить в общежитии для старшекурсников.

— Оно для тех, кто на старших курсах. Я буду в другом общежитии, когда ты вернешься,
— пробормотала я в подушку.

— Вот тебе еще одна причина. Не хочу, чтобы ты таскала мои пожитки, если просто могу их отправить в Лос-Анджелес и забрать оттуда, когда понадобится. — Мэтт был расстроен.

— Ты улетаешь всего на несколько месяцев, Мэтт. Слишком много мороки.

— Ты права, но кто знает.

Это было неподходящее время для фразы: «Кто знает».

— Иди сюда, — сказала я.

Я перекатилась на спину и раскрыла руки для объятий. На мне было его любимое платье. Он оглянулся через плечо и его взгляд смягчился. Крадясь, он улыбался мне своей самой милой и сексуальной улыбкой. Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня, я остановила его прежде, чем он коснулся моих губ, и прошептала:

— Ты останешься, если я попрошу?

Он резко отстранился и скрестил руки на груди, наклоняя голову.

— А ты попросишь? — Разочарование читалось в каждой черточке его лица.

Лежа под ним, я чувствовала себя ранимой как никогда. Мне хотелось попросить его остаться, но как я могла быть такой эгоистичной? Если я попрошу, то будет ли он меня любить меньше? Если вообще будет. Я не могла отнять его мечту в угоду своей. Не посмела бы. Я бы не стала уничтожать то, что он создал.

— Ответь мне. Ты, блядь, собираешься попросить меня отказаться от этого?

Я этого не хотела, но мне нужно было знать, смог бы он все бросить или нет?

— А ты останешься, если я попрошу?

Он сжал челюсти. Его дыхание было тяжелым. Сквозь стиснутые зубы он процедил:

— Останусь, но возненавижу тебя за это. Так что, давай, проси. Вперед. — Казалось, что он издевался надо мной. Я расплакалась. — Давай, попроси меня, блядь, остаться и работать в «ФотоХат», пока ты будешь в аспирантуре. Дерзай.

Я покачала головой, но не смогла выдавить и слова.

Он нагнулся и ладонями жестко обхватил мое лицо, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

— Твою мать, Грейс, это не прощание. Это «До встречи». Скажи мне, что сможешь справиться, прошу тебя. Скажи, что ты выдержишь.

Я дышала слишком часто. Мэтт был зол, но в его лице читалась не только свирепость, но и нескрываемая любовь.

— Мы не давали друг другу обещаний, — прошептала я. — Прости, что подняла эту тему. Мы просто посмотрим, что из этого выйдет, ладно? Это всего лишь «До встречи».

Он кивнул.

— Именно так.

Ты сказал мне, что я твоя, а ты мой.

Шмыгая, я попросила:

— Люби меня.

И он любил, нежно и бережно, и настолько эмоционально, что после, когда он меня обнимал, я обливалась слезами, ведь насколько бы долгими эти объятия ни были, этого было недостаточно.

Несколько часов спустя мы поехали в аэропорт «Кеннеди». Пока я провожала Мэтта к выходу на посадку, Тати ждала в машине.

— Попытаюсь позвонить тебе так скоро, как получится.

— Хорошо. Где ты будешь?

— Сначала в Северной Баливии. — Он скинул походную сумку с плеча и поставил ее на пол, не отводя взгляда от своей обуви. — Грейс, я не знаю, насколько далеко буду. Ты можешь не слышать от меня ничего достаточно подолгу, но я буду тебе писать, и мы разберемся, как перезваниваться. — Он прищурился, словно мы запоминали лица друг друга. — Грейс, это Порндел купил фото.

— Я знаю. — Я моргнула. — Ты молчал, чтобы сказать мне об этом сейчас?

— Просто подумал, что тебе стоит знать. Он хороший парень.

— Как это мило с твоей стороны. И как мило с его, — ответила я саркастично.

— Мне не хотелось, чтобы ты выяснила, что я знал и не рассказал тебе.

— Ладненько. — Я поняла. Мэтт пытался не оставлять незавершенных дел.

Сотрудник аэропорта в микрофон объявил об окончании посадки.

— Пора. — Он распахнул руки для объятий, и я бросилась к нему с такой силой, словно пыталась запрыгнуть в него самого, чтобы он мог забрать меня с собой, спрятав в укромном уголке своего сердца. Он долго меня сжимал, не ослабляя хватки. — Увидимся, Грейс.

Мы отпустили друг друга и разошлись.

— Увидимся позже, Мэтт.

Он улыбнулся и ушел. Перед тем, как пройти на самолет, он развернулся, вытащил что-то из кармана и поднял это в воздух.

— Я стащил это, просто, чтобы ты была в курсе!

Это была кассета с записью моей игры на виолончели. Мэтт рассмеялся и ушел.

Любовь всей моей жизни улетела.

Что с нами стало?

ГРЕЙС

На следующий день после отлета Мэтта я прослушивалась в гранж-группу на место виолончелиста в маленькой кафешке в Ист-Виллидж. Их музыка была похожа на то, что играла Nirvana: навязчивый ритм и громкие припевы с кричащими партиями. Я представляла, что мы попадем в шоу «Отключенный»¹³ на «VH1»¹⁴, и что у меня закрутится ошеломительная карьера рок-виолончелистки, которую будут приглашать в наикрутейшие группы Нью-Йорка. Казалось, я наконец следовала за своей мечтой.

Я занималась, достойно играла, много репетировала и в конце недели откладывала деньги. За три ночи я заработала сто двадцать долларов. Перспективы были многообещающими, и мне хотелось поделиться новостями с Мэттом.

Через полторы недели после отлета Мэтт позвонил мне в первый раз. Я репетировала в комнате, когда Дарья постучалась в дверь и закричала: «Грейс! Мэтт ждет тебя на телефоне в комнате отдыха».

Я сбежала вниз по лестнице, в чем была: в футболке Мэтта и в поношенном белье. Мне было все равно, я была слишком взбудоражена.

— Привет! — выпалила я, задыхаясь.

— Твою мать, этот звонок мне обойдется в семьдесят баксов.

Из-за его приветствия мое возбуждение поумерилось.

— Ох, мне жаль.

— Ничего. О боже, мне столько нужно тебе рассказать.

— Так рассказывай.

— В сентябре «Нэшнл Джоигрэфик» открывают свой телеканал! Будет масса новых вакансий, и я уже впечатлил Элизабет.

— Кто такая Элизабет?

— Главный фотограф на проекте. Она невероятно классная и лично выбрала меня в интернатуру после того, как увидела мое портфолио. Я даже не знал об этом.

Мне хотелось спросить о возрасте этой Элизабет, и привлекательная ли она.

— Я так рада за тебя, Мэтт.

— Скоро буду! — завопил он кому-то на заднем плане. — Эй, Грейс, чтобы добраться до этого телефона, мне пришлось три часа ехать на автобусе. Здесь ни черта нет, так что я не знаю, когда смогу позвонить тебе снова.

— Ладно, не беспокойся.

— Мне пора. Скоро отъезжает следующий автобус, и они держат его ради меня. Эй, я скучаю по тебе. — Последние слова прозвучали как бы «между прочим», из-за чего у меня скрутило внутренности.

— И я по тебе скучаю. Счастливо.

— Прощай. — Он повесил трубку.

Это не прощание. Не прощание. Никогда не говори: «Прощай».

Уставившись на свои голые ноги, я задумалась о том, что он не спросил, как у меня дела. У меня даже не было возможности сказать ему о выступлениях.

Рядом стояла Тати, она прислонилась к дверному косяку, скрестив руки на груди.

— Где твои штаны?

— Это был Мэтт.

— Я догадалась. Ты сегодня оденешься? Я пришла забрать тебя на обед. Можешь все рассказать мне позже.

— Ага.

— Идем, — она кивнула на дверь.

— Ладно, — ответила я. — Сэндвичи?

— Все лучше, чем рамэн.

Мы с Тати вот уже месяц встречались по средам, чтобы пообедать. Где-то в начале июля она у меня спрашивала, говорила ли я с Мэттом, и я ответила отрицательно.

— То есть он не звонил?

— Я могла пропустить звонок. Не знаю, он же черт знает где. Такое сложно просчитать. Уверена, с ним все в порядке.

Тем же днем, добравшись до общежития, я заметила, что одна из наставниц приклеила к моей двери конверт, к которому была прикреплена записка с надписью: «Так держать, Мэтт!». Я рассказала ей о его стажировке, потому что она сама училась фотографии в школе искусств «Тиш», вдобавок ко всему я перебрасывалась с ней парой слов, чтобы узнать, не звонил ли Мэтт.

Я открыла конверт и обнаружила журнальную статью с фотографией. На развороте был Мэтт, снимавший женщину, фотографировавшую свое отражение в зеркале. Заголовок звучал так: «Красота по другую сторону объектива».

Тяжело глотая, я подавляла рвотный позыв, пока читала о молодой и прекрасной Элизабет Хант, заработавшей себе имя в «Нэшнл Джиографик». В конце я прочитала три предложения, изменившие курс моей жизни навсегда.

Хант подмечала, что ее сотрудничество с многообещающим молодым талантом Маттиасом Шором, недавно выпустившимся из Нью-Йоркской школы искусств «Тиш», будет крайнеплодотворным. Их следующий договор уже включал в себя шестимесячную экспедицию на побережье Австралии, где они собирались изучать Большой Барьерный риф и переменившееся охотничье поведение больших белых акул. «Мы с Мэттом невероятно рады такой возможности и с нетерпением ждем, когда наше партнерство перейдет на следующий уровень», — говорила Хант.

Мы были так молоды, а жизнь уже не скупилась на крутые повороты. Но должна ли я была безропотно принимать только что прочтенное, не поборившись за свое счастье?

Да ни за что.

В то же мгновение я позвонила Алете.

— Здравствуйте, Алета, это Грейс.

— Так рада тебя слышать, дорогая. Как ты? Все хорошо?

— Нормально, — ответила я излишне эмоционально. — Я хотела узнать, слышно ли что-то от Мэтта?

— О да, милая, я говорила с ним только вчера.

Я была опустошена. Почему он не позвонил мне? Я практически спала у телефона в комнате отдыха.

— Говорили? Что он сказал?

— Ох, мы все так гордимся Мэттом. Он заработал себе имя за такой короткий срок.

— Ага, я наслышана, — ответила я немного холодно.

— Ничто не может затормозить карьерный рост Мэтта, и его отец так гордится им. А ты знаешь, что это значит для Мэтта.

— О, замечательно. — Мой голос на секунду сорвался. — Он упоминал обо мне?

— Он сказал, что если кто-то спросит, то у него все хорошо.

Кто-то?

— Ну... Если вы услышите что-то от него в ближайшие пару дней, попросите его позвонить мне?

— Да, конечно, Грейс. Он звонит каждую неделю, так что я ему передам.

Ого, так вот, значит, как?

Я завершила разговор с Алетой и убежала в свою комнату, едва способная переварить всю полученную информацию. Элизабет Хант... Австралия на полгода... Еженедельные звонки маме...

Прошло еще три дня без единого звонка от Мэтта. Слишком измотанная постоянными рыданиями и слишком расстроенная, чтобы есть, я заставила себя выбраться из кровати. Доковыляв до комнаты отдыха, я позвонила Тати.

— Да?

— Это Грейс.

— Привет, ты как?

— Ты можешь прийти?

— Скоро буду. — Она услышала боль в моем голосе.

Спустя пятнадцать минут она объявилась у меня в комнате подобно грому. Я дала ей статью о Мэтте и Элизабет. Она прочитала ее про себя, после чего покачала головой и предложила мне сигарету.

— Я в порядке, Тати.

— Не реагируй слишком бурно, Грейс, — сказала она.

— Я и не реагирую. — Затем я перестала плакать. — Просто скажи Дэну, что я с вами. Я поеду в тур.

Тати улыбнулась мне.

— Хорошо. Ты не пожалеешь.

Акт третий:

СЕЙЧАС, ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Ты помнишь...

ГРЕЙС

Нам принадлежит настоящее. Текущая секунда, здесь и сейчас, это самое мгновение — оно наше. Это единственный безвозмездный подарок вселенной. Прошлое больше нам не принадлежит, будущее — лишь ничем не подкрепленная фантазия. Но настоящее в наших руках. Единственный способ реализовать фантазию — это принять настоящее.

Я долгое время была замкнутой и не позволяла себе рисовать будущее, потому что увязла в прошлом. Хотя это было невозможно, я пыталась воссоздать то, что было у нас с Мэттом. Мне не хотелось ничего другого; он заполнял все мое воображение.

Но Орвин однажды сказал мне, что время — это валюта жизни. А я потеряла слишком много времени. Именно мысль о его потере заставила меня понять, что пора двигаться дальше, что у меня уже никогда не будет того же, что было с Мэттом. Нужно было оплакать наши отношения и жить дальше.

Во всяком случае, так я говорила самой себе.

Пару месяцев назад я бродила в густом тумане сожалений. Я продолжала жить, но ничего не чувствовала. Смотрела в зеркало на новые морщины и удивлялась, откуда они взялись. Я потеряла очень много времени. Дни проходили, не отличаясь один от другого, сама же я была скорее гостем, чем хозяином своей жизни. И даже не искала способы разрушить проклятый круг однообразия, чтобы обрести хоть какой-то смысл существования.

Пока в метро не увидела Мэтта.

Тогда все изменилось. Мир снова окрасился красками, все вокруг стало ярким и отчетливым.

За эти пятнадцать лет боль от того, что с нами случилось, притупилась и ослабла. Много раз я пыталась заставить себя прекратить думать о Мэтте, но было слишком многонапоминаний. Мне казалось, что если когда и встречу его, то он посмотрит сквозь меня, как будто я осталась для него всего лишь призраком из прошлого. Тем летом, послеокончания университета, он заставил меня чувствовать себя именно такой: личностью, прекратившей свое существование.

Но при нашей встрече в метро он не сводил с меня глаз. Он узнал меня сразу же, а на его лице читалось искреннее изумление. Словно он впервые увидел рассвет над океаном. Пока мой поезд уносился в тоннель, Мэтт менялся в лице, становясь разочарованным, и тогда-то я и поняла, что в нашей истории есть упущенный фрагмент. Что означало его разочарование? Что такого с ним произошло за эти пятнадцать лет, что он бежал по платформе, вытягивая руки вперед и смотря на меня с желанием во взгляде?

Мне нужно было найти ответ. У меня была догадка, где можно найти Мэтта, но я была слишком напугана, чтобы искать.

— Мисс Портер?

— Да, Эли?

Убирая ноты со стола, я посмотрела в большие голубые глаза одного из моих старших тромбонистов. Мы были в репетиционном кабинете в старшей школе, где я теперь преподавала.

— Вы знаете, что такое «Крейглист»?

— Конечно, знаю. Я не настолько старая, Эли, — усмехнулась я.

— Я знаю, что не старая, — ответил он, покраснев. Он нервничал. — Я спросил, потому что видел ваше тату, когда вы убирали волосы наверх. — Он тяжело сглотнул.

— Продолжай, — попросила я, заинтересованная.

— «Зеленоглазая голубка». У вас набиты эти слова?

Я кивнула.

— Кто-то называл вас так?

— Да, старый знакомый. — От одной лишь мысли мой пульс участился. Куда он ведет?

Из кармана он выудил сложенный в прямоугольник лист бумаги.

— Помните, когда мы участвовали в соревнованиях групп, там была девушка из юго-восточной старшей школы, игравшая на тубе?

— Конечно. — Я понятия не имела, о ком он говорил.

— Так вот, я думал, что между нами образовалась связь, но никто из нас не предпринимал никаких шагов. В общем, я решил посмотреть, может, она что-то писала в разделе «потерянных связей» на «Крейглист», и нашел это.

Он развернул лист и протянул его мне.

«Зеленоглазой Голубке:

Мы встретились пятнадцать лет назад, аккурат в тот день, когда я переезжал в Нью-Йоркское общежитие для старшекурсников, в комнату по соседству с твоей.

Ты называла нас близкими друзьями. Мне нравится думать, что мы были чем-то большим.

Мы жили, наслаждаясь поисками себя через музыку и фотографию, во время зависаний в Вашингтон-Сквер-парк и пока занимались прочими странными вещами, лишь бы заработать денег. За тот год я понял о себе гораздо больше, чем залюбой другой.

Мы утратили связь летом, когда я отправился в Южную Америку. Когда я вернулся, ты уже пропала. В твоей пустой комнате не было ничего, кроме старой гитары и легкого намека на парфюм. Что это было? Сирень?

Наставница в общежитии, та, что была похожа на Дэвида Боуи и пахла рыбными палочками, сказала, что ты отправилась путешествовать. Надеюсь, ты посмотрела мир. Надеюсь, жизнь была к тебе милостива.

Я не видел тебя до прошлого месяца. Это была среда. Ты качалась на каблуках, балансируя на желтой линии, что тянется вдоль платформы в метро, и ждала поезд F. Я не понимал, что это ты, пока не стало слишком поздно. Ты умчалась. Снова. Ты произнесла мое имя. Я прочитал его по губам. Я пытался вынудить поезд остановиться, просто чтобы сказать: “Привет”.

Я увидел тебя, и ко мне вернулись чувства и воспоминания из той живой молодой поры, и большую часть месяца из головы не выходит вопрос: какой стала твоя жизнь? Может, я выжил из ума, но ты не против опрокинуть со мной по стаканчику, поболтать, обсудить последние пятнадцать лет?

М

(212)-555-3004»

У меня рот открылся от шока, я перечитала письмо три раза.

— Мисс Портер, это письмо вам? Вы знаете этого «М»?

— Да, — ответила я дрожащим голосом. На глаза начали наворачиваться слезы. Я приблизилась к парню и обняла его.

— Спасибо тебе.

— Это так круто. Не думал, что эти посты вообще работают. Хорошо, что у вас есть эта татуировка. Вы позвоните этому чуваку?

— Думаю, позвоню. Слушай, Эли, я правда ценю, что ты сделал, но мне нужно уйти. Можно, я возьму это? — Я потрясла листом бумаги.

— Само собой. Оно же ваше.

Я одарила его благодарной, счастливой улыбкой, схватила свои вещи и поторопилась к лестнице перед школой, одновременно набирая номер Тати. Она ответила в ту же секунду.

— Алло?

— Привет, ты занята?

— Я в салоне, — сказала она.

Вскоре после выпуска Брэндон бросил Тати. Она сразу же сбежала, коротко постриглась и покрасила волосы в черный как смоль цвет. Она не меняла его вот уже пятнадцать лет, думаю, это было в некотором роде напоминание. После Брэндона у нее ни с кем не было продолжительных отношений, если не считать ее парикмахера.

— Могу я прийти к тебе?

— Конечно. В чем дело? Почему у тебя такой странный голос?

— Ничего не странный. — Я задыхалась.

— Ладно, приходи.

Помните спортивную ходьбу? Эти причудливые упражнения, недолго просуществовавшие в восьмидесятых? Такой глупый способ быстрой ходьбы, когда бедра колышутся из стороны в сторону. И это до сих пор олимпийский вид спорта.

Я таким образом прошла до салона шесть кварталов насколько быстро, что могла бы взять золотую медаль.

Ворвавшись в салон, я увидела Тати в первом же кресле, на ней была эта черная накидка, которую используют в салонах. Ее волосы были покрыты лиловато-черной краской и накрыты целлофановой шапочкой, а ее парикмахер делал ей массаж плеч.

— Я в процессе, — сказала Тати, указывая на голову.

— Привет, — поздоровалась я с ее парикмахером. — Я сделаю.

Девушка улыбнулась и ушла. Я встала за спиной Тати и начала растирать ее плечи.

— О-о-ох, полегче, твои руки виолончелистки слишком грубые, — проскулила она.

— Ай, замолчи. Мне нужно поговорить с тобой.

— Ну, говори.

— Он хочет со мной встретиться.

— О чем ты говоришь?

Я рассказывала Тати о встрече с Мэттом в метро, но это было целых два месяца назад.

— Прочти, — я передала ей лист.

Чуть позже она уже всхлипывала.

— Ты плачешь? — спросила я, стоя у нее за спиной.

— Должно быть, это гормоны. Просто это так грустно. Почему в этом письме он кажется таким забывчивым?

— Не знаю.

— Ты должна позвонить ему, Грейс. Должна поехать домой и позвонить ему сейчас же.

— Что я скажу?

— Просто прощупай его и узнай, что ему нужно. Думаю, это в стиле старого Мэтта, вдумчиво и глубоко.

— Точно, да?

Тати вскочила со стула, посмотрела на меня и указала на дверь.

— Иди, сейчас же.

Я искал тебя в остальных

МЭТТ

В среду, через несколько дней после публикации письма на «Крейглист» для Грейс, я шел на работу от метро, когда позвонил мой восьмилетний племянник, жаждавший знать, спонсирую ли я его благотворительный забег. Я обожал этого парнишку, потому без колебаний ответил согласием, и как только закончил разговор с ним, позвонила его мать.

— Маттиас, это Моника.

— Привет. Как Александр?

— Замечательно. Пашет как вол и затмевает всех партнеров, все как всегда. Ты же знаешь Александра.

— Еще бы, — ответил я не без горечи. — А ты? Как жизнь в Беверли-Хиллс?

— Прекрати это дерьмо, Маттиас.

— В чем дело, Моника?

— Мне звонила Элизабет и сказала, что у них с Брэдом будет ребенок. — Моя невестка могла взять награду за фигуральный размер яиц.

— Ага, я в курсе. У меня есть привилегия: я работаю с этими идиотами каждый день.

— Она восемь лет была моей сестрой, Маттиас. Не думаешь ли, что у меня есть право знать?

Я рассмеялся.

— Вы не слишком-то дружили, так что называть ее «сестрой» смешно. И это она бросила меня, помнишь такое?

— Ты придурок. Она бы не бросила тебя, если бы ты не был помешан на Грейс.

— Грейс не имеет никакого отношения ни к женитьбе, ни к разводу.

— Ну да, как же. Элизабет сказала, что ты так и не выбросил ее фотографии.

— Я никогда не избавляюсь от своих фотографий. С чего бы? Я фотограф. Грейс была объектом многих моих ранних работ. Элизабет знает это лучше других. Вообще, почему мы говорим об этом?

— Просто хочу убедиться, что она получит от нас подарок.

— Доставка почтой тебе в помощь. Она все еще живет в нашей прежней квартире. Ты знаешь, в той, из которой я выселился, чтобы она могла поиграть в домохозяйку и наделать детей с ее парнем.

— Мужем, — поправила она меня.

— Прощай, Моника. Передавай Александру «привет».

Я завершил разговор, глубоко вздохнул и снова задался вопросом, вот уже в десятый раз за неделю — что же происходит с моей жизнью?

Добравшись до работы, в комнате отдыха я обнаружил Скотта, тот делал себе кофе.

— Получил какие-то ответы на твой пост? — спросил он.

— Не-а, звонило несколько милых леди, предлагавших быть моей зеленоглазой голубкой.

— Чувак, да в чем дело? Воспользуйся ситуацией. Она, вероятно, никогда и не увидит это письмо, но это не значит, что она единственная зеленоглазая голубка на свете. — Он захлопал своими ресницами.

— В том-то и дело. По пути сюда я думал о жизни.

— О-о-о-ох.

— Нет, слушай. С первой моей девушкой, Моникой, у нас были бестолковые отношения, фальшивые, мы пытались впечатлить друг друга и всех вокруг.

— Ты был молод. Что с того?

— То же самое было и с Элизабет, во всяком случае, поначалу. Мои отношения с Моникой стали предпосылкой к женитьбе на Элизабет. Когда все стало по-настоящему, ни один из нас не смог справиться с этим. С Грейс было иначе. Совсем. С ней с самого начала все было по-настоящему.

— Есть и другие Грейс.

— Нет, мужик. Точно говорю. Просто я встретил ее не вовремя. Прошло пятнадцать лет, а я все еще думаю о ней. Я женился на другой женщине, красивой, умной женщине, но иногда я думаю о Грейс и спрашивал себя, что было бы, если бы мы остались вместе. Я занимался любовью со своей женой и думал о Грейс. Насколько это ненормально?

— Занимался любовью? Это так мило, Мэтт, — усмехнулся он, едва не хохоча.

— Не опекай меня.

— Я просто говорю, что пора цеплять цыпочек. Ты долго был за бортом. Больше никаких занятий любовью. Наказ доктора.

Он хлопнул меня по плечу и ушел.

Позже, на той же неделе, Элизабет остановилась у моей кабинки. Я откинулся на спинку кресла и играл в «Энгри Бердс».

— Мэтт?

Я поднял взгляд и увидел Элизабет в свободном платье для беременных, поглаживавшую свой живот и похожую на самую Мать Земли. Элизабет была красивой, естественной, неотшлифованной. Невзрачные черты лица, обыкновенные коричневые волосы, приятная кожа и свечение, исходившее от нее на протяжении всех этих лет, словно она была поцелованной солнцем. У нее была индивидуальность и то, как легко она предала наш брак, превратило ее в уродину.

— В чем дело?

— Тебе разве не нужно обработать тысячу снимков?

Я снова обратил свое внимание на вопящую птицу.

— Готово. Утверждено.

Периферийным зрением я видел, как она уперла руку в бедро, как суровый родитель. Ее терпение было на пределе. Мне было плевать.

— Ты не мог их показать сначала мне?

Я стрельнул в нее взглядом, после чего снова уставился в телефон.

— Ой, какими важными мы стали, Лиззи. — Яникогдае так не называл. — Думаешь, ты теперь мой начальник?

— Мэтт. Я еле-еле мирюсь с соперничеством между нами.

— Соперничеством?! — усмехнулся я, устраиваясь в кресле поудобнее. В руке зазвонил телефон. Входящий от местного, неизвестного мне манхэттенского номера. Я поднял палец, чтобы Элизабет замолчала, и нажал на «Ответить».

— Алло?

— Мэтт?

О, боже.

Ее голос, ее голос, ее голос, ее голос.

Элизабет все еще сверлила меня взглядом. Она вскинула руки в воздух и возмутилась:

— Не мог бы ты потом перезвонить? Я, вообще-то, пытаюсь поговорить с тобой.

— Подожди, Грейс, — произнес я.

— Грейс? — у Элизабет отвалилась челюсть.

Я закрыл динамик.

— Выметайся отсюда нахрен!

Она уперла в бедро вторую руку.

— Никуда я не пойду.

Я убрал руку с динамика.

— Грейс?

Боже, мне хотелось просто, мать его, рыдать.

— Да, я здесь.

— Можешь дать мне две минуты? Обещаю, я перезвоню тебе. — Я думал, меня вот-вот вырвет.

— Если я не вовремя...

— Нет, нет, я скоро тебе перезвоню.

— Ладно, — ответила она неуверенно.

Мы повесили трубки.

— Итак, ты встречаешься с Грейс? — В ее голосе слышалось удовлетворение, а в глазах читалось: «Ну, конечно, встречаешься».

Я втянул воздух через ноздри и ответил:

— Нет, я с ней не встречаюсь. Сейчас я говорил с ней впервые за пятнадцать лет, и ты все испортила.

— Ты на работе, Мэтт. На своем рабочем месте.

— Такты говорила Брэду перед тем, как трахалась с ним в копировальной комнате? — отрезал я индифферентно. Ощущение было такое, словно кто-то пронзил мою грудь, и я истекал кровью. С каждой секундой меня одолевала все большая слабость. — Я неважно себя чувствую. Можешь оставить меня? — Глаза начали слезиться.

Она вспыхнула.

— Я... Мэтт...

— Что бы ты ни сказала, мне начхать, Элизабет. Вот просто похрен. Меня это не волнует ни на йоту. — Я пожал плечами.

Она отвернулась и ушла. Я залез в недавние звонки и набрал номер Грейс.

— Алло?

— Прости за это.

— Все в порядке.

Я сделал глубокий вдох.

— Боже, как приятно слышать твой голос, Грейс.

— Да?

— Как ты там?

— Нормально. Прошло... много времени, Мэтт.

— Да. Много, верно? — Судя по голосу, она опасалась. Впрочем, как и я. — Так чем ты сейчас занимаешься? Где живешь? Ты замужем?

— Не замужем. — Внутренности перестало скручивать. Спасибо тебе, Господи. — Живу в доме на Вест-Бродвей в Сохо.

— Ты шутишь. Я живу на Вустер.

— Ох, ого. Это близко. Ты все еще работаешь в журнале?

Она знала, что я работал в журнале?

— Да, но, в основном, работаю на телеканал. Больше столько не путешествую. А ты как? Все еще играешь на виолончели?

В голову тут же ворвались воспоминания о Грейс, игравшей в общезитии на виолончели в

одном белье в цветочек. Свет, проникавший в окно, обрисовывал ее силуэт, потому я отрегулировал затвор на фотоаппарате и стал снимать процесс игры. У меня до сих пор где-то были эти фотографии. Я помню, что поставил камеру на пол, подошел к Грейс и сжал ее маленькую симпатичную задницу. Она сбилась и захихикала. Интересно, услышу ли я снова когда-нибудь это хихиканье?

— Э-эх. Не профессионально, я обучаю музыке старшеклассников.

— Звучит здорово. — Я смущенно прочистил горло. Мне хотелось сказать, что она кажется другой, печальной, не похожей на прежнюю Грейс, но решил придержать мысль при себе.

Прошло несколько мгновений неловкой тишины.

— Итак, полагаю, ты видела пост.

— Да, он очень милый... — Она заколебалась и сделала глубокий вдох. — Когда я увидела тебя, то не знала, что и думать.

— Да, эм... этот пост... Думаю, я ткнул пальцем в небо.

— У тебя потрясающая карьера. Я немного следила за тобой.

— Да? — Горло сдавило, в голове забили барабаны, и внезапно я занервничал. Она следила за моей карьерой?

— Элизабет...

— Беременна? — выпалил я. Зачем я это сказал? И откуда вообще она знает об Элизабет? Мне хотелось посвятить ее во все детали, но из моего рта вырывались только неправильные слова.

— Мэтт. — Еще одна долгая, неуютная пауза. — Я была в смятении, когда увидела тебя, а еще этот пост...

— Элизабет не... — начал я, но она перебила меня.

— Было приятно поболтать с тобой. Думаю, мне лучше идти.

— Кофе? Хочешь как-нибудь выпить со мной кофе?

— Ох, не уверена.

— Ладно. — Снова неловкая тишина. — Позвонишь мне, если передумаешь?

— Конечно.

— Грейс, ты же в порядке, верно? То есть, у тебя все хорошо? Мне нужно знать.

— У меня все хорошо, — прошептала она и повесила трубку.

Твою мать!

Элизабет выбрала именно этот момент, чтобы вернуться с пачкой фотографий. У нее было худшее расписание из возможных.

— Сможешь посмотреть эти и положить их на мой стол к завтрашнему утру?

— Ага, сделаю, оставь их. — Я даже не поднял взгляд. Сердце колотилось в груди, и я готов был разрыдаться. Я почувствовал руку Элизабет на своем плече. Она сдавила его, как это обычно делает футбольный тренер.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Тебе сложно видеть меня такой, да?

Чего? Это было настолько невероятно, что я почти рассмеялся. Элизабет умела все свести к собственной персоне.

— Думаешь, мне сложно видеть тебя беременной? Нет, я рад за тебя.

— Наверное, так и есть, ведь ты никогда не хотел детей. — По ее голосу невозможно было что-то понять.

Я всегда хотел детей, просто не от тебя.

Я взял ее за руку и сделал то, что давно нужно было сделать.

— Элизабет, прости, что не был лучшим мужем. Я счастлив за тебя и Брэда. Желаю вам долгих лет ясной супружеской и семейной жизни. Ради всего святого, хватает и этого безумия на работе, так что давай никогда, вообще никогда не говорить о нашем паршивом браке снова. Прошу. — Я смотрел на нее с мольбой.

Она кивнула, согласившись.

— Мне тоже жаль, Мэтт. Я все неправильно поняла.

Я отпустил ее руку. Она улыбнулась мне с теплотой, симпатией, даже жалостью. Было лучше позволить ей думать, что я одинок и тоскую, чем разжечь в ней пламя обиды, которую она и так питала ко мне, думая, будто я не забыл Грейс. Ее подозрения оправдались, но я никогда не раскрою ей эту правду.

Брэд был моим другом с первого дня стажировки в «Нэшнл Джиогрэфик». Я встретил его тогда же, когда и Элизабет. Брэду всегда нравилась Элизабет, а ей всегда нравился я. Женившись на ней, я отчасти почувствовал себя козлом, потому, когда она изменила мне с ним, я не был шокирован. Вообще-то, у меня было странное желание «дать ему пять». Разве это не ужасно?

Элизабет вернулась в свой кабинет, а я отправился к Брэду. Пришло время быть лучше, ну или хотя бы человечнее, пусть и со своими недостатками. Телефонный разговор с Грейс не удался, но он меня встряхнул. Мне не хотелось продолжать это рутинное существование, вечно жалея и ненавидя себя.

Встав в проходе в кабинет Брэда, я прокашлялся. Он поднял взгляд, оставаясь за своим столом.

— Здорово-о-о-о-ово, мужик. — Он всегда растягивал это «Здорово», как какой-то торчок.

— Брэд, я зашел, чтобы поздравить вас с беременностью. Хорошо сработано, мой друг. Мы все знаем, что у меня самого не получилось бы лучше.

— Мэтт... — Он попытался остановить меня.

— Я шучу, Брэд. Я рад за вас, ребята. Клянусь.

— Да? — он изогнул бровь.

Я кивнул.

— Да.

— Как тебе предложение выпить после работы? Только мы с тобой.

Ну, я уверен, что ты трахал мою жену на каждой доступной поверхности в принадлежавшей мне квартире, а сейчас она и вовсе беременна от тебя, так что...

Я хлопнул в ладоши.

— Да какого черта? Почему нет?

Мы отправились в крутой коктейльный бар для снобов в верхнем Вест-Сайде, находившийся недалеко от моей старой квартиры, которую мы делили с Элизабет. Я ненавидел этот бар всеми фибрами души, но он был единственным местом, близким для нас обоих.

Мой скотч принесли со льдом и в бокале из-под мартини. Напиток был подан с несколькими нарушениями правил, но я осушил бокал без вопросов.

— По сигаре?

— Нет, только после рождения ребенка. Ты не очень-то любишь детей, да?

— Ненавижу их. Просто ищу повод выкурить отличную кубинскую сигару, — солгал я ради веселья. Что еще остается в этой жизни?

— Ну, это придет. Кстати, звонила твоя невестка. Она отослала нам антикварную колыбель.

— Чего?

— Ага, она посчитала, что та должна быть у нас. Она считает Элизабет сестрой.

Колыбель была семейным наследием, смысл в том, чтобы она оставалась в пределах семьи.

— Моника не имеет права распоряжаться проклятой колыбелью.

Брэд уловил мой враждебный настрой и поспешил сменить тему разговора.

— Встречаешься с кем-нибудь?

— Нет, просто трахаюсь, — продолжал я врать, развлекаясь. — Наконец избавился от наручников и цепей, понимаешь? — Кажется, я провалил задачу быть лучше, но я не думал, что это так сложно.

— Рад за тебя, — сказал Брэд, ему было неудобно.

— Еще скотч, пожалуйста! — закричал я.

— Знаешь, иногда Лиззи выходит из себя из-за мельчайших вещей. Типа сиденья туалета: она злится, если оно поднято, и злится, если опущено. — Он смотрит на меня и качает головой. — Она говорит, что у меня сбит прицел.

Мне и правда было его жаль.

— Слушай, ты научишься писать сидя. Это часть бытности женатым. Это даже расслабляет, как небольшой перерыв.

— Серьезно?

— Точно говорю.

Прибыл мой второй скотч. Я выпил его даже быстрее, чем первый.

— Знаешь, забыл тебе сказать, Лиззи нашла очередную твою коробку с фото и какими-то катушками с непроявленной пленкой. Она хочет, чтобы ты пришел и забрал ее, ведь мы... ну, понимаешь... готовим комнату.

Господи боже.

— Хорошо.

Брэд проверил свой телефон.

— Черт, у нас скоро занятия для беременных. Мне надо идти, мужик. Хочешь подняться в квартиру и забрать коробку?

— Конечно, вперед.

Мы прошли несколько кварталов до квартиры, обмолвившись всего парой слов. Дойдя до высотки, я проскользнул в холл за Брэдом. Два скотча, смешанные со странными ощущениями от нахождения в месте, где я раньше жил, внезапно сразили меня не на шутку.

— Знаешь что, Брэд? Я подожду здесь, пока ты вынесешь коробку.

— Уверен?

— Да, я подожду. — Я выдавил улыбку и уселся у лифта. Через пару минут Брэд вернулся с темно-серым пластиковым пакетом.

— Я думал, ты сказал, что осталась коробка.

— Ага, так и было, но Лиззи все вытащила из коробки и переместила сюда для лучшей сохранности.

— Для лучшей сохранности?

У Брэда не хватало смелости встретиться со мной взглядом.

— Ага.

Я был уверен, что Элизабет перебрала всю коробку и половину выбросила к чертям собачьим. Я не был удивлен.

— Спасибо, Брэд.

— Увидимся, приятель. — Он хлопнул меня по спине, я развернулся и ушел прочь.

Оказавшись дома в лофте, я устроился в старом кожаном диване, включил песню «With or without you» (Прим. пер. «С тобой или без тебя») группы U2, закинул ноги на пластиковый пакет и закрыл глаза. Я представлял, что построил жизнь, а не только карьеру. Представлял, что стены завешаны семейными фотографиями, а не снимками животных из гребаного Серенгети. Сделав глубокий вдох, я нагнулся вперед и открыл пакет.

В нем было все из того времени, укрытое черно-белыми фотографиями. Мы с Грейс в

Вашингтон-Сквер-парке. У «Тиш». В общежитии. В комнате отдыха. Грейс, играющая на виолончели. Голая Грейс на моей постели, фотографирующая меня, закрывая камерой свое лицо. Я пальцами провел по снимку. «Позволь мне увидеть твое лицо», — сказал я тогда. Мы с Грейс в Лос-Анджелесе, играющие в «Скрэббл» в доме моей матери. Мама, в «Лувре» учащая Грейс управляться с гончарным кругом. Грейс, спящая на моей груди, пока сам я смотрел в камеру.

Не торопясь я вытаскивал фотографии из пакета по одной. Последний снимок был сделан в день, когда я отбывал в Южную Америку. Сейчас это называется «селфи». Мы с Грейс лежим на кровати и смотрим прямо в объектив камеры, которую я держу над нашими головами, зажимая кнопку затвора.

Мы кажемся такими счастливыми, довольными, влюбленными.

Что с нами стало?

На дне пакета я обнаружил кассету и непроявленную пленку. Я вытянул пленку из катушки и поставил под свет. Снимки были сделаны в цвете; тогда я делал цветные фотографии крайне редко, изменилось это только после того, как я начал работать в «Нэшлл Джиогрэфик».

Я поднялся, положил катушку на стол, вставил кассету в старый магнитофон и пил, пока не отключился, слушая игру Грейс и ее подруги Татьяны, исполнявших «Eleanor Rigby» 15в дуэте из скрипки и виолончели. Они играли ее снова и снова, и каждый раз в конце я слышал хихиканье Грейс и шиканье Татьяны.

Я заснул с улыбкой на лице, несмотря на то, что чувствовал себя одним из тех одиноких людей, о которых пелось в песне.

В городе все еще было несколько магазинов, занимавшихся проявкой пленок. «ФотоХат» был давно закрыт, но я следующим же утром нашел один фото-магазинчик по пути на работу, где и оставил загадочную катушку с пленкой.

Добравшись до работы, я увидел Элизабет на офисной кухне у кофе-машины.

— Мне казалось, что во время беременности кофеин противопоказан, — отметил я.

— Мне разрешено выпить одну чашку, — ответила она, когда я проходил мимо.

Я ухмыльнулся и пошел к своему месту. Я чувствовал, что она последовала за мной, балетками шоркая по ковру, создавая статическое электричество. У нее была привычка не поднимать ноги.

Я включил компьютер и обернулся, обнаружив ее позади, ждущую, пока я замечу ее присутствие. Ее волосы торчали во все стороны, паря над плечами из-за образовавшегося

статического электричества. Я не мог не рассмеяться.

— Что?

— Твои волосы, — указал я, походя на пятилетнего ребенка.

Элизабет нахмурилась и собрала волосы в пучок, взяв карандаш с моего стола, чтобы закрепить прическу.

— Спасибо, что выпил с Брэдом и забрал пакет.

— Спасибо, что организовала мои пожитки. Ты выбрасывала что-нибудь из коробки?

— Нет, мне едва хватило духу заглянуть внутрь. Она была похожа на храм памяти Грейс.

— Тогда почему ты так хотела, чтобы я получил ее обратно?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Чувствовала себя паршиво, наверное.

— Из-за чего конкретно? — Я откинулся в своем стуле.

— Просто... сам понимаешь. Как... не знаю я.

— Рассказывай, — настоял я с самодовольной ухмылкой. Мне доставляло удовольствие наблюдение за тем, как она подбирала слова. Совершенно очевидно, что она до сих пор ревновала к Грейс.

— Из-за того, как ты ставил ее на пьедестал, как говорил о ней, словно она была той единственной.

Я наклонился вперед.

— Ты чего-то недоговариваешь. Когда ты врешь, ты всегда делаешь эту странную фишку с бровью.

— Что за странную фишку с бровью?

— Ты изгибаешь одну бровь как безумец. Без понятия, как ты это делаешь. Это похоже на жутковатую судорогу.

Она уверенно подняла руку к своим бровям.

— Ничего такого, чего бы ты уже не знал. То есть, мы тогда были так заняты.

— О чем ты говоришь?

Элизабет оглядывала комнату, будто искала экстренный выход. Бросив взгляд на свою переоцененную обувь, она заговорила:

— Грейс однажды звонила и оставила сообщение... и просто...

Я резко встал.

— Что ты сказала, Элизабет? — Я и не подозревал, что закричал, пока не услышал гробовую тишину. Я ощущал устремленные на нас взгляды коллег со всех концов офиса.

— Тихо, Мэтт! — она подошла ближе. — Позволь объяснить. Мы тогда были в Южной Африке. — Она скрестила руки и понизила голос. — Мы с тобой уже спали тогда. Я понятия не имела, зачем она звонила.

Я начал в голове просчитывать время. Должно быть, это произошло примерно через два года после нашей последней встречи с Грейс. После того, как она исчезла.

— Что она сказала? — спросил я медленно.

— Не помню. Это было так давно. Она была в Европе или где там. Она хотела поговорить с тобой и узнать, как у тебя дела. Она оставила адрес.

Каждый нерв в моем теле был напряжен до предела.

— Что ты сделала, Элизабет?

— Ничего.

Она вела себя очень странно. Так, словно до сих пор не раскрыла всей правды.

— Просто скажи, что ты сделала.

Она вздрогнула.

— Я написала ей письмо.

— Ты не...

— Я была влюблена в тебя, Мэтт. Я написала ей, но была добра. Сказала, что ты живешь дальше, что она часть твоего прошлого, но что я желаю ей всего наилучшего.

В моих глазах плескалась ярость.

— Что еще ты сделала? Ради всего святого, Элизабет, я на грани стать причиной громких заголовков, а я не жестокий человек. Ты это знаешь.

Она начала плакать.

— Я была влюблена в тебя, — повторила она.

Я был ошеломлен. Я всегда думал, что Грейс сбежала. Что не оставила мне ни записки, ни адреса, ни номера телефона. Я был опустошен, поверив, что именно я был брошен.

— Если ты была влюблена в меня, почему не дала выбрать мне?

Подошел Брэд, встав за ее спиной, и крепко обнял Элизабет.

— Что происходит? Что ты ей сказал? Она беременна, мужик, что с тобой не так?

На сердце становилось все тяжелее.

— Уйдите. Оба.

Элизабет развернулась в руках Брэда и продолжила плакать, но уже у него на груди. Брэд глянул на меня и увел ее подальше, качая головой, будто говоря, что это я совершил нечто ужасное.

С тех пор, как увидел Грейс в метро, я проигрывал все, что было с нами пятнадцать лет назад. Насколько типичным казался наш последний разговор, случившийся за шесть недель до момента, когда я должен был прилететь домой, обратно в ее объятия, к той рутине, что мы обрисовывали для себя на протяжении того райского года.

После работы я забрал катушку с пленкой, которую отдавал ранее. Была пятница и мне не оставалось ничего лучше, чем отправиться в почти пустой лофт и переварить новость, что много лет тому назад Грейс пыталась связаться со мной. Я уселся на диван у окна от пола до потолка и устремил взгляд на улицы.

Рядом со мной, на конце стола, стояла маленькая лампа, на коленях мостилась пачка проявленных фотографий. Первые три были размытыми, но четвертая застала меня врасплох. На ней были мы с Грейс в пижамах, а за нашими спинами размытый дорожный трафик. Наши лица не в фокусе, но было видно, что мы смотрим друг на друга. Той ночью мы ужинали в Бруклине.

На остальных фотографиях была Грейс: она в комнате отдыха, в парке, она же спящая в моей постели, и Грейс, танцующая в общежитии. Везде была она, заснятая в цвете.

Я клал каждое фото на кофейный столик и смотрел на них, думая о прошлом, освобождая все воспоминания о ней. Говорил ли я ей, что любил ее? Знал ли я, что любил ее? Что же случилось?

Была половина девятого, а я не ел весь день. Мне было плохо, я чувствовал себя отвратительно из-за того, что сделали мы с Элизабет. Сразу стало ясно, почему Грейс по телефону была такой сдержанной. Она просто пыталась поддерживать со мной связь.

Я вскочил, сел за компьютер и вбил номер телефона в поисковую строку. Нашлось имя Г.

Портер на Вест-Бродвее. Она была замужем? Несмотря на то, что и я был женат, реальность ранила. Я загуглил «Грейс Портер музыкант Нью-Йорк» и обнаружил ссылку на старшую школу, где она преподавала. Я открыл еще несколько ссылок и нашел информацию о том, что ее отделение этим вечером давало специальный концерт в гимнастическом зале, но начался он еще час назад.

Даже не глядя в зеркало, я помчался к двери. Нельзя, чтобы все закончилось на неловком телефонном разговоре.

Добравшись до старшей школы, я помчался по лестнице к входу, перепрыгивая ступеньки. Я слышал аплодисменты и молился, чтобы не было слишком поздно. У двойных дверей никого не было, так что я зашел внутрь и встал позади, взглядом сканируя помещение в поисках Грейс, но увидел только четыре стула в дальнем конце гимнастического зала, три из которых были заняты, а один — пустой. Толпа затихла, когда мужчина поднялся на подиум, установленный недалеко от неполного квартета.

— У мисс Портер есть кое-что особенное, чем она хотела бы поделиться с вами. — Это было бы идеальное время, если бы не опоздание на пятнадцать лет. — Это истинное удовольствие и очень редкое выступление, так что давайте возьмемся за руки ради нашего талантливого квартета.

Грейс поднялась на подиум, и у меня сбилось дыхание. Все, за что я любил ее все эти годы, никуда не делось: ее уникальная манерность, ее неосведомленность о своей красоте, ее длинные светлые волосы, закинутаые на одно плечо, ее полные, естественного розового оттенка губы. Даже на расстоянии я видел ее пронзительные зеленые глаза. С головы до кончиков пальцев она была одета в черное: свитер с высоким воротником и штаны, так контрастировавшие с ее белой кожей и сверкающими волосами.

Она постучала по микрофону и улыбнулась, когда звук стука эхом разнесся по залу, отлетая от стен.

— Простите. — Затем раздалось хихиканье. Боже, как я соскучился по этому звуку. — Спасибо всем, что пришли. Обычно я не выступаю с учениками, но у нас есть кое-что особенное. Наши первая и вторая скрипки, Лидия и Кара, и первая виолончель Келси наследующих выходных будут выступать с Нью-Йоркским филармоническим оркестром. — Толпа разразилась поздравлениями и свистом. Грейс оглянулась на трех улыбавшихся ей девушек, державшихся за свои инструменты. — Я горжусь ими, и сегодня вечером хочу присоединиться к ним, исполнив «Viva la vida» (Прим.пер.: буквально «Да здравствует Жизнь!») группы Coldplay. Надеюсь, вам понравится.

Все та же моя современная девочка.

Грейс прошла к дальнему стулу справа и устроила виолончель между ног. С опущенной головой она начала отсчет. Она всегда играла для себя, и, судя по тому, что я наблюдал сейчас, ничего не изменилось. Мне не нужно было видеть ее глаза, чтобы знать, что они закрыты, как было всегда, когда она играла у окна в нашем старом общежитии.

Когда звуки заполнили гимнастический зал, я не сводил с Грейс восторженного взгляда. В конце, перед последним движением смычка, она посмотрела в потолок и улыбнулась. Люди сошли с ума, помещение взорвалось оглушительными аплодисментами.

Я ждал весь концерт, голодный, уставший, и размышлявший, не было ли все это напрасно. Толпа разошлась чуть позже половины одиннадцатого, а я все ждал, не упуская Грейс из поля зрения. Наконец она направилась к двойным дверям, где все это время стоял я. Когда наши взгляды встретились, я понял, что она знала о моем присутствии. Грейс целенаправленно шла ко мне.

— Привет. — Ее голос был мягким и дружелюбным, слава богу.

— Привет. Выступление было потрясающим.

— Да, эти девочки... они очень талантливы.

— Нет, ты... ты такая... ты играла так, — я сглотнул, — великолепно. — Я нес чепуху.

Она улыбнулась, но оценивала меня глазами.

— Спасибо.

— Я знаю, уже поздно, но... может, ты бы хотела выпить? — Она начала отвечать, но я ее перебил. — Я знаю, телефонный разговор был неловким. Просто хотелось поговорить стобой лично. Чтобы... — я взмахнул руками, — прояснить ситуацию.

— Прояснить ситуацию? — Она пробовала слова на вкус.

— Ладно, пообщаться. Но все же, думаю, и прояснить ситуацию.

— Прошло пятнадцать лет, Мэтт, — она засмеялась. — Не знаю даже, возможно ли «прояснение ситуации».

— Грейс, послушай, думаю, произошли некоторые события, о которых я вовремя не был осведомлен, и...

— За углом есть небольшая забегаловка. Но я не могу засиживаться допоздна. У меня есть дела на утро.

Я ответил ей благодарной улыбкой.

— Хорошо, без проблем. Только по стакану.

Боже, как же я отчаялся.

— Тогда вперед. Сюда.

Мы бок о бок шли по темной улице.

— Ты правда выглядишь фантастически, Грейс. Я так подумал еще тогда, когда увидел тебя в метро.

— Не странно ли это? Как будто вселенная дразнит нас: мы увидели друг друга с секундным опозданием. — Так я об этом не думал. Мне нравился ее ход мыслей. — То есть, ясно, что мы жили в нескольких кварталах друг от друга, но ни разу не столкнулись. Это даже странно.

— Вообще-то, я въехал в эту квартиру только в прошлом году, когда вернулся в Нью-Йорк.

— Где ты был до этого?

— Я переехал на верхний Вест-Сайд пять лет назад, но потом на некоторое время уехал в Лос-Анджелес. Когда развод с Элизабет был завершен, я вернулся в Нью-Йорк. Это было около года назад. Теперь я снимаю лофт в Вустер.

Я аккуратно наблюдал за реакцией Грейс, но она сказала лишь:

— Понятно.

В баре Грейс выбрала маленький столик, повесила сумку на спинку стула и показала на музыкальный автомат в углу.

— Пойду выберу песню. Здесь слишком тихо для бара. — Кажется, ее настроение улучшилось. Я же думал о том, что она не могла находиться в помещении без музыки. Снаружи ей вполне хватало звуков природы и улиц, но как только она оказывалась в закрытом месте, то всегда требовала музыкального сопровождения.

— Могу я заказать тебе выпить?

— Бокал красного вина подошел бы идеально.

Мне тут же пришлось заставлять себя не предаваться воспоминаниям, ведь стоило находиться в настоящем моменте. Нужно было так много сказать. Когда я вернулся с напитками, Грейс сидела за столом, поставив локти на его поверхность, и устроив подбородок на сложенных руках.

— Ты тоже прекрасно выглядишь, Мэтт. Хотела сказать это раньше. Годы тебя не сильно изменили.

— Спасибо.

— Мне нравятся длинные волосы, а это... — Она кончиками пальцев потрепала мою бороду. Я держал глаза закрытыми на секунду дольше. — Итак, ты жил в Лос-Анджелесе?

Мне пришлось восстанавливать дыхание, чтобы не позволить себе сломаться и разрыдаться. В ее присутствии эмоции меня переполняли.

Заиграла грустная песня, которую исполнял монотонный мужской голос.

— Кто это? — спросил я, делая глоток пива.

— The National. Но, Мэтт, ты хотел поговорить, так что давай поговорим. Ты перебрался в Лос-Анджелес после развода. Ты остановился у мамы? Как у нее дела? Время от времени я думаю о ней.

— Вообще, я приехал туда еще до развода. Чтобы позаботиться о маме. Она ушла, когда я был там.

Глаза Грейс наполнились слезами.

— Ох, Мэтт. Мне так жаль. Она была прекрасной женщиной.

Горло сдавило.

— Рак яичников. Элизабет считала, что заботу о матери стоило взять на себя Александру, но тот был слишком занят попытками стать партнером фирмы. Мама умирала, а ее сыновья ругались о том, кто должен о ней заботиться. Так глупо. — Я отвел взгляд. — Мой брак уже был на грани. Элизабет отчаянно старалась забеременеть, а я был в тысячах миль, на другом конце страны. Думаю, она где-то на подкорке считала, что я избегаю ее. А я думал только о ее эгоизме. Думаю, мы оба были злы и задеты.

Грейс кивнула.

— Что случилось потом?

— Пока я был в Лос-Анджелесе, приглядывая за матерью, Элизабет завела интрижку с моим другом и коллегой Брэдом, продюсером «Нэшнл Джиогрэфик». Восемь лет брака — пуф. — Я руками изобразил взрыв.

— Восемь лет? Мне казалось... — заколебалась она.

— Что?

— Ничего. Мне жаль, Мэтт. Не знаю, что и сказать.

— Можешь мне сказать, почему ты уехала?

— Когда?

— Почему ты не оставила ни записки, ни сообщения, когда уехала в Европу? Ты просто уехала.

Она казалась смущенной.

— Ты о чем? Я ждала. А ты никогда не звонил.

— Не звонил, я не мог. Я больше не мог делать звонки. Единственной, с кем я общался, была моя мама, потому что я мог звонить ей за счет абонента. У меня не было денег. Мы застряли в деревне, окруженной сотнями миль леса, со сломанной машиной. Мне казалось, ты понимала это.

Она казалась разбитой.

— А та статья в журнале о фотографии? В ней говорилось, что ты уже получил работу в «Нэшнл Джиографик» и после Южной Америки отправляешься в Австралию.

— В девяносто седьмом?

— Ага. — Она допила остатки вина. — Там был снимок, на котором ты фотографировал ее, и в статье было сказано, что ты летишь с ней в Австралию на полгода.

— Никогда не читал статьи, о которой ты говоришь, так что не понимаю, о чем ты. Элизабет просила меня полететь с ней в Австралию, но я отказался. Я вернулся к тебе после стажировки, а тебя не было.

— Нет. — Она качала головой. — Я думала, ты улетаешь в Австралию. Именно поэтому я присоединилась к оркестру Дэна.

Я тоже качал головой.

— Я не улетел в Австралию. Я вернулся в конце августа. Я звонил тебе перед прилетом, но не дозвонился. Я отправился прямо в общежитие для старшекурсников, надеясь найти тебя там. Когда тебя там не оказалось, я подумал, что ты могла переехать в общежитие для аспирантов, так что пошел туда и пообщался с парнем-регистратором. Он мне сказал, что ты отложила поступление. По дороге в общежитие для старшекурсников я встретил Дарью, и она-то мне и поведала, что ты присоединилась к оркестру Порндела.

Грейс начала плакать, тихо шмыгая в свои руки.

— Грейс, мне так жаль. — Я схватил салфетки из салфетницы на столе и протянул их ей. — Я думал, что ты бросила меня. Я не знал, как найти тебя. Даже не соглашался на работу в «Нэшнл Джиографик», пока не узнал, что ты уехала.

Она засмеялась сквозь слезы.

— Твою мать. Все это время...

— Знаю. Я несколько раз пытался искать тебя, но не мог найти тебя в сети. До сегодняшнего дня я не знал, что твоя фамилия Портер.

Теперь у Грейс случилась истерика.

— Я вышла за Порндела, Мэтт. Он изменил свою фамилию на Портер.

Мое сердце было прострелено.

— Ох.

— Не сразу же. Я ждала почти пять лет. Теперь он мертв. Ты же знаешь это, верно?

— Нет. Откуда мне об этом знать?

— Я писала тебе.

— Писала? — Элизабет. Оказалось, что она так и не сказала мне всей правды.

Я будто очутился в альтернативной вселенной, где Грейс любила меня, а тем, кто ушел, оказался я. Все эти годы я провел в депрессии из-за того, что потерял ее, а она все это время пыталась найти меня. Я потянулся через стол и взял ее за руки. Она не оттолкнула меня.

— Мне жаль, что с Дэном так вышло. Он был добрым. Как он умер?

— Увеличенное сердце. Он умирал с чертовой улыбкой на лице, — ответила она гордо.

— Ты любила его? — Я знал, что у меня не было права спрашивать такое, но мне до смерти хотелось знать.

— Он был добр ко мне. — Она посмотрела в потолок. — Я любила его по-своему.

— Да? — Я чуть не задохнулся.

Она встретилась со мной взглядом.

— Да. Но не так, как любила тебя.

— Грейс...

— Какого хера случилось, Мэтт?

— Я больше не знаю. Думал, что знал. Элизабет недавно сказала мне, что отправляла тебе письмо.

— Я получила какое-то от тебя, может, в девяносто девятом или в двухтысячном году. Все остальные мои звонки и письма остались без ответа.

— То письмо написала Элизабет, не я. Клянусь богом, Грейс, я бы никогда не стал игнорировать твои звонки.

— Ну, хорошо. — Ее голос стал невероятно тихим, робким. — Уже слишком поздно, разве нет?

— Почему? Почему это слишком поздно?

— Я бы сказала, пятнадцать лет — это довольно много. С нами столько случилось и...

Я сжал ее руки.

— Давай съедим по куску пирога или блинчики, что угодно, как мы делали раньше.

— Ты с ума сошел?

— Именно, — ответил я невозмутимо. — Нам нужно уйти отсюда.

— Не знаю... — Она забрала свои руки.

Я посмотрел на часы.

— Завтрак на ужин?

Она провела рукой по лицу и села ровно, создавая между нами расстояние. Я не мог сказать, обдумывала ли она идею или размышляла о том, как по деликатнее отказать. Я изучал ее глаза, и Грейс улыбнулась.

— Идет. Я пойду с тобой при одном условии.

— Что же это, Грейси? — Она расхохоталась, услышав прозвище, и ее глаза снова стали слезиться. — Прошу, не плачь, — сказал я.

— На какое-то время мы должны забыть, кто мы друг другу. Никаких разговоров о прошлом. Таково мое условие.

— Согласен! — Я бросил на стол кучку наличных, схватил ее за руку и потащил к двери. Но прежде, чем уйти, я повернулся к ней. — Стой. Давай сначала по шоту. Мы молодые, город в нашем распоряжении, тебе не нужно завтра рано вставать, чтобы учить, а я не стал козлом для жены.

— Давай. Почему бы и нет?

Ее щеки порозовели. Внезапно она стала казаться счастливее, моложе. И хотя я пообещал, что мы не заговорим о прошлом, я не мог противиться ощущению, словно мы отправились путешествовать в лучшие дни наших жизней.

Мы оба опрокинули по рюмке текилы, покинули бар и нашли круглосуточную кафешку.

— Думаю, я хочу пирог, — сказал я, пока мы пялились на холодильную витрину.

— И я. Хочешь, разделим кусочек?

— Лучше давай разделим два куска, — ответил я, практически бросая ей вызов.

— Грязные разговорчики. Мне это нравится. Тогда давай кусок с шоколадным кремом и...

— Кусок с арахисовым маслом?

— Идеально. Я съем этот пирог до последней чертовой крошки.

Боже, я люблю ее.

— И я тоже, — отозвался я.

Мы сделали заказ и сели на диван, обтянутый зеленым винилом. Грейс начала обводить блестки на поверхности стола.

— Итак, как Александр, как твой отец и Регина?

— Замечательно. Отец никогда не уйдет на пенсию. Они с братом партнеры в одной фирме. У Александра и Моники два ребенка и огромный дом на Беверли-Хиллс. Регина все такая же, только лицо еще более подтянутое.

Грейс рассмеялась, но затем ее улыбка испарилась.

— Мне правда грустно слышать такое о твоей маме. Она мне нравилась. Казалось, мы были родственными душами.

Я мысленно вернулся в те дни, когда потерял маму. Она спрашивала, что случилось с Грейс, а я ей отвечал, что просто не сложилось. Меня смутило, что мама вспомнила о Грейс через столько лет. Она не подозревала о том, что у нас с Элизабет были проблемы, но как будто хотела дать мне знать, что все еще думает о Грейс. Думаю, она тоже думала, что они с Грейс родственные души. Элизабет никогда не была близка с моей матерью, даже спустя десять лет после знакомства. Один визит, и Грейс осталась в сердце мамы навечно.

— Ага. Она ушла в покое. Папа даже пришел проведать ее перед смертью. Это было душераздирающе, ведь, несмотря на все, через что они прошли... она все еще любила его. Именно поэтому она никогда не вышла замуж снова. Думаю, когда все стало неважно, и он увидел ее на пороге смерти, то тоже чувствовал любовь. Во всяком случае, так он сказал ей. Даже если он не любил ее, мама умерла с верой. Я стал уважать его даже больше.

— Я могу это понять, — сказала Грейс, словно отталкиваясь от собственного опыта.

Я глубоко вдохнул.

— Давай поговорим о чем-то более радостном.

— Я следила за твоей карьерой и знаю, что ты получил Пулитцера. Это потрясающее достижение, Мэтт. Мои поздравления.

— Спасибо. Это было неожиданно, да и тяжело им гордиться, наверное, потому что я был в по-настоящему кошмарном месте.

— Это было до того, как заболела твоя мама, верно?

— Да. Она видела, как я получал награду. Они с отцом сильно гордились мной.

Грейс было очень интересно, она была необыкновенно сострадающей¹⁶. Я уж думал, что сам все для себя выдумал. Но как же ее имя ей подходило. Насколько реальной, прекрасной и искренней она была во плоти. Все это время я рассматривал фотографии и мечтал обнять ее, прикоснуться к ней, ну или просто увидеть лично, своими глазами, в цветах, — и вот она была здесь, и именно такой, какой я ее помнил.

Куски пирога стояли между нами не тронутые. Я отрезал кусочек, поддел его вилкой и поднес к губам Грейс.

— С пирогом все лучше.

Она откусила от кусочка, а я не мог оторвать глаз от ее рта. Я оближал губы, размышляя о том, какая она на вкус, каково было целовать ее.

— Та-а-а-ак вкусно.

— Я знаю, мы не должны говорить о прошлом, но мне до смерти хочется узнать, чем ты занималась после выпуска. Как тур с оркестром?

— Вообще-то, было великолепно. Мы путешествовали пару лет. Татьяна поехала с нами. Когда мы вернулись домой в Нью-Йорк, Дэн снова стал работать в Нью-Йоркском университете, а я стала магистром в области теории музыки благодаря онлайн-программе. Я несколько лет преподавала в колледже, а сейчас руковожу оркестром и группой в страшной школе.

— Это фантастика, Грейс. Как Татьяна?

— У нее все хорошо. Все еще одинокая и напористая. Она в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, так что много путешествует. Она очень преданный музыкант.

— Что с Брэндоном?

Она усмехнулась.

— Он стал для Тати одним из многих.

— Я должен был догадаться. А ты никогда не хотела пойти по тому же пути, что и Тати?

Я могу быть пристрастным, но мне всегда казалось, что ты была куда более сильным музыкантом, чем она.

— Хотела, но... — она начала ерзать. — Я, эм, никогда не была настолько дисциплинирована. А вот она была хороша.

— Мне почему-то так не кажется.

— Татьяна более талантлива, это скажет любой с натренированным слухом, — улыбнулась Грейс. — Последний кусок? — Она протягивала вилку с пирогом с арахисовым маслом к моему рту.

Я схватил ее за запястье, притянул ближе и съел пирог. Внезапно между нами возникло знакомое интимное напряжение.

— Мне жаль, но мне пора возвращаться. Все было очень здорово. Я была рада встретиться с тобой, увидеть, что ты так же хорош и здоров, — сказала она.

— Позволь проводить тебя до дома.

— В этом нет необходимости. — Она проскользнула к концу дивана и встала.

— Уже поздно, и мне будет спокойнее, если я провожу тебя.

Грейс колебалась.

— Хорошо. Можешь проводить меня до моей улицы.

По дороге она собрала волосы в пучок, благодаря чему стала видна ее татуировка. Зеленоглазая голубка. Я не смог устоять, и потому вытянул руку, чтобы пальцами пробежаться по ее шее. Значит, все произошло на самом деле. Грейс отскочила.

— Ты что делаешь?

— Просто хотел потрогать ее, убедиться, что она все еще на месте.

— Татуировки в некоторой степени перманентные, — рассмеялась она.

— Мне было интересно, не удалила ли ты ее в гневе лазером.

— Я в большей степени была разбита, чем разгневана.

Вот это больно.

Я взял ее руки в свои.

— Мне жаль. Ты даже не представляешь, как мне жаль.

— Представляю. Мне тоже жаль. Я полагаю, твоя тоже на месте?

Я оттянул воротник черной футболки и приспустил ткань вниз, чтобы открыть татуировку, набитую у сердца.

— Ага, все еще на месте.

Она скользнула по ней пальцами и прошептала:

— Лишь пепел.

Она опустила голову. Я приподнял ее подбородок и вынудил посмотреть на меня, хоть ее глаза и слезились.

— Мы были жертвами неподходящего времени. Но вот мы здесь.

Она выдавила слабую улыбку.

— Мне нужно идти.

Не успел я ее остановить, как она уже отвернулась и посеменила по улице прочь от меня. Я ждал, пока она не ступила на ступеньки перед домом, и только тогда направился домой, разозленный на весь мир и жаждущий убить Элизабет за то, что она столько раз испоганила мою жизнь.

Добравшись до квартиры, я позвонил брату. На западном побережье было всего девять часов. Ответила Моника.

— Алло?

— Александр там?

— И тебе привет, Маттиас. Александра нет. Завтра заключение крупной сделки, так что он еще в офисе.

— Моника, ты говорила, что вы с Элизабет были как сестры, правильно?

— Ну, мы были семьей на протяжении восьми лет.

— Да-да, конечно. Ты знала, что Грейс пыталась связаться со мной, и Элизабет каждый раз находила способы укрыть от меня эту информацию? — Я был жестким, в голосе слышалось обвинение. — Ты хоть как-то помогала ей с этим крохотным обманом?

— Постой.

— Ну уж нет. Ты отдала ей гребаную семейную колыбельную. Ты все это время общалась с ней. Ты сама рассказывала мне, как она говорила тебе о Грейс, и что я помешан на ней.

Грейс тебе не нравилась с самого начала, и я знал об этом. Вы обе ревновали к ней.

— Я через две секунды повешу трубку, если ты не замолчишь.

Я тяжело дышал, пульс был ускоренный. Во мне не осталось ничего, кроме яростного гнева и адреналина.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я никогда не ревновала к Грейс. Она в твоей жизни была около пяти минут, и теперь ты меня обвиняешь в чем-то? Элизабет мне не говорила ничего, кроме того, что у тебя есть куча фотографий Грейс, которые ты отказываешься выбрасывать.

— Именно из-за Элизабет я не общался с Грейс на протяжении этих пятнадцати лет. И из-за нее же я, вероятно, до сих пор не женат на Грейс.

Моника тяжело вздохнула.

— Мэтт, ты такой мелодраматичный.

— Я даже не знаю, почему говорю тебе все это.

Моника молчала мгновение, а потом сказала:

— Думаю, потому что мы семья. — Ее слова удивили меня. — Тебе следует поспать, Мэтт. Ты на взводе. Мне жаль, если все то, что ты рассказываешь, правда. Никогда не думала, что Элизабет стала бы что-то скрывать.

— Как и я. Но она скрывала.

— Я передам Александру, чтобы он позвонил тебе, хорошо?

— Хорошо. Спасибо, Моника. Спокойной ночи.

Я пялился в окно до двух часов ночи. В голове был туман, потому что я решил прогуляться и бессознательно добрел до улицы, на которой жила Грейс. Было невозможно тихо, пока я стоял, не сводя глаз с четырех одинаковых коричневых домов. Мне не было известно, в котором из них жила она — все дома были идентичными.

— Грейс! — закричал я.

Стоило позвонить ей и сказать: «Грейси! Грейс, пожалуйста, мне нужно поговорить с тобой!», но если ты очень сильно хочешь поговорить с кем-то в два часа ночи, то лучше нанести личный визит.

— Грейс, пожалуйста!

Мужчина на другой стороне улицы открыл окно и завопил:

— Пошел вон, не то я вызову полицию.

— Давай! — закричал я в ответ.

— Все в порядке, Чарли! — Это был голос Грейс.

Я обернулся и увидел ее в дверном проеме одного из четырех коричневых домов. Я взбежал по пяти ступенькам до самой двери, на грудь давил невидимый груз. Ее лицо было всего в паре дюймов от моего, и она смотрела мне прямо в глаза. На ней была розовая фланелевая пижама с елками. На улице был май. Я улыбнулся.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Я взял ее за руки и опустил взгляд.

— Я хотел поцеловать тебя еще раньше, но струсил.

Приблизившись, я коснулся ее губ легким, нежным поцелуем. Ее губы были мягкими, но движения — нетерпеливыми. Она целовалась так же, как и всегда — страстно. Обняв меня за шею и прижавшись к моему телу, она углубила поцелуй. Грейс провела руками по моим бокам, перешла к талии и в итоге забралась под футболку. Пальцами она нащупала дизайн моего ремня.

Она отстранилась и прошептала мне на ухо:

— Все еще носишь его?

— Ты всегда была со мной, Грейс. Я так и не придумал, как забыть тебя.

Она взяла меня за плечи.

— Что мы будем делать?

— Встречаться?

Грейс расхохоталась.

— Ты хочешь встречаться со мной?

Да я бы прямо сейчас женился на тебе, лишь бы ты согласилась.

— Да, я хочу встречаться с тобой. Ты моя любимая бывшая жена

Она подняла голову, и я взглянул ей в глаза. Было облегчением обнаружить в них озорной блеск.

— Я свободна во вторник после занятий.

— Хочешь встретиться у общежития часа в три?

Она снова засмеялась, но в лунном свете засверкали ее слезы. За один день я вызывал их у нее слишком часто.

— Да, увидимся там.

Я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Прости, что разбудил. Возвращайся ко сну, юная леди. — Я поцеловал ее в нос, развернулся и поскакал по ступенькам вниз. — Вторник, в три, — крикнул я. — До встречи!

— Потихе там! — раздался из окна громкий голос Чарли.

— Иди в постель, Чарли! — в ответ ему крикнула Грейс.

Почему не сейчас?

МЭТТ

Все выходные я посвятил покупке вещей в квартиру, чтобы сделать ее более уютной на случай, если придет Грейс.

Проснувшись утром в понедельник, готовясь к встрече с Элизабет на работе, я чувствовал переполнявшую меня злость. Чтобы выпустить пар, я вышел на пробежку, затем принял душ и направился в офис. На пути к рабочему месту я увидел Скотта.

— Привет, могу я поговорить с тобой? — спросил я.

— В чем дело, мужик?

— Мы можем пойти в твой кабинет?

— Конечно.

Мы сели по обе стороны от его стола, друг напротив друга.

— Я больше не могу находиться в этом офисе. Могу я работать из дома?

Скотт откинулся в своем кресле.

— Бро, последние пару лет ты забрасывал меня многими просьбами.

— Я знаю, прости, но больше не могу мириться с этим офисным дерьмом.

— Вы с Элизабет приняли решение оставить полевую работу и осесть. — Он изогнул бровь, как бы говоря: «Помнишь?».

— Скотт, я собираюсь быть честным с тобой. Дело не в работе в офисе. Думаю, для всех будет лучше, если я не буду работать в том же здании, что и она.

— Серьезно? Мне казалось, ты перенес развод на удивление легко. И прошло уже больше года. Ты действительно так помешался из-за нее?

— Поступила новая информация. Я больше не могу работать в одном помещении с это

психопаткой. — Я улыбнулся, вероятно, становясь похожим на психа.

— Да ладно, Мэтт, давай будем благоразумными.

— Я буду фрилансером, Скотт. Я так уже работал и взял чертового Пулитцера.

Скотт прищурился, присматриваясь ко мне.

— Не угрожай мне, Мэтт.

— Я не угрожаю тебе, и не стану вдаваться в подробности, что именно она сделала.

Хватит того, что она разрушила мою жизнь, и я больше не могу с ней работать, ладно? И не думаю, что так уж неразумно не хотеть работать с беременной бывшей женой и ее новым мужем. Я отправлял чертов запрос еще месяц назад и все еще здесь. Либо она, либо я.

Скотт тяжело вздохнул.

— Мы хотим, чтобы ты оставался в команде, но ты знаешь, что Элизабет никуда не денется. Она беременна. Она засудит нас, если мы попытаемся избавиться от нее.

Я вскинул руки.

— Мне все равно, мужик. Я уйду.

Скотт крутился на кресле, а я наблюдал за ним. Он руками провел по своей сияющей лысой голове, скрестил руки на груди и снова откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, ты можешь работать из дома. Мы никогда так не делали, кстати, и мне нужно, чтобы ты понимал, что получаешь особое отношение. Но это лишь до тех пор, пока мы не придумаем для тебя что-то еще. Тебе нужен ассистент, который был бы уполномочен представлять тебя на встречах, если ты реально не можешь заставить себя притащить свою задницу в это здание. Может, Китти? — усмехнулся он.

Я поднялся и хлопнул в ладоши.

— Это прекрасный, мать его, план, Скотт. Я обожаю тебя. — Я обошел стол, схватил его лицо и поцеловал в щеку. — Я выметаюсь. И, да, я сам найду себе ассистента, — прокричал я через плечо, выходя из его кабинета.

Немного позже, когда я добродушно шествовал по коридору со своими вещами в коробке, я наткнулся на Элизабет. Просто помни: если убьешь ее, сядешь в тюрьму.

— Что это ты делаешь со своими вещами? — Она уперла руку в бедро, преграждая мне путь.

— С дороги.

— Почему ты такой грубый со мной? Я беременна, придурок.

— Я в курсе, как и любой другой зрячий человек. А куда я иду, не твоего ума дело. Пошла с дороги.

— Тебя уволили?

Хоть я отчаянно пытался не обращать на нее внимания, у меня не получилось сдержать себя в руках.

— Я знаю о звонках Грейс, о ее письмах, и что ты прятала их от меня. Спасибо тебе за это.

Элизабет закатила глаза и посмотрела в потолок.

— Ох, да ради бога, я так и знала, что это выплывет. Послушай, когда ты в девяносто седьмом вернулся в Нью-Йорк, ее не было, ты был разбит, твою мать, Мэтт. Мне пришлось подобрать твою извиняющуюся задницу и тащить ее годами. Думаешь, у тебя была бы эта работа, если бы не я? Ты был начинающим алкоголиком, мечущимся как неудачник. Я спасла тебя от саморазрушения. А ее не было рядом.

Я рассмеялся.

— Начинающим алкоголиком? Ты придумала это определение, чтобы оправдать свою ложь? Какая же чушь. Мы с тобой никогда бы не поженились, если бы я знал, что она пыталась связаться со мной.

— Знаешь ли ты, как это жалко звучит?

— Ты всегда выбирала, что лучше для тебя, несмотря на цену. Ты хотела меня и делала то, что считала нужным. Ты хотела ребенка, и раз меня не было рядом, чтобы дать тебе его, ты пошла и нашла следующего добровольца, невзирая на то, что ценой стал наш брак. Это ты жалкая, Элизабет. Не я.

У нее не было слов.

— Мне казалось... ты любил меня. — Это была типичная тактика Элизабет. Она за какую-то секунду могла сменить гнев на обвинение с попыткой вызвать жалость к себе.

— Я любил ту, которой ты, казалось, была, но теперь я понял, что той женщины никогда не существовало. Мне нужно идти. — Я пытался обойти ее, но она снова преградила мне путь.

— Постой, Мэтт.

— Прошу, уйди с дороги.

— Почему она все еще преследовала тебя, зная, что мы были женаты? Это же была общеизвестная информация. Не думаешь ли ты, что это несколько ненормально?

— Ты винишь ее за желание сблизиться? За желание узнать, что между нами произошло? Она была уничтожена, как и я. — Замолчав, я бросил взгляд на растущий живот Элизабет. — Ради этого бедного человека, растущего в тебе, надеюсь, ты научишься хоть чему-нибудь. — Она начала плакать, но меня это не зацепило. — Прощу, Элизабет, убирайся с моего пути.

Я высвободил свой гнев, и теперь все казалось смехотворным. Мне было не до криков, все было похоже на гребаный розыгрыш, совершенный по отношению ко мне. Я мог либо принять происходящее и двигаться дальше, либо дать этой высасывающей жизнь женщине еще секунду, которой она не заслуживала.

Я протиснулся мимо нее со словами:

— Надеюсь, никогда не увидимся.

В Нью-Йорке была весна, и я был волен идти, куда захочу.

Под светом лучей пробивающегося между небоскребами солнца я шел к метро, крепко держа средних размеров коробку, наполненную моими карьерными достижениями. Стоя в поезде, я улыбался, пытаюсь детально восстановить пятничный поцелуй с Грейс. Какими мягкими были ее волосы, которые я пропускал между своих пальцев, и как она, как и пятнадцать лет назад, не открывала глаза еще секунду после завершения поцелуя, словно смакуя его.

Больше никто и ничто не могло встать на моем пути.

Во вторник я отправился на утреннюю пробежку и отсчитывал минуты до встречи с Грейс в три часа дня. Я приехал слишком рано и сидел на ступеньках общежития, пока она не пришла ровно в назначенное время. С последней встречи она ожила, в ее походке была прыгучесть от прежней Грейс. На ней были колготки, юбка в цветочек и свитер. Более взрослая версия университетского стиля. Окинув себя взглядом, я понял, что и мой стиль не сильно изменился: джинсы, футболка и «Конверсы». Неужели и правда прошло столько времени? Доказательствами служили новые морщинки на наших лицах.

Я поднялся и убрал руки в карманы.

— Ты ел? — спросила она.

— Умираю с голода, — солгал я. Мне хотелось делать все, чего бы ни захотела она. — Чего бы тебе хотелось?

— Как насчет того, чтобы взять по хот-догу и прогуляться по парку?

Я улыбнулся. Ничто не могло бы быть лучше. Хотя, с тем же успехом она могла сказать: «Может, прокатимся на гондоле по Венецианскому каналу?», либо: «Может, посидим в Долине Смерти без воды?», — и для меня бы это звучало так же хорошо при условии, что она была бы рядом.

— Отличная идея.

Мы шли плечом к плечу, ведя светскую беседу. Я рассказывал ей о работе, опуская конфликтные моменты с Элизабет.

— Как твои родители? — спросил я.

— Так же, разве что теперь мой отец трезвый, а мама снова вышла замуж. Брат и сестры выросли и разъехались. Ближе всего я со своей младшей сестрой. Она живет в Филадельфии, и мы часто видимся. После смерти Дэна я подумывала о возвращении в Аризону, но слишком люблю Нью-Йорк. У меня здесь друзья, и я никогда не смогу продать дом.

Я ощутил боль в груди. Хотел бы я быть тем, кто купил ей дом.

Мы съели наши хот-доги на ступеньках у фонтана на Вашингтон-Сквер-парк, и стали наблюдать за малышами, плескавшимися в воде. Одна худенькая светловолосая девочка, примерно трех лет, истерично смеялась. Я не преуменьшаю, дико хохотала все пять минут кряду, что ее маленький брат обрызгивал ее.

— Эти детишки очаровательные.

— Ага. Есть косяк? — спросила она обыденно.

— Внезапная смена темы? — Я косился на нее некоторое время. — Стой, ты серьезно?

— Почему нет? — Она потянулась ко мне и указательным пальцем стерла с моей губы горчицу, после чего засунула палец к себе в рот.

Господи Иисусе, женщина.

— Я могу достать, — сказал я, находясь в прострации.

— Может, в следующий раз. — Она бездумно пожала плечами, на мгновение став Грейс из прошлого.

— Ты не переживаешь, что тебя могут увидеть ученики?

— Я тут подумала, что мы могли бы пойти к тебе.

— Ох, конечно. Можем. — Я энергично закивал, как взволнованный школьник. — Да, никаких проблем.

— Смотри! — Она показала на парня, катавшего девушку на спине и наматывавшего круги, пока его подруга довольно визжала.

Грейс улыбнулась, а затем к ее глазам подступили слезы. Твою мать, не плачь, Грейс. Прошу. Я умру.

— Я все еще могу так же. Я не настолько старый, — оповестил я ее.

Она начала смеяться, пока слезы стекали по ее лицу.

— Ладно, Старый Мужчина Шор, я позволю тебе попытаться, но я в юбке.

— Ты что-то говорила о том, чтобы пойти ко мне? — Я изо всех сил старался изобразить самую невинность.

— Верно, если ты хочешь. Мне бы хотелось увидеть твою квартиру.

— Серьезно?

— Конечно. Я хочу увидеть, где ты живешь. Я не предлагаю тебе секс.

— Пф-ф-ф. Я знаю... Я и не думал об этом. — Хотя, я думал именно об этом.

Метро было забито из-за часа пик. Грейс встала передо мной и спиной прижалась к моей груди. Мне стало интересно, закрыты ли ее глаза. Я наклонился и прошептал ей на ухо:

— Мы могли бы взять такси или пройтись. Я забыл, что мы теперь взрослые.

— Мне нравится кататься в метро с тобой.

Я притянул ее еще ближе. Создалось впечатление, что всех тех лет, что ее у меня не было, не существовало.

Когда мы добрались до строения, и двери лифта открылись на четвертом этаже, в мой лофт, Грейс вышла передо мной. Она тут же подняла взгляд и увидела состоящий из балок потолок. Я включил свет.

— Это потрясающе, Мэтт.

— Мне он нравится.

Небо пока еще не полностью заволочло тьмой, рассеянный свет проникал в комнату. Грейс подошла к окну.

— Отсюда, наверное, можно увидеть крышу моего дома.

— Не получится. — Она повернулась и улыбнулась. — Налить тебе бокал вина? —

спросил я.

— Было бы замечательно.

Грейс решила прогуляться по лофту, а я направился на кухню. Спальня плавно переходила в кухню, та в гостиную комнату, а гостиная — снова в спальню, и все это огромное пространство с высоченными потолками было разделено всего несколькими брусьями. Разлив вино, я стал наблюдать за ней, как она рукой проводила по белому одеялу.

— У тебя очень милое жилье. Мне нравится грубый стиль. Обычно люди такие квартиры стремятся оформить в современном стиле.

— Можешь называть меня старомодным.

— Не думаю, что ты старомодный. — Она встала у стены и уставилась на фотографию, которая принесла мне столько наград.

— *Passé*?¹⁷ — спросил я, протянув ей бокал. Проходящее?

— Вечное, — ответила она с ухмылкой.

Мне вдруг захотелось, чтобы она говорила о нас. Разве мы не такие? Не вечные? Ничто не может изменить того, что происходило с нами все эти годы, даже если между нами витала мысль о том, что могло бы быть.

— Ох, ну, спасибо. Сентиментальное заявление.

Грейс указала на фотографию.

— Но это... это мощно. Ребенок и оружие... — Она покачала головой. — Очень трагично. Ты был напуган, когда делал снимок?

— Нет, не был. Иногда камера кажется щитом. В начале, когда я был в местах вроде этого, я часто рисковал.

— Как думаешь, ты возьмешь еще одного Пулитцера?

— Это вроде как бывает раз в жизни, но мне бы хотелось вернуться в поля.

— Готова спорить, что некоторые из лучших фотографий просто счастливая случайность.

— Как и жизнь. — Я сделал шаг к ней навстречу и убрал прядь ее волос за ухо. — Я хочу поцеловать тебя.

Грейс быстро глотнула вина.

— Эм... ты ходил на какие-нибудь представления?

Я усмехнулся.

— Ты потрясающе меняешь тему.

— Не думаю, что долго смогу противиться тебе, и я правда хочу... — Она сглотнула и оглянулась.

— Чего, Грейс?

— Правда хочу исправить все. — Разговор заставлял ее нервничать, ее грудь тяжело вздымалась и опускалась.

— Ты о чем?

— Ты был моим лучшим другом. — Она утерла слезы и отвела взгляд.

— Прошу, не плачь.

Когда наши взгляды встретились, я увидел в ее глазах решительность и пылкость.

— Мэтт, я пытаюсь рассказать тебе кое-что.

Я заключил ее в объятия и прижал к своей груди. Она хотела, чтобы мы не спешили, как в прошлом, когда нам было достаточно быть друг с другом, танцевать, петь, исполнять музыку и делать фотографии. В том-то и проблема взрослых. Вы не медлите, потому что вам кажется, будто ваши дни сочтены, даже несмотря на относительно молодой возраст тридцати шести лет. Вам кажется, будто вы знаете всю подноготную человека, его душу и сердце уже после пятиминутного разговора.

Отстранив Грейс, я стал изучать ее лицо.

— У меня есть идея. Жди здесь, устраивайся поудобнее, снимай обувь. — Я указал ей на полки с виниловыми пластинками. — Выбирай запись. Я скоро вернусь.

Я ушел из лофта, вызвал лифт, пересек улицу и преодолел три лестничных пролета за одну минуту. Рик Смит был единственным известным мне курильщиком в радиусе пяти миль. Я забарабанил в его дверь.

Он открыл, явив себя мне в шортах, разноцветной повязке на голове и без футболки. Для писателя сорока с чем-то лет, покидающего дом, только чтобы выгулять кота по имени Джеки Чан, его тело было слишком загорелым.

— Мэтт, мужик, в чем дело? — спросил он на выдохе.

— Прости, Рик, я побеспокоил тебя?

— Нет, нет, я занимался тай-бо.

— Ого, тай-бо. Оно еще существует?

— Ну, тай-бо и не исчезало, это упражнения, брат. Заходи. — Он приоткрыл дверь пошире. Я никогда не был у него в квартире, только у двери. Однажды я возвращал Джеки Чана, когда тот сбежал.

Было ощущение, словно я вернулся в прошлое, и мне это нравилось. Все в его квартире было старым, но в отличном состоянии. На телевизоре «Тошиба», стоявшем в углу, на паузе посреди упражнения застыл Билли Блэнкс. Рик занимался по очень старому видео с тай-бо.

— Это VHS?18

— Ага, мой видак работает как мечта. Зачем избавляться от него, понимаешь?

— Понимаю. — Мне казалось, его квартира должна быть похожа на барахолку, но она была совсем не такой.

Он прошел на кухню и схватил бутылку воды из холодильника.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище. Могу я предложить тебе воды или настойку из пырея? У меня есть эмульсификатор, если хочешь, чтобы я выжал тебе свежий сок.

— Ой, спасибо, Рик. Ты слишком добр. — Да он помешан на здоровье. Слишком запоздало до меня дошло, что прежде, чем приходить к нему просить косяк, надо было прочитать одну из его книг.

— Так чем обязан?

— Итак, эм, я, в общем, не знаю, как сказать, но... у меня дома старый друг, и мы...

— Вам нужна дурь?

— Да! — Я тыкнул в него пальцем так, словно он выиграл в шоу «Угадай цену». Никто больше не использует терминдурь, но какая разница.

— С чего ты взял, что у меня что-то есть? Думаешь, я торчок какой-то? Думаешь, я какой-то наркоторер? — Его лицо было непроницаемым.

— Вот дерьмо. — Я мог поклясться на библии, что каждый раз, когда видел его, его глаза были покрасневшими и навывкате, и что от него несло травкой.

— Ха! Шучу, бро. Я дам тебе косяк. — Он усмехнулся и, проходя мимо, стукнул меня по плечу. — Секунду.

Он вернулся, принес с собой пузырек из-под таблеток без этикетки. Внутри я видел ростки. Подняв пузырек к моему лицу, он заговорил:

— Слушай меня внимательно. Это «Король Куш». Медицинская марихуана. Я получил ее в первой аптеке с медицинской марихуаной на восточном побережье. Я арендовал машину и катил до самого Мэна, чтобы достать это дерьмо. Не шляйся нигде, не отсвечивай, ты меня понял? — Его глаза-бусинки прожигали меня насквозь как лазеры.

— Рик, я не знаю. Ты начинаешь пугать меня.

— Это забористая вещь. Тебе понравится, и ты меня поблагодаришь. — Он вытащил пачку листов из комода и протянул их мне. — Нужно?

— Ох, да. — Я взял листы, травку и распихал все по карманам.

— Закатывай тоненько, мужик, и первый выкури с приятелем напололам, прежде чем закрутить второй.

— Что, если мой приятель — полутораметровая миниатюрная блондинка?

— С ней все будет в порядке. Женщины обожают это дерьмо.

Направляясь к двери, я развернулся.

— Рик, я не знаю, как благодарить тебя.

— Ох, не парься. Считай это расплатой за то, что вернул тогда Джеки Чана.

Грейс в моей квартире сидела на диване, закинув ноги в колготках на кофейный столик. Она включила 19, ее глаза были закрыты, голова покоилась на спинке дивана: казалось, она чувствовала себя как дома. Боже, я люблю ее.

— Угадай, что? — Я протянул косяк.

Грейс подняла на меня взгляд.

— Мы накуримся и будем танцевать?

— Желательно голые.

— Не испытывай судьбу.

Я встал на колени у столика и закрутил крайне неидеальный косяк. Все это время Грейс хихикала.

— Не смейся надо мной.

— Давай сюда. — Она взяла новый лист и скрутила милый, тонкий, совершенный косяк.

— Грейс, почему у тебя так хорошо получается?

— Мы с Тати как-то баловались. Как бы так сказать, вроде как каждое первое воскресенье месяца.

— Ты шутишь? Только Татьяна могла выбрать такое специфическое время для курения травки.

— Ага, кое-что никогда не меняется. — Она прикурила и сделала затяжку. Удерживая дым внутри, она тоненьким голосочком продолжила: — А кому надо, чтобы оно менялось?

Мы накуривались, и обстановка менялась. Я поставил Стиви Уандера «Superstition» (Прим. пер.: «Предрассудки»), Грейс поднялась и начала танцевать. Она размахивала волосами, а я с трепетом наблюдал за ней и задавался вопросом, какого хрена вообще отпустил ее.

— Потанцуй со мной, Мэтт.

Я поднялся, и мы танцевали до самого конца песни, после чего заиграла «You Are the Sunshine of My Life» (Прим. пер.: «Ты сияние моей жизни»). Мы застыли, уставились друг на друга, и Грейс согнулась пополам.

— Это такая глупая песня.

— Грейсленд Мари Старр, это прекрасная песня. Это же классика. — Я взял ее за руку и закружил, после чего прижал к своей груди и сделал несколько преувеличенно активных движений.

— Портер.

— Что? — Я сделал вид, что не услышал. — Должно быть, музыка слишком громкая, что ты сказала?

Она покачала головой и позволила закружить себя, пока у нас не пошла кругом голова, и пока мы не вымотались вконец.

Час спустя мы обнаружили себя на моей кухне, мы сидели на полу и ели виноград с сыром. Грейс спиной прислонилась к холодильнику, вытянув ноги перед собой, а я сидел напротив нее, спиной упершись в шкаф.

Она бросила виноградину вверх, а я поймал ее ртом.

— У меня есть идея... — начала она.

— Рассказывай.

— Давай сыграем в игру. У тебя есть повязка на глаза? — Я пошевелил бровями. — Это не то, о чем ты думаешь.

Я вытащил длинное красное полотенце для посуды из сушилки и протянул его ей. Она наклонилась, встала на колени и начала повязывать мне голову.

— Ты меня пугаешь, Грейс.

— Мы будем играть в «Угадай, что я кладу тебе в рот».

— Господи Иисусе. Звучит как игра, которая мне понравится.

— Не перевозбудись.

Слишком поздно.

Я слышал, как она шастала по кухне, и спустя пару минут Грейс уселась рядом.

— Ладно, открывай.

Я ощутил холодную ложку на своем языке. Что-то вылилось из нее и потекло мне в горло. Это было что-то непонятное и противное, а от консистенции меня заколотило.

— Гадость, что это?

— Ты должен угадать, в этом смысл игры.

— Виноградное желе и соевый соус?

Она убрала повязку, и я увидел ее восторженное выражение лица.

— Верно! Я думала, это будет невозможно.

Я помотал головой.

— Это не так весело, как я думал.

— Стой, у меня есть еще.

— Нет.

— Всего разочек? — прошептала она.

— Ладно. — Я натянул повязку обратно.

Она начала носиться туда-сюда, вернувшись ко мне всего через мгновение.

— Открывай, Мэтти.

У меня во рту оказались ее пальцы, и словно их собственной сладости было недостаточно, они были в «Нутелле».

— «Нутелла а-ля Грейс»?

Грейс сняла повязку, ее лицо светилось.

— Моя очередь, — сказал я, завязывая ей глаза. Я встал, сделав вид, что полез за чем-то в шкаф, и сел обратно. — Готова?

— Еще бы!

Она открыла рот, и я поцеловал ее, начав с нижней губы. После я перебрался к ее шее, затем снова вернулся к ее рту, наши языки сплелись в танце, а наши руки потерялись в волосах друг друга.

Мы целовались на полу моей кухни, когда внезапно Грейс все прекратила.

— Проводишь меня?

Я отстранился, изучая ее лицо.

— Конечно. Ты же знаешь, что можешь остаться, если хочешь. Никаких приставаний, обещаю.

— Мне нужно домой.

— Хорошо. — Я протянул руку, помогая подняться ей на ноги. Грейс взяла свою сумочку, проверила телефон и закинула в рот мятную конфетку.

— Ты с кем-то встречаешься?

— Мне казалось, я встречаюсь с тобой, — ответила она.

— Верно. Мы встречаемся. Очень медленно.

— Ты давишь на меня, Маттиас? Когда тебе был двадцать один, ты был терпеливее. Что случилось? — В ее голосе звучала издевка. Я рассмеялся.

— Ну, тогда я не знал, что упускаю. Теперь знаю.

Мы ушли из лофта и направились к ее дому. Когда мы дошли до ступенек ее коричневого дома, я повернулся к ней.

— Хочешь поужинать в пятницу?

— С радостью. — Она приблизилась ко мне и прижалась к моим губам в долгом поцелуе. — Я сегодня повеселилась.

— И я. Это был лучший опыт шесть плюс за очень долгое время.

— Грязные слова, провокационные танцы, сосание пальцев и наркотики достойны как минимум тринадцати плюс, — сказала она, прежде чем прижаться к моей щеке в последнем поцелуе.

— Спокойной ночи, Грейси.

— Спокойной, Мэтти.

Я пришел домой, лег в постель и заснул с улыбкой на лице.

На пятницу я забронировал столик в маленьком японском ресторанчике, находившемся недалеко от нас обоих. Когда я подошел к дому Грейс, чтобы забрать ее, она уже ждала меня на ступеньках, одетая в кожаную куртку и платье, которое напомнило мне то, что сводило меня с ума еще в университете.

— Ты выглядишь потрясающе.

— Ты тоже.

Она взяла меня за руку, и мы пошли, и говорили мы обо всем, что произошло с нами за неделю. Мы ели суши, пили много sake, и я кормил ее со своей тарелки. После ужина мы зашли в бар, в котором группа исполняла госпел²⁰ и блюз. Был период, когда мы ничего не говорили друг другу, позволяя музыке увлечь нас, и было время, когда мы истерически хохотали, перекивая песни.

К одиннадцати мы были довольно пьяными. Когда я целовал ее у бара, Грейс остановилась первой и отправилась дальше.

— Куда мы теперь?

Она повернулась, схватила мое лицо и снова прижалась в сильном поцелуе.

— В мою кровать, Мэтт. Вот куда мы.

От одной лишь мысли мое сердце затрепетало.

— Отличная идея.

Я последовал за ней по лестнице к ее двери, отчаянно пытаюсь держать себя в руках и не казаться нетерпеливым. Очугившись в ее квартире, мне пришлось прищуриваться, чтобы вглядываться в тьму. Я обернулся вокруг и заметил ее силуэт, обрамляемый светом, падающим из окна двери по соседству. Она бросила ключи на столик у входа, после которых в том же направлении полетела ее куртка. Грейс скинула обувь, стянула колготки, затем через голову сняла платье и отбросила его в сторону следом за прочими вещами.

Моя челюсть валялась на полу.

Я поймал ее, когда она прыгнула мне на руки, обвив меня ногами, руки она погрузила в мои волосы, а ее сладкие губы накрыли мои. Я прошел по темному коридору и посмотрел наверх.

— Нет, моя комната здесь. До конца коридора и налево.

Прижимая ее к стене, я стал расцеловывать ее от рта до шеи, затем переместился к ее уху и спустился к плечу, где попытался перевести дыхание. Когда я поставил ее на ноги, она схватилась за мою рубашку и стащила ее через голову, после чего взяла меня за руку и повела в свою спальню.

Стоя у кровати, она тянула мой ремень, предпринимая попытки справиться с ним.

— Притормози, Грейси.

— Никто раньше не говорил мне этих слов.

Она одолела мой ремень, стянула с меня штаны, а за ними и боксеры, и я снял обувь. Она отличалась от Грейс из университета. Теперь я это заметил. Она была увереннее, самонадеяннее.

Я схватил ее лицо двумя руками. Даже в темной комнате с проникающим в окно мягким светом уличных фонарей мне было видно, что ее глаза сияли подобно бриллиантам, и в них читалось удивление.

— Я хочу замедлиться, иначе тебе не будет весело, — сказал я.

Она кивнула, и мы снова стали целоваться, но на этот раз слаще и медленнее. Я рукой провел по ее шее, выводя линию до ее груди, кончиками пальцев скользя вдоль ее лифчика. Пока я расстегивал его, то прокладывал дорожку поцелуев от ее шеи вниз, после чего дал ткани упасть на пол. Неким невероятным образом сейчас она была еще привлекательнее, хотя я и не подозревал, что это возможно. Ее тело по-прежнему было нежным и гладким, но вдобавок оно было женственным, сильным, изящным, и прекраснее него я ничего не видел. Во мне зародилось желание найти фотоаппарат, но желание прикоснуться к ней было сильнее.

— Боже. — Все, что я смог сказать, когда Грейс прижалась ко мне, снова закрыв мой рот поцелуем.

Я отстранился.

— Дай взглянуть на тебя.

Упав на колени, я прихватил ее трусики с собой, оставляя поцелуи на ее животе, ее бедрах, на местечке между ее ног. Не было ни единого звука, кроме звука моих поцелуев и ее

мягкого дыхания, становившегося все быстрее, все интенсивнее, пока из ее горла не вырвался стон.

— Я хочу тебя, Мэтт. — В ее голосе слышалось напряжение.

Мои руки двигались в своем собственном ритме. Я сел на край кровати, и Грейс села мне на колени, ногами обхватывая мою талию. Она начала двигаться, а я думал о том, что вот-вот подойду к концу.

— Грейс?

— Ш-ш-ш, Мэтт. — Она рукой провела по моему подбородку. — Мне так нравится. Это сексуально. Ты сексуальнее, тверже... больше. — Она захихикала.

Мне хотелось быть в ней сильнее всего.

— Мне нужно кое-что сказать, — заговорил я.

— Хорошо. — Она поцеловала меня в шею намного медленнее, но продолжила искусно двигать своим телом.

— На протяжении пятнадцати лет я частенько думал, как занимаюсь с тобой этим. Это странно?

Она отклонилась и улыбнулась.

— Если ты странный, значит, и я тоже.

— Да... но мне в тебе это нравится, — усмехнулся я.

Она терлась о меня бедрами, и я застонал.

— Займись со мной любовью, — попросила она.

Я лицом уперся в ее шею, лихорадочно усыпая ее поцелуями, после чего встал, все еще заключенный в объятия. Я положил Грейс на кровать и сделал шаг назад, чтобы полюбоваться ею. Она села и потянула меня к себе, к своему теплему телу, широко расставив ноги и приглашая меня. Она направила меня в себя, и как у любого другого мужчины, все мои мысли унеслись прочь.

— Ты прекрасна, — прошептал я, замедляясь, чтобы предотвратить преждевременное постыдное окончание. Два аккуратных движения и все было снова под контролем, но Грейс требовала большего.

— Ну давай же, Мэтт.

— Ощущать тебя так приятно, — прошептал я ей на ухо.

Я губами коснулся ее шеи, и Грейс изогнулась, головой упершись в постель. Я чувствовал, как она пульсировала вокруг меня, а сам растворялся, на какое-то время умирая.

Я упал на нее, тяжело дыша. Она потянулась и схватила меня за руку, зажав ее между нами, словно ей было необходимо за что-то держаться. Я перекатился на бок.

— Я никуда не уйду, Грейс.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Что бы ни случилось?

Я притянул Грейс в своей груди и крепко обнял ее.

— Да что с тобой происходит?

Она лицом прижалась к моей груди.

— Я никогда не верила, что ты мог уехать вот так. Мне пришлось принять это, но тебя не было рядом, чтобы сказать, правда там была написана или нет. Письмо было так непохоже на тебя, такое непонятное. Мне не верилось, что ты мог говорить такие вещи. В какой-то момент я поняла, что не живу. Мне пришлось оставить мысль о том, что мы будем вместе, чтобы подарить Дэну ту любовь, которую он заслуживал. Но я никогда не прекращала думать о тебе.

— Я знаю, Грейс. Я тоже. Мне очень жаль. Элизабет перевернула мою жизнь с ног на голову. Хотел бы я знать обо всем раньше.

— Она перевернула не только твою жизнь.

— Я знаю и ненавижу ее за это.

— Это волновой эффект²¹, Мэтт.

— Я знаю, и мне жаль. — Я мягко поцеловал ее в лоб. — Но я больше не хочу жить в прошлом. Теперь мы вместе. Я просто хочу заснуть, обнимая тебя, хорошо?

Грейс прижалась ко мне теснее.

— Хорошо.

Ее дыхание выровнялось, а тело расслабилось. Это было последнее, что я запомнил перед тем, как проснуться в ее постели в одиночестве.

Кем, ты думала, я был?

МЭТТ

В утреннем свете спальня Грейс была яркой, и я окинул взглядом окружающую меня обстановку в первый раз. Здесь был антикварный комод, цветочное одеяло, на стенах висели картины французских пригородов, нарисованных в импрессионистском стиле — очень спокойное оформление для кого-то вроде Грейс.

Когда я услышал, как она гремит на кухне, я слез с кровати, чувствуя воодушевление. Натянул джинсы, обулся и попытался найти рубашку, но не смог. Дверь была приоткрыта, и я решил выйти в коридор. На другом его конце была кухня. Я увидел Грейс за маленьким круглым столом, она потягивала кофе, сидя в халате и розовых тапочках, ее волосы были собраны в пучок на макушке. Когда дверь скрипнула, она подняла взгляд. Запах кофе манил меня, но когда я ступил в коридор, то зацепился за кое-что взглядом.

Стены были покрыты фотографиями. Справа было черно-белое фото Грейс и Татьяны на балконе в Париже, с Эйфелевой башней на заднем плане. Эти пышущие молодостью лица я знал. Я улыбнулся и посмотрел на Грейс в конце коридора, сидевшую с непроницаемым выражением лица.

Я увидел очередное фото, где Дэн дирижировал, а Грейс сидела с оркестром, ее смычок был прижат к виолончели.

Затем я увидел фото Дэна и Грейс, сидящих в парке, и на коленях у Грейс был ребенок. Я подошел ближе и уставился на фото, а мысли пустились вскачь. У них ребенок? Я спрашивал ее о том, есть ли у них ребенок?

Там же было еще одно семейное фото с ними тремя, но маленькая девочка была старше, может, лет пяти, и сидела она на плечах у Дэна, когда они были в Вашингтон-Сквер-парке. А затем еще один снимок, где девочка еще старше, наверное, ей восемь. Я посмотрел на Грейс, в чьем взгляде читалась такая усталость, которой я прежде не видел никогда.

По дороге к кухне девочка становилась все старше, пока, в конце коридора, перед глазами не появилась школьная фотография подростка лет пятнадцати с длинными светлыми волосами Грейс, ее губами и ее же светлой кожей. Но скрутило меня от ее глаз.

Они не были невероятно зелеными, как у Грейс, или тускло-голубыми, как у Дэна.

Они были очень темными, почти черными...

У нее были мои глаза.

Я рукой закрыл рот, когда из груди вырвался стон. До меня донеслось шмыганье, и я оглянулся, увидев Грейс, обливавшуюся слезами. Выражение ее лица по-прежнему было непроницаемым, словно она училась контролировать его, даже несмотря на рыдания.

Я моргнул, когда слезы потекли из моих собственных глаз.

— Как ее зовут?

— Эш22,— прошептала Грейс. Она уронила голову на руки и захлебнулась в рыданиях.

О, мой бог.

Я прижал руку к сердцу. Свидетельство того, что жизнь пылает ярко.

— Я пропустил все, Грейси, — сказал я, не отходя от шока. — Все пропустил.

Грейс подняла взгляд.

— Мне так жаль. Я пыталась рассказать тебе.

Я смотрел на нее как будто целую бессловесную вечность.

— Недостаточно усердно.

Она разрыдалась еще громче.

— Мэтт, прошу!

— Нет... ты не можешь. Какого хера? Что случилось?

— Я хотела рассказать.

— Я схожу с ума?

— Нет, послушай, — молила она.

Я больше не смотрел на нее. Больше не мог смотреть на нее.

— Никаких разговоров. Ох, господи, что происходит? — У меня есть дочь, чье детство я пропустил.

Я направился к входной двери и побрел домой без рубашки и с затуманенным взглядом. Я снова и снова повторял в голове: «У меня есть дочь, у меня есть дочь, у меня есть дочь».

Следующие шесть часов я провел в лофте, напиваясь водкой прямо из бутылки. Я наблюдал за снующими по улицам людьми, за отцами, держащими своих дочерей за руки, за влюбленными парочками. Внутри у меня плескалась злость на Грейс и Элизабет. Я чувствовал себя беспомощным, словно эти две женщины выстроили всю мою взрослую жизнь безменя.

Я позвонил брату, но попал на голосовую почту.

— Ты дядя, — сказал я твердо. — Грейс пятнадцать лет назад родила ребенка, а я-то думал, что Элизабет хранит от меня тайны. Теперь у меня есть дочь подросток, которую не знаю **ВООБЩЕ**. Я облажался. Поговорим позже.

Он не перезвонил.

Я прятался в квартире все выходные, почти не трезвея.

Утром в понедельник я разнес коробку пиццы и проломил дыру в стене. Мне показалось, что ощущения были не плохими, потому я повторил действие, а затем на протяжении нескольких часов пытался заделать дыры. Я подумывал позвонить Китти или по одному из номеров «Голос Гринвич-Виллидж»²³, но вместо этого пошел в магазин с алкоголем и купил пачку сигарет. Я не курил больше десяти лет, но это как езда на велосипеде. Серьезно.

На скамейке у своей высотки я курил одну сигарету за другой, пока не позвонил Скотт.

— Алло?

— Ты захочешь меня расцеловать.

— Скорее всего, нет.

— Чего такой грустный? Скучаешь по подвуфке? — заговорил он детским голосом.

— Нет. Чего хотел?

— Есть хорошие новости.

— Говори.

— Есть кое-что для тебя в Сингапуре.

Я не колебался ни секунды.

— Беру. На сколько?

— Ого, ты и правда хочешь убраться из Нью-Йорка? В общем, нет никаких «на сколько» — это постоянная работа. Ты будешь работать на производстве серии выпусков о Сингапуре, но на выходных сможешь ездить на съемки. Это отличная местность.

— Замечательно. Когда? — Никогда не думал о себе, как о человеке, способном сбегать от чего-то, но я был беспомощным и потерявшим надежду. Я чувствовал себя заточенным зверем.

— Осенью.

— Так нескоро?

— Молящие не могут выбирать.

— Ладно, я согласен. — И повесил трубку.

Грейс несколько раз пыталась дозвониться, но я не отвечал, а она не оставляла голосовых сообщений. Наконец, в десять вечера она написала сообщение.

ГРЕЙС: Эш очень сильная и волевая девочка.

Я: Хорошо.

ГРЕЙС: Мне жаль, что вывалила на тебя все вот так. Она просила передать тебе, что, если ты не хочешь знать ее, то должен сказать ей это в лицо.

Я: Грейс, раз на то дело пошло, почему бы тебе не прийти и не отрезать мои яйца или не украсть почку?

ГРЕЙС: Мне очень больно из-за всей ситуации, но Эш не заслуживает такой боли. Она твоя кровь и плоть.

Я не знал Эш, но внезапно от мысли о том, что я причина ее боли, мне самому стало паршиво. Я знал, что должен увидеться с ней.

Я: Ладно, я встречусь с ней. Во сколько она завтра вернется из школы?

ГРЕЙС: Три тридцать.

Я: Я не хочу тебя видеть.

ГРЕЙС: Это нормально.

Когда я на следующий день подошел к дому Грейс, то увидел в окно прибывавшего такси девочку. Эш. Хотелось бы, чтобы у меня было пять дополнительных минут для подготовки, чтобы знать, что сказать, как пояснить этому ребенку, что жизнь отстой и уже слишком поздно возвращаться в прошлое, чтобы все исправлять, и что нужно забыть обо мне.

Она вышла из такси и промаршировала прямо ко мне.

— Привет, — поздоровалась она, протягивая руку. — Я Эш. — Она была смелой и

уверенной в себе. В отличие от матери.

— Привет... Эш. — Я все еще пробовал, как звучит ее имя. Мое лицо застыло от любопытства и ужаса.

Она не улыбалась, но и не злилась. В ее лице читалась мягкость.

— Просто чтобы ты знал, мама мне все рассказала, и я видела твои фотографии.

— Это хорошо.

— Хочешь кофе или еще чего-то? — Она изогнула брови. Я был ошеломлен ее дружелюбностью. — Ты в порядке? — уточнила она.

Разве не я должен спрашивать ее об этом? Мне казалось, что я буду вести беседу.

Она была выше Грейс и носила майку, я мог видеть ее лифчик. Я думал, что она не может быть моей дочерью по-настоящему, но каким-то образом чувствовал, что она моя. Как у меня могла быть дочь ее возраста? Вдруг я почувствовал себя старым. Девочка служила напоминанием тому, что мы с Грейс упустили.

— Сколько тебе? — спросил я, хотя уже знал.

— Пятнадцать.

— Пятнадцать, переходящие в двадцать пять?

— Я быстро расту, — ответила она. — Ты собираешься начинать делать все эти отцовские вещи? Потому что я не против, но, думаю, нам следует начать с кофе.

— Тебе можно пить кофе?

Она рассмеялась. Думаю, ей нравилось, что я был смущен.

— Ага, мне можно пить кофе с десяти лет. — Мимо прошел мужчина и посмотрел на меня с подозрением. — Здесь не на что смотреть, Чарли, — сказала Эш. Она наклонилась ко мне. — Не беспокойся о нем, ему просто скучно.

Я кивнул. Это мой ребенок. Это моя дочь. Вытянув указательный палец, я ткнул ее в плечо.

— Я настоящая, — подтвердила она, посмеиваясь. — У тебя есть ребенок.

— Вообще, не совсем ребенок, не находишь?

— Наконец-то! Уважение, которого я заслуживаю.

Я нервно рассмеялся. Мне не верилось, насколько быстро она мне понравилась. Она была

забавной и милой, и настолько похожей на Грейс в молодости. После нескольких неловких моментов она начала подниматься по ступенькам.

— Эш, мне многое предстоит узнать.

— Я не буду убита, если ты не захочешь иметь со мной ничего общего.

Я схватил ее за руку и развернул к себе. Я только что понял, что хотел бы иметь с ней что-то общее, но не знал, как сказать об этом.

— Слушай, я узнал о твоем существовании меньше недели тому назад. — Она устремила взгляд на мой захват, затем подняла взгляд, прищурилась и стала что-то выискивать. Я тотчас же узнал в ее выражении лица себя. — Прости, — сказал я, глядя на свою руку так, словно не я контролировал ее. — Идем, выпьем кофе.

Она фыркнула.

— Ладно, ладно. Дай только закинуть сумку домой и поставить в известность маму.

— Хорошо, — кивнул я, отметив, что она сказала не «мою маму», а «маму», как будто говорила одному родителю о другом.

Мой разум даже не предпринял попытку проанализировать собственные чувства. Я смотрел на дверь, пока Эш не вернулась. Она собрала волосы в пучок на макушке, как делала ее мама. Она прищурилась и нахмурилась, отдавая мне мою рубашку.

— Господи, она там разбита. Пора идти.

— У нас с твоей мамой кое-какие проблемы...

— Сложные дела взрослых, — перебила она меня, прежде чем развернуться и пойти по тротуару вперед. — Идем.

Я забрал рубашку и последовал за Эш, как какой-то щенок. Она шла уверенно, даже не оглядываясь назад, а я тащился за ней.

— Идем, тут всего два квартала пути. Ты собираешься плестись позади все время?

Я ускорился, чтобы идти рядом.

— Итак, расскажи мне больше о себе. Ты музыкант, как твоя мама?

— Я умею играть на пианино, но нет. Предпочитаю визуализацию, думаю, я скорее похоже на тебя.

— Да? — Я услышал надежду и гордость в своем голосе.

— Ага. Надеюсь, это приведет к чему-то хорошему. — Я не понял, что она имела в виду. Она продолжала идти. — Думаю, я хочу стать графическим дизайнером.

— Это замечательно. Ты хорошо учишься?

— Школа для меня всего лишь этап. Вообще-то, скучно, но я справляюсь. Не похоже, чтобы у меня был выбор.

Да кто она такая?

Эш указала на соседнее кафе, и мы пошли туда. Она заказала латте и булочку, а я — обыкновенный черный кофе. За стойкой находился симпатичный молодой человек, и я заметил, как Эш стреляла в него глазками. Я разглядывал ее, пребывая в шоке. Девочки-подростки относятся к совершенно иному виду.

— Что? — спросила она.

— Эм, ничего.

Мы сели за маленький круглый столик у окна и огляделись.

— Хороший день. Обожаю весну.

— Мы собираемся говорить о погоде? — спросила она прямо, хоть и спокойно. Я так и не привык к тому, какой прямолинейной она была.

— Для таких ситуаций нет инструкций, Эш.

— Я знаю и пытаюсь быть сопереживающей, но ты взрослый мужчина...

Я усмехнулся.

— Ты права.

— Слушай, я знаю историю. Мама была со мной предельно честной, пока я выросла, и теперь мы оба знаем, что ты и не подозревал обо мне.

Я ощутил облегчение. Ей без проблем удавалось снять напряжение.

— Все так, да.

— Никто тебя не винит.

— Я об этом и не переживал. Но раз ты упомянула об этом: что ты думала обо мне, когда считала, что я не хочу иметь с тобой ничего общего?

— Ну, у мамы вроде как есть книга о тебе. Она начинается с кучи фотографий, заметок и

других вещей со времен университета, а затем она собирала статьи о тебе и твоих работах и добавляла их туда. — Мысль о том, что Грейс это делала, сразила меня. — Она водила меня посмотреть некоторые из твоих фото, когда те были на стенде в деловой части города, но не слишком распространялась о твоей жизни.

— Да, но что ты думала?

— Честно, моя мама всегда была о тебе довольно высокого мнения, но история ваших отношений преподносилась скорее как предостережение. Как урок, который нужно усвоить. Она не винила тебя, даже когда не знала правду, так что я не особо думала обо всем этом — просто считала, что у тебя сумасшедшая карьера и что дети — не твои.

Я уставился в окно за ее плечом.

— Я хотел детей...

— Мама не знала об этом, так что тебе не стоит винить ее. Она всегда говорила, как сильно хотела меня. Говорила, что когда люди... ну, знаешь... делают это, — ее щеки порозовели, — их мысли о детях и будущем должны быть схожими. Думаю, она считала, что ты знаешь обо всем благодаря письмам и просто не хочешь быть папой.

— Это не так.

— Я была серьезной, когда говорила, что она не была о тебе плохого мнения. Я достаточно умная, чтобы понять это, ведь часть меня от тебя; если бы она думала плохо о тебе, то это относилось бы и ко мне.

Во мне бушевали все возможные чувства в одно и то же время, включая любовь. Я испытывал любовь к этому милому ребенку, сидевшему напротив, и защищавшему и меня и свою мать одинаково самоотверженно и с пониманием.

— Ты очень умная. — Горло сдавило. — Ты похожа на свою маму. Такая же проницательная и сообразительная. — Я взял себя в руки. — А твое детство... каким оно было?

— Хорошим. То есть папа любил меня, и мама давала мне все самое лучшее. У меня было все, в чем я нуждалась. — Эш глотнула кофе.

— Какая у тебя фамилия?

— Портер.

Я ощутил ком в горле.

— Ну конечно.

— Просто так было проще. Хотя ты указан в моем свидетельстве о рождении.

— Указан?

— Ага. Папа пытался удочерить меня раз пять точно. Именно поэтому в конце его жизни мама так усердно пыталась связаться с тобой, тебе нужно было отказаться от родительских прав в его пользу, чтобы он мог официально удочерить меня. Мне было все равно, потому что он всегда был моим папой. В отличие от меня, для него этот клочок бумаги имел большое значение.

— Мне так жаль, Эш. Я не знал. Я даже не могу объяснить, как я сожалею.

Ее глаза слегка увлажнились, но она не позволила себе заплакать. Я был близок к нервному срыву, я чувствовал злость ко всем, включая Дэна. Он уже был мертв, так что я не мог убить его, но где-то глубоко, невзирая на шок, я начал осознавать, что должен быть ему благодарен. В конце концов, он вырастил мою дочь тем человеком, к которому я проникся симпатией сразу же.

Эш откусила от булочки, улыбнулась и, жуя, посмотрела в окно. Создавалось впечатление, словно я смотрю на Грейс в прошлом, но с моим цветом глаз и с едва различимой ямочкой на подбородке, как у меня.

— У тебя есть искривленные пальцы?

— Вообще-то, есть. У меня искривленный указательный палец на ноге. Спасибо за это, кстати. — Мы оба рассмеялись, но затем снова затихли.

— Каким он был?

— Кто?

— Твой отец.

Она посмотрела мне прямо в глаза, смело, как ее мама.

— Теперь ты мой папа... если хочешь.

Вот и все. Я начал плакать. Я не шмыгал, но слезы струились по моему лицу, а горло было настолько сдавленным, что я рисковал перестать дышать. Я потянулся через стол, взял ее за руку и закрыл глаза. Я понял, что хочу, чтобы Эш была в моей жизни. Боль от пропущенного детства этой девочки убивала меня.

— Да, я хочу этого, — прошептал я.

Она тоже начала плакать. Мы оба рыдали, раздавленные реальностью, которую нам предстояло принять. Никто не мог изменить прошлое или вернуть нам упущенное время, не существовало слов, способных сделать ситуацию лучше. Нам нужно было принять настоящее таким, каким оно было.

Мы встали и обнялись на долгие минуты, и меня удивило, что происходящее не казалось мне диким, Эш не казалась мне незнакомкой.

В кафе находилось несколько посетителей, но все в конце концов стали игнорировать нас и вернулись к своим разговорам, пока я обнимал свою дочь. Обожаю это в нью-йоркцах. Мне было паршиво из-за того, как вышло с детством Эш, но я продолжал злиться на Грейс и Элизабет.

По дороге к дому Эш спросила:

— Что будет с тобой и мамой?

— Это сложно, Эш. Я не знаю, что будет.

— Она любит тебя.

— Я знаю.

Когда мы добрались до дома, она вытащила телефон из кармана.

— Какой у тебя номер? Я напишу тебе, чтобы у тебя был мой номер. Ты сможешь позвонить мне, чтобы мы сходили куда-нибудь.

Я дал ей свой номер.

— Знаешь, я не хочу «ходить куда-нибудь». Я хочу быть частью твоей жизни. Поначалу будет странно, но я так хочу... если ты согласна.

Она расплылась в улыбке и стукнула меня по руке.

— Ладушки, тогда увидимся позже... эм... как мне тебя звать?

— Зови как хочешь.

Эш рассмеялась.

— Ладно, увидимся, Джордж.

Я покачал головой.

— Глупышка. — Я потрепал ее волосы и заметил, что Грейс наблюдала за нами в окно. Она выглядела ужасно и явно рыдала без остановки. Она грустно улыбалась. Я отвел взгляд в сторону.

— Как насчет того, чтобы я звала тебя папа... раз ты мой папа.

— Мне подойдет. Хочешь позавтракать завтра? — Мне не хотелось надолго с ней

разлучаться.

— Не могу, иду за покупками с друзьями.

— Ладно, а что насчет послезавтра?

— Школа, а потом шахматный клуб.

— Шахматный клуб? — Я изогнул брови.

— Ага, цель моей жизни — выиграть маму. Она хороша.

— Тогда ладно. — Я вдруг задался вопросом, а есть ли мне место в ее жизни.

— Ужин во вторник? — спросила Эш.

— Идеально, — ответил я. — Надень свою пижаму. Я знаю замечательное место.

— Ты странный.

— Ты тоже.

— Круто.

Я отправился домой, с грустью надеясь, что Грейс сможет перестать плакать.

Я правда не знал, что собираюсь делать, разве что узнавать Эш, пока буду в Нью-Йорке, и быть отцом, хотя и не подозревал, что это под собой подразумевает.

В понедельник я пошел в библиотеку и прочел все книги о бытности родителем, какие попадались мне в руки.

Тем вечером я написал Грейс.

Я: Я пытаюсь тут во все вникнуть.

ГРЕЙС: Я понимаю.

Я: Я собираюсь поужинать с Эш во вторник.

ГРЕЙС: Хорошо.

Я: Я хочу видеть ее регулярно.

ГРЕЙС: Само собой.

Я: У нее есть деньги на университет?

ГРЕЙС: Есть.

Я: Могу я давать тебе деньги?

ГРЕЙС: В этом нет необходимости.

Я: Я хочу.

ГРЕЙС: Тогда ладно. Ты можешь положить их на ее счет для университета. Я пришлю тебе его.

Отчасти мне хотелось сказать больше, но я не был готов общаться с ней о чем-то, кроме совместной опеки.

На следующий день я забил на работу, но заставил себя отправиться на ланч со Скоттом. Когда он заговорил о Сингапуре, я рассказал ему про Эш. Он ничего не ответил, потому что был просто шокирован. Скотт сказал, чтобы я отдохнул до конца недели. До этого момента я и не понимал, как мне это было нужно.

Возвращаясь домой, на скамейке у лифта я обнаружил Монику. У нее на коленях была семейная колыбель. В ее глазах было сострадание, но ее ноздри были раздуты, а челюсти сжаты.

— Моника, ничего не говори.

— Я собираюсь заколоть ее каблуком в глаз. — Я посмотрел на ее двенадцатисантиметровые шпильки. Да, такими бы у нее получилось. — Мне так жаль, Мэтт. Александр в Токио, иначе он приехал бы. Я приехала вместо него.

— Спасибо, Моника. Вижу, ты нанесла Элизабет визит. Ты же на самом деле не навредила ей?

— Конечно, нет, но поделилась с ней мыслями. Я не позволю ей легко отделаться. — Она направила на меня свой длинный указательный палец. — Эта женщина приволокла в самое сердце этой семьи дерьмо.

— Я знаю. — Я уже привык к такой реальности, но с уверенностью мог сказать, что Моника еще пыталась с ней бороться, ну или искала способы исправить ее. — Ничего не изменить. С этого момента я просто хочу быть частью жизни моей дочери. — Я кивнул в сторону двери. — Пройдешься со мной?

Моника закинула на плечо огромную сумку от «Гуччи» и подобрала колыбель.

— Мы можем заглянуть к Грейс?

— Ты хочешь отдать ее Грейс?

— Конечно. В знак извинений за то, что совершила Элизабет.

— Не знаю, дома ли она, но мы можем сходить и узнать. Давай понесу. — Я забрал колыбель из ее рук, посмотрел на узорчатые деревянные ножки, затершееся лаковое покрытие и задумался, как бы в ней смотрелась мирно спящая малышка Эш.

Пока за моей спиной раздавалось цоканье каблучков Моники по тротуару, я смеялся над фантазией о том, как она снимает свои туфли и бросается ими в Элизабет.

— Что ты сказала ей?

— Ох, что она воровка и обманщица. Она украла у тебя что-то куда более ценное, чем вообще сможет понять. Естественно, она отрицает это и ведет себя так, будто ничего не знала. Я сказала ей, что не поверю ни единому ее слову. Она худший человек на свете, Мэтт. Обманывающая саму себя, помешанная на себе сука.

— Как думаешь, может, она правда не знала?

Мы добрались до угла и подождали разрешающего сигнала светофора. Моника вздохнула и из сумки вытащила конверт.

— Что-то она знала, но конверты от Грейс не открывала. Она просто выбрасывала их, все, кроме одного. — Моника протянула мне запечатанный конверт. — Если она получала по письму каждый год и скрывала от тебя это так долго, то должна была знать, что Грейс пыталась рассказать тебе что-то. Не знаю, стала бы она скрывать от тебя подобный секрет, если бы знала, но отрицание благодаря игнорированию не оправдание.

Я поставил колыбель, сложил конверт и убрал его в карман.

— Наверное, ты права.

— Ты не прочтешь его?

Мы дошли до дома Грейс.

— Прочту. Просто не сейчас. Вот мы и пришли. — Я посмотрел на входную дверь дома и отдал колыбель Монике.

— Ты не пойдешь со мной?

— Нет, Эш еще не дома. Она в школе.

— Ты не хочешь видеть Грейс?

— Не могу, Моника. Просто иди, я подожду здесь.

Я обернулся и стал наблюдать за старушкой, выгуливавшей свою собаку, но все равно

услышал голос Грейс.

— Моника?

— Привет, Грейс. Рада тебя видеть. Прошло много времени.

— Да, много. Выглядишь отлично. Жизнь была к тебе милосердна? — Грейс оставалась милой, несмотря на дерьмовые обстоятельства.

— Была, но все стало еще лучше, когда я узнала, что стала тетей. — Голос Моника даже не дрогнул. Она была настроена решительно. — Потому я и здесь: чтобы отдать тебе это. Я знаю, что Эш уже взрослая, но хочу, чтобы это было у тебя до рождения следующего ребенка в нашей семье, когда бы это ни произошло.

— Спасибо. — Голос у Грейс был нервный, но я все равно не обернулся.

Несколько мгновений звучала тишина, которую нарушила Моника:

— Вот мой номер. Пожалуйста, оставайся на связи. Я знаю, ты пыталась, и мне жаль, что у вас с Мэттом такая неразбериха.

— Мне тоже.

— Теперь ты часть семьи, Грейс. Прошу, знай это.

— Хорошо.

Спустя несколько секунд Моника оказалась рядом со мной.

— Готов?

— Ага.

— Мэтт, зачем ты с ней так?

— Я пропустил детство своего ребенка, Моника.

— Но Грейс не виновата в этом.

— Я не знаю. Все запутано, я не могу сейчас об этом думать.

Правда заключалась в том, что я не мог встретиться с ней, зная, что последние пятнадцать лет она растила нашего ребенка практически самостоятельно. И все это время она думала, будто я эгоистичный кретин, игнорировавший ее письма и звонки. Она потеряла веру в меня.

— Мне нужно остановиться. Мои ноги убивают меня.

— Боже, дело в туфлях. Это ненормально, — сказал я.

Моника сняла туфли и убрала их в сумку.

— Я знаю. Глупо, не так ли? Чего только женщины не делают ради высокой моды.

Я положил руки на плечи Монике.

— Ты хорошая, ты знаешь? Я рад, что мой брат женился на тебе. Спасибо, что приехала.

Она поцеловала меня в щеку.

— Я люблю тебя. Теперь закажи мне такси, ладно? Мне нужно сделать кое-какие покупки.

Я поймал такси и открыл для нее двери. Она нырнула в салон и удобно устроилась.

— Я буду в «Уолдорф Астории», если понадобится.

Вернувшись в лофт, я распечатал письмо.

Дорогой Мэтт,

Сегодня нашей дочери десять лет. Я говорила, что больше не напишу тебе, но на этот раз у меня веская причина. Мне жаль сообщать тебе, что Дэн болен. Весь последний году него были проблемы с сердцем, и его состояние нестабильное. Он так сильно хочет удочерить Эш, и я пишу тебе, чтобы попросить подписать отказ от родительских прав, потому что твое имя записано в ее свидетельстве о рождении. Эш замечательная, остроумная, красивая, у нее чудесное чувство юмора. Она наслаждается жизнью. Я никогда не винила тебя за решения, которые сама приняла десять лет назад, но сейчас я могу все изменить для нее и для Дэна, оформив официальное удочерение.

Я знаю, что ты очень занят, но не мог бы ты, пожалуйста, связаться с нами?

С наилучшими пожеланиями,

Грейс Портер

Жизнь, которую она вела, все трагедии, отчаяние и отказы — из-за меня. Я винил Элизабет, но, в конце концов, это не имело значения, потому что для Грейс Элизабет была никем. Я знал, что, если проследить эту цепочку боли, то она приведет ко мне, во всяком случае, в голове Грейс, а моя боль приведет к ней.

Пока я пялился на телефон, у меня созрел вопрос. Я тут же отослал сообщение.

Я: Почему ты зашла в раздел «Потерянные Связи»?

ГРЕЙС: Я не заходила.

Я: Как ты узнала о письме?

ГРЕЙС: Ученик узнал обращение «Зеленоглазая голубка», когда лазал в этом разделе, и принес письмо мне.

Я: То есть, на самом деле ты не хотела найти меня? Все было только ради Эш?

Ответа не последовало.

Спустя два часа я был на ступеньках у ее двери, одетый в пижаму, тапочки и пальто. Было шесть вечера, солнце уже садилось. Эш вышла ко мне в фланелевой пижаме с нарисованной на ней зеленой черепахой. Она широко распахнула дверь и заявила:

— Здравствуй, отец!

— Здравствуй, дочь.

Она указала большим пальцем себе за спину и понизила голос.

— Мне стоит спросить, хочет ли она пойти с нами?

Я покачал головой. Эш мгновение смотрела в землю, словно решая что-то для себя, а потом закричала:

— Пока, мам! Люблю тебя, скоро вернусь.

— Люблю тебя. Будь осторожной! — ответила ей криком Грейс из другой комнаты.

— Готова?

— Ага. — Эш вышла наружу.

— Мы идем в ресторан, который подает завтраки в любое время, — оповестил я ее.

— О, круто. Я буду черничные блинчики во время Ренессанса, — сказала она с непроницаемым выражением лица. Я какое-то время пялился на нее, и она начала посмеиваться.

— На секунду ты меня напугала. Я уж забеспокоился о твоём IQ.

— Я слышала эту шутку в одном телешоу.

Я рассмеялся.

— Теперь я и правда беспокоюсь о твоём IQ.

Того места, куда ходили мы с Грейс, давно не было, так что я повел Эш ужинать в местечко по соседству.

— Мама рассказывала, что в университете вы постоянно ходили ужинать завтраком.

— Так и было. — Я улыбнулся воспоминаниям, но мне не хотелось погружаться в прошлое. — Как в школе?

— Хорошо. Скучно, не считая керамики.

— Тебе нравится гончарное искусство?

— Я обожаю его.

— Моя мама — твоя бабушка — любила его. У нее была маленькая арт-студия позади ее дома в Калифорнии. Она называла ее «Лувр». — Я засмеялся подобным воспоминаниям.

— Я знаю.

— Да твоя мама рассказала тебе чуть ли не все, да?

— Почему ты не захотел позвать ее сегодня?

А моя дочь за словом в карман не полезет.

— Как я и сказал, все сложно.

— Вы же любите друг друга, так какого черта вы не вместе?

— Все не так просто, Эш. Мне нужно время.

— Ну, я думаю, ты его теряешь.

Почему умнейший человек в комнате — пятнадцатилетка?

Потому что ее мировоззрение не заволакивало дерьмом десятилетия напролет.

Мы заказали блинчики и молочные коктейли, и Эш рассказала мне о школе и о мальчике, который ей нравился.

— Мальчишки свиньи. Ты же знаешь это? Держись от них подальше.

Она задумчиво потягивала коктейль.

— Тебе не нужно этого делать. Правда.

— Нужно. Я хочу познакомиться с твоими друзьями, хочу ходить на школьные мероприятия. И это не просьба.

— Я знаю.

Когда мы закончили с блинчиками, я расплатился, и мы пошли к выходу. У двери Эш остановилась, встав перед холодильной витриной.

— Хочешь кусок пирога? — спросил я.

Она полезла в сумочку, висевшую у нее на груди.

— Нет, я куплю для мамы.

— Я куплю ей. Что она любит?

Эш изогнула бровь.

— Ты знаешь, что она любит.

— Один кусок с шоколадным кремом и один с арахисовым маслом, — попросил я женщину за стойкой. Она достала пироги и протянула их мне, после чего мы с Эш ушли.

Всю дорогу до дома мы с Эш говорили о музыке. Было не удивительно, что у нее такой потрясающий вкус и столько знаний о разнообразных жанрах. Мы договорились, что в следующий раз, когда Radiohead будут играть в Нью-Йорке, мы сходим посмотреть на них вместе. Мне вдруг стало интересно, как часто Грейс играла Эш песни Radiohead или Джеффа Бакли. У меня не было возможности послушать ее исполнение со времен университета.

Я проследовал за Эш по лестнице. Она дернула дверь, открыв ее настежь, повернулась ко мне и поцеловала в щеку.

— Спасибо за ужин, отец.

Она оставила меня в дверном проеме с пирогами и, взбегая по лестнице, закричала:

— Мам, в дверях какой-то чувак в пирогами!

Я сглотнул, застыв в проходе.

Маленькая подлая девчонка.

Когда-то мы были любовниками

ГРЕЙС

Каждый раз, когда я натыкалась взглядом на Мэтта, во мне конфликтовало два чувства: шок от того, какой он привлекательный — подтянутый, сильный и с годами ставший еще сексуальнее, — и неверие в то, что он вообще был здесь. Я была убеждена, что проснусь, и все будет так, как прежде.

Но рядом с ним мне хотелось быть сильной. Я неделю рыдала из-за того, как он воспринял новость. Я достаточно настрадалась. Откровенно говоря, мне надоело переживать из-за всего этого дерьма: я так делала на протяжении полутора десятка лет. Если ему угодно винить меня в том, что сделала его бывшая жена-психопатка, то так тому и быть. Я достаточно плакала и достаточно извинялась.

Уверенно направившись к нему, я обратила внимание на то, что он осматривал меня с ног до головы. На мне были шорты, шелковая ночная рубашка и во взгляде читалось — «пускай дьявол переживает». Я забрала пакет из его рук.

— Шоколадный и с арахисовым маслом? — уточнила я. Он кивнул. — Спасибо.

— Пожалуйста.

— Ладно, ну, уже поздно.

Он моргнул и уставился на свои тапочки.

— Эм... хорошо, мне надо идти домой.

— Ладушки.

Он пошел к двери, а я последовала за ним, чтобы закрыть ее. Но прежде чем выйти за дверь, он обернулся, положил руку на покрытое шелком бедро и поцеловал меня прямо под ухом. Я взвизгнула.

— Спокойной, Грейси, — прошептал он и был таков.

Я стояла в дверном проеме еще несколько мгновений и пыталась восстановить дыхание. У меня только получилось держать себя в руках...

На следующий день после школы я отправилась в центр «Зеленые просторы», название которого не совсем соответствовало правде. Это был оздоровительный дом престарелых очень низкого качества, находившийся в Бронксе; дочь Орвина поместила его туда после того, как его жена скончалась несколько лет назад. Место на самом деле нуждалось в ремонте. Стены были окрашены в отвратительные оттенки рвотно-зеленого цвета из фильма «Экзорцист», а из находившейся рядом хлебопекарной фабрики несло прогнившими дрожжами. «Зеленые просторы» были кошмарными. Я забирала Орвина отсюда хотя бы раз в неделю. Мы шли в ближайший парк и играли в шахматы, и, невзирая на то, что он больше не мог вспомнить мое имя, я была уверена, что он знал, кто я такая.

Когда мы устроились в парке, то стали прислушиваться к завываниям ветра между деревьями.

— Вы все еще слушаете? — спросила я его.

— Что, куколка?

— Музыку.

— Да. Слушаю. Я всегда ее слышу.

— Как думаете, что значит, если я больше ее не слышу?

Он взял моего второго коня.

— Шах. Я не знаю, что это значит. Может, ты слушаешь недостаточно старательно.

Как ему удастся выигрывать у меня каждый раз? Я пошла королем.

— Я слушаю.

— Нет, ты слишком занята жалостью к себе.

— Я никогда не жалею себя.

— Может, раньше не жалела, а сейчас жалеешь. Шах и мат.

Я расставила фигуры по-новой. Мы играли на старой пластиковой доске, которая складывалась, чтобы я могла убирать ее в сумку.

— Я не жалею себя. Я просто устала, и мне немного грустно.

— Почему тебе грустно?

Я изучала лицо Орвина. Сложно было не замечать, насколько «Зеленые просторы» были

не его местом, ведь Орвин выглядел таким живым, таким настороженным. В то же время он часто забывал вообще все и спрашивал, когда ему нужно быть в магазине, который, к несчастью, закрылся больше десяти лет назад. Сейчас был один из его хороших дней, но он с легкостью мог ускользнуть в забвение.

— Вам когда-нибудь хотелось, чтобы вы не застревали в «Зеленых просторах»?

— Моя дорогая Грейс, позволь мне поделиться с тобой пословицей.

Я была поражена. Он не называл меня по имени вот уже... даже не могу вспомнить, как давно.

— Хорошо.

— Я считал, что беден, потому что у меня не было обуви, а затем я встретил человека без ног.

Я робко улыбнулась.

— Я жалею себя, так ведь?

— Более того. Ты стала неблагодарной. У тебя есть мужчина, которого ты всегда желала видеть в своей жизни, есть прекрасная дочь и замечательная работа.

— Да, но я не нужна этому мужчине.

— Будешь нужна. Просто будь собой. Отыщи музыку.

Тем вечером мы с Эш пошли ужинать к Тати. Тати пыталась все устроить по-домашнему: она встретила мужчину, с которым хотела встречаться, и была полна решимости произвести на него впечатление. Мы с Эш не в первый раз были ее подопытными кроликами, хотя не могу сказать, что нам это нравилось. Тати ужасно готовила. Всегда.

Тати подошла к столу с огромной тарелкой.

— Таджин из ягненка и марокканский кускус!

— Ох, Тати, не хочу есть ягненка.

Тати выглядела обиженной.

— Почему?

— Они слишком милые, чтобы их есть.

— Ну, этот больше не милый.

Я покачала головой и взяла маленькую порцию. Эш сморщила носик и взяла кусочек еще меньше, пока Тати бегала кругами в поисках штопора.

— Можно мне вина? — поинтересовалась Эш.

— Нет, — ответили мы с Тати одновременно.

— Только глоточек? Папа на ужине сказал, что позволит мне выпить вина у него дома.

— Ты уже зовешь его папой? — спросила Тати.

— Ну, не в лицо, но как еще мне его звать? Мэтт? Не его вина, что он не мог быть мне отцом.

— Он хочет, чтобы ты звала его папой? — спросила я у нее осторожно.

— Не думаю, что для него это имеет значение. Он хочет приходить в школу и познакомиться с моими друзьями.

— Думаю, ему будет приятно это слышать. У бедного парня украли твое детство, — сказала Тати.

Я оцетинилась.

— Что случилось с мужененавистницей в твоём лице? — огрызнулась я.

— Я перевернула страницу. И тебе следует.

— Зови его папой, если хочешь, — сказала я Эш и протянула ей бокал вина. — Только один глоток.

Она глотнула немного и сморщила нос.

— Фу.

Тати тоскливо посмотрела в потолок.

— Мне нравилось, как он одевался.

Я закатила глаза.

— Вы с моим папой дружили, когда учились в университете? — спросила Эш у Тати.

— Конечно. Твои мама с папой были неразлучны. Если я после занятий хотела увидеться с Грейс, то мне приходилось видеться и с твоим отцом тоже. Но мы ладили, тогда было весело. — Тати повернулась ко мне. — Кстати, говоря о старых деньках, думаю, на этой

неделе тебе после школы стоит зайти к нам и порепетировать.

— С чего бы вдруг? — решила я уточнить с набитым кускусом ртом.

— Мы ищем виолончелиста.

— Сходи, мам. Я после школы могу пойти в папе. Сейчас он работает из дома и звал меня к себе после школы, когда я захочу.

— Даже не знаю, Тати. Не думаю, что сейчас так же хороша. — А еще я беспокоилась, что Эш приняла Мэтта так легко. Благодаря этому я поняла, как же сильно ей не хватало Дэна.

— И, Эш, как так вышло, что тебе так уютно с твоим отцом? Ты же едва его знаешь.

— Я не знаю, — ответила она.

— Я боюсь, что ты так реагируешь, потому что пытаешься заполнить брешь, — заявила я.

— Мне кажется, ты переусердствуешь с анализом, мам. Я смотрю на него и вижу себя. Мне просто уютно с ним. Плюс, он очень милый и хочет быть частью моей жизни. Не разрушай все только потому, что у вас с ним не получилось.

— Я притворюсь, что ты сейчас не была нахалкой. — Хотя она, наверное, была права.

Мы продолжили раскладывать ягненка и кускус по тарелкам. Еда была на вкус такой же кошмарной, как и на вид. Наконец Тати опустила вилку.

— Итак, хотите бургер или чего-то еще?

Мы с Эш яростно закивали.

— Тебе стоит сосредоточиться на спагетти, — сказала Эш. — Они у тебя получаются.

— Они были навынос, Эш, — сказала я, а Тати расхохоталась.

— Ой, — пискнула Эш, покраснев.

— Идем, — встряла Тати. — Вперед за бургерами.

До конца недели я после школы ходила репетировать с Тати и нью-йоркским филармоническим оркестром. Эш каждый день ходила к Мэтту, а каждый вечер, прежде чем отправиться в постель, в деталях пересказывала, как они проводили время. Она влюбилась в него, как только дочери могут влюбляться в своих отцов. Да и почему бы ей не влюбиться? Я была рада за нее, но мне все еще было паршиво из-за наших с Мэттом взаимоотношений.

В субботу Тати предложила сводить Эш в кино, так что я пошла ужинать в итальянское

быстро в одиночестве, где официант уболтал меня взять целую бутылку вина.

— Вы можете выпить всего бокал, а остальное забрать с собой. Мы упакуем бутылку для вас, — сказал он.

Я согласилась, но все закончилось тем, что я осталась на два часа и выпила, по меньшей мере, три четверти бутылки. Благодаря маленьким мерцающим лампочкам, свисавшим с навеса, я видела проходивших по улице людей, державшихся за руки и целовавшихся на углу. Музыка как из «Крестного отца» и тепло от наружного обогревателя стали клонить меня ко сну.

— Мэм? — подошел ко мне официант и потянулся к бутылке. — Могу я упаковать ее для вас?

Должно быть, это намек на то, что пора уходить. Время подвыпившей даме убираться.

— Да, это было бы замечательно. — Там осталось, наверное, всего на один бокал, но я все равно заберу ее с собой.

Расплатившись, я прошла четыре квартала по направлению к своему дому, но когда проходила мимо улицы Мэтта, то решила свернуть.

С другой стороны улицы мне был виден его лофт. Он был дома, сидел на диване, смотрел перед собой. Я стояла внизу, в темноте, наблюдала за ним и думала, как же все странно между ним, мной и Эш; мы все этим вечером были по отдельности. Он потягивал вино и задумчиво смотрел на что-то, а, может, и просто в никуда. Мне стало интересно, какому музыку он слушает. Мэтт поднялся и подошел к окну. Я попятилась, чтобы скрыться в тени, не давая ему возможности меня увидеть. Он стоял, просто застыв, и наблюдал за редкими проезжавшими машины.

О чем он думает?

Наконец, я сказала: «К черту». Пересекла улицу и позвонила в звонок его квартиры. Он ответил довольно быстро.

— Кто это?

— Это Грейс. — Моя нервозность терроризировала желудок.

— Поднимайся.

Когда двери лифта открылись, он стоял внутри и ждал. Я посмотрела на его голые ноги, подняла взгляд к его черным джинсам, затем глянула на ремень, на белую футболку, подняла глаза выше, устремив взгляд на его рот, на его шею, на его длинные, соблазнительные волосы, собранные сзади.

— Привет. — Я протянула ему бумажный пакет, и он взял его.

Мэтт вытащил бутылку из пакета и рассмеялся, после чего посмотрел на меня с кривоватой улыбкой.

— Спасибо, Грейс. Мне еще никогда не вручали практически пустую бутылку вина.

Выражение моего лица было непроницаемым.

— Оно правда хорошее. Я оставила тебе бокал.

Он посмотрел на меня настороженно, вероятно, оценивая мой уровень опьянения.

— Где сегодня Эш?

— С Тати. Ох, блин, мне нужно узнать, когда они будут дома.

Мэтт достал свой телефон из заднего кармана и протянул мне его. Я набрала номер Тати. Фильм, наверное, уже закончился, а мне не хотелось, чтобы Эш приходила в пустой дом.

— Алло? — Голос Тати звучал странно, а затем я поняла, что она не знает номер.

— Тати, это я. Ты где?

— Мы едим мороженое. Все хорошо? Чей это номер?

— Мэтта.

Не сказав ни слова, Тати убрала трубку от лица, и я услышала, как она обращается к Эш:

— Эй, может, возьмем фильм напрокат, вредной еды и пойдём ко мне? Твоя мама сказала, что можно.

— Хорошо, — раздался ответ Эш.

Тати вернулась к разговору и прошептала:

— Ты прикрыта. Увидимся утром.

Я завершила звонок и вернула телефон Мэтту.

— Что она сказала?

— Что они в порядке. Эш останется у Тати.

— А Тати хорошо на нее влияет? — спросил он, глядя на меня искоса.

— Нам больше не двадцать один, Мэтт. Она не курит травку сутки напролет. Она музыкант мирового класса и независимая, образованная женщина. Как ты думаешь?

— Да, ты права, — признал он сразу же. На секунду я ощутила вину, осознав, что он пытался поступить так, как поступают отцы. — Итак, чем обязан такому визиту?

Все пошло не по плану.

— Я не знаю... мне просто нужно...

— Что? — Он поставил бутылку и направился ко мне. — Что тебе нужно? — Я не могла сказать, был ли он соблазнительным, раздраженным или одновременно и таким, и таким.

Когда Мэтт подошел ближе, я ощутила его тепло и запах его геля для душа с кардамоном и сандаловым деревом.

— Ты только что принимал душ?

Он моргнул.

— А что?

Он не двигался, не давая мне и намека на язык тела, который бы мог поведать о его отношении ко мне, но, кажется, я все еще чувствовала гнев и возмущение под его маской. И я была достаточно пьяна, чтобы заговорить с ним об этом.

— На кого ты злишься, Мэтт?

Он не колебался.

— На тебя. Элизабет. Дэна... себя.

— С чего бы тебе злиться на Дэна?

Его голос был сдержанным.

— Я ревную к нему. — Мэтт посмотрел мне в глаза. — Он получил все то, чего хотел я. Он получил то, что было моим.

— Но это не его вина. Я это приняла, и тебе бы следовало.

Мэтт подошел всего на дюйм и посмотрел мне прямо в глаза.

— Может. Сколько вина ты выпила?

— Я уже трезвая.

— Хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

— Я не потому пришла сюда.

— Что тебе нужно, Грейс?

Я потянулась к нему на носочках и поцеловала. Поначалу поцелуй казался хрупким, словно мы распадемся на миллионы осколков, если будем действовать слишком быстро или напористо. Но всего через секунды один уже срывал одежду с другого, после чего мы руками запутались в волосах друг друга.

Мы упали на кровать нагими, целуясь и обнимаясь. Когда он сел, я забралась к нему на колени и ввела его член в себя. Из его груди вырвался стон, Мэтт схватил меня за талию, я невольно изогнула спину, и он ртом приник к моей груди.

— Такая прекрасная, — прошептал он между поцелуями, лаская сосок и играя с ним языком.

Мэтт был терпеливым, но настойчивым, каким-то образом он знал, где должны быть его руки, куда нужно надавить, куда нужно меня целовать.

Он уничтожил меня для других мужчин. Он в эту секунду уничтожал меня.

Мэтт развернул меня, поставив на четвереньки, притянул мои бедра к своему телу и проник в меня с силой. Я чувствовала, как он вымещал на мне свой гнев, но по некой причине хотела, чтобы он это делал.

— Тебе больно?

— Нет. Не останавливайся.

Я хотела чувствовать его. Мне нужно было ощущать, как он избавляется от всего плохого.

Когда мы кончили, он обнял меня, и я спиной чувствовала биение его сердца. Он не говорил ни слова, просто держал меня, пока его сердце не прекратило вырываться из груди. Когда он отпустил меня, я тут же оробела и вырвалась, чтобы собрать свою одежду.

— Постой, иди сюда, — произнес он, садясь на край кровати. — Я хочу посмотреть на тебя. — И притянул меня к себе. Даже в едва освещенной комнате я смушалась. Он указательным пальцем стал выводить круги на нежной коже внизу моего живота. На бедрах остались потускневшие растяжки, к которым он приник, чтобы поцеловать. — Каково это было?

— Что?

— Рожать Эш.

Я рассмеялась.

— Тебе не захочется узнать о рождении ребенка прямо сейчас.

— Я хотел спросить, вы обе были в порядке? — Мэтт рукой провел вверх по внутренней части моего бедра и взглянул на меня. — Ты хорошая мама, Грейс.

— Спасибо. — Нам всем иногда нужно слышать подобное? Что мы хорошие матери, друзья, дочери или жены?

— Ты была счастлива? — Его голос дрожал. — В день, когда родилась Эш, ты была счастлива?

— Это был счастливейший день в моей жизни, — выпалила я.

Мэтт начал тихонько плакать.

— Хотел бы я быть там, — сказал он, а затем его тело сотряслось в рыданиях, и он лицом прижался к моему животу.

Я обнимала его, глядя по голове и плечам.

— Я знаю, все хорошо, — повторяла я снова и снова, но боялась, что ничто не сможет исцелить нас. Шрамы были слишком глубокими.

— Мне кажется, я живу в кошмаре, будто я только что очнулся от комы и понял, что пролетело пятнадцать лет моей жизни. Все происходило без моего участия. Я пропустил все.

Я обнимала Мэтта всю ночь и рассказывала ему о том, как рожала Эш.

— Мы были в Венеции, когда отошли воды. Они отвезли меня на водном такси в больницу. Я помню, как смотрела на каналы и думала о тебе, надеясь, что ты в безопасности. Для того времени года было нехарактерно тепло, настолько тепло, что было возможно ощутить исходящий от поверхности воды жар. Когда я думаю о том дне, то вспоминаю, что тогда как будто солнце целовало землю, словно Бог заявлял о своем присутствии.

Мне повезло. Роды были легкими, все так говорили. Поначалу я не верила в происходящее; все, что я могла делать, это пялиться на ее маленькое дрожащее тельце, вертящееся у меня на груди и покрытое кровью и белой штуковиной. Мне не верилось, что это я ее родила. Когда она успокоилась и начала есть, Дэн сказал, что это было прекрасно, что мы обе были прекрасны.

— Я уверен, так и было, — прокомментировал Мэтт, а затем вздохнул и устремил взгляд в окно. Может, он рисовал все в своем воображении и наконец чувствовал себя частью произошедшего.

— Приехав в больницу, мы не знали, как ее назвать. Мы с Дэном были просто друзьями, так что решение лежало на моих плечах, несмотря на то, что у меня не было ни единой мысли. Но внезапно, там, в больнице, я поняла, как поступить. Когда я увидела ее, то не могла думать ни о чем, кроме нас, — о тебе и обо мне, — и что она была свидетельством

того, что мы были вместе. После того дня я никогда не вспоминала о прошлом в университете без радости, потому что то время подарило мне Эш, и она была идеальной... поэзия в реальности — свидетельство того, что жизнь пылает ясно и ярко. Все знали, почему я назвала ее Эш. Тати какое-то время была в ярости, она ненавидела тебя за то, что ты не вернулся, но потом пережила это. Дэн понял.

Эш первые несколько месяцев была суетливым ребенком, а еще мы много путешествовали. Было непросто. Я была новоявленной мамочкой, пытавшейся разобраться, что к чему. В конце концов, мы вернулись в Нью-Йорк и осели. Дэн настоял, чтобы мы жили в его доме, как мы и поступили. Это была удача, потому что Эш получила постоянство, определенность и двух взрослых, приглядывавших за ней.

Мэтт издал звук, похоже, болезненно отреагировав на последнее предложение, но я продолжила.

— Характер у Эш всегда был беспокойным. Она была сердитым младенцем с пышными светлыми волосами и прелестными, теплыми карими глазами, как у тебя. Она довольно рано заговорила, пошла и стала есть самостоятельно.

— Ну еще бы.

Я рассмеялась.

— Да, она твой ребенок, так что все ей давалось легко. Но вскоре она стала личностью, и я меньше думала о значении ее имени и все больше о ее индивидуальности. У нее прекрасная душа, она отличается от нас с тобой.

— Я это знаю. Понял, когда встретил ее, — прошептал он. — Смерть Дэна на нее сильно повлияла?

— Она была сильной, но я знала, что ей это далось нелегко. Он был хорошим, терпеливым отцом, и он любил ее без меры. Я благодарна, что у нас было время подготовиться. Мы решили совершить поездку и на месяц остановились в пляжном домике в Кейп-Коде. Там он и умер, слушая океан, когда мы с Эш были рядом. Он провел свои последние дни, сидя в кресле, и наблюдая за тем, как мы играли на пляже. Вечерами мы разжигали костер, и Эш читала нам истории в свете огня. Дэн казался счастливым, несмотря на то, что ему недолго оставалось. — Я начала плакать.

Мэтт подвинулся на кровати и заключил меня в объятия.

— Продолжай.

— Был вторник, когда он умер, обычный скучный вторник. Еще утром все было хорошо. Мы передвинули его больничную койку к краю дворика, чтобы он мог смотреть на воду. Там был работник хосписа. Мы завернулись в одеяла и наблюдали за тем, как волны бились о берег, когда Дэн сделал свой последний вдох. Эш поплакала несколько минут и все. Совсем

все. Я никогда больше не видела, чтобы она плакала по нему.

— А ты?

— Ну, ты меня знаешь. Я почти все время расклеиваюсь.

— Ты такой не была.

— Я знаю, — подтвердила я.

Мэтт убрал мои волосы назад и утер с моих щек слезы.

— Почему у вас больше не было детей?

— Мы думали об этом, но Дэн заболел, и в этом больше не было смысла. Эш была бы замечательной старшей сестрой.

— Да, замечательной, — сонно ответил Мэтт.

Мы заснули уже ранним утром. Около одиннадцати я получила от Тати сообщение о том, что они с Эш сходят на ланч, после чего Тати отведет ее домой. Я тихонько ускользнула из квартиры Мэтта, чтобы вернуться в дом до появления Эш.

После той ночи ни один из нас не писал и не звонил другому долгие и долгие дни.

Вернись ко мне

ГРЕЙС

Эш взяла за привычку строить планы с отцом и не ставить меня о них в известность, и поступала так уже неделю. Когда я отругала ее за это, она заявила:

— Родители должны общаться друг с другом. Даже не женатые.

В этом была вся Эш, которая всегда вела себя по-взрослому.

Я знала Мэтта и не могла пытаться решить с ним все, будучи на взводе. Мы заслуживали большего друг от друга, но я не была уверена, что хоть один из нас был готов.

В конце концов, как-то в полдень Мэтт пришел, чтобы забрать Эш. Я открыла ему дверь и пригласила войти. Он встал в проходе на кухню и стал наблюдать за тем, как я мою и протираю посуду.

— Как ты? — спросил он немного формально, но не скованно.

— Хорошо. Репетирую с филармоническим оркестром после школы. Вообще, я могу занять место их виолончелиста, но тогда мне придется уехать на две недели летом. Не уверена, что хочу оставлять Эш так надолго.

— Это же фантастика, Грейс! Я могу взять Эш, мы можем спланировать на это время поездку в Калифорнию.

Эш закричала со второго этажа:

— Еще пять минут, пап!

— Хорошо, — крикнул он ей в ответ.

— Куда вы идете? — спросила я, не поднимая взгляд.

— В «Метрополитен», а потом ужинать.

Я глянула на часы, на них было пять пятнадцать.

— Вы ни за что не успеете туда до закрытия.

— По пятницам они открыты до девяти.

— Ох, тогда хорошо.

Внезапно я поняла, что это был наш самый нормальный разговор: двое людей беседовали, обсуждая ежедневную рутину.

Эш зашла на кухню в топе без рукавов, отчего мои глаза стали размером с блюдца.

— Прошу прощения, ты же наденешь наверх свитер?

Эш закатила глаза.

— Это закатывание глаз должно прекратиться. Мать только что задала тебе вопрос, — резко проговорил Мэтт.

Ого-го. Давно у меня не было такой поддержки.

— Я знаю, пап, просто...

— Не-а. Поднимись наверх и возьми кофту.

Эш фыркнула и отправилась в комнату. Мы с Мэттом несколько секунд смотрели друг на друга, и затем он подошел ко мне.

— Ты выглядишь иначе. Счастливее.

Я и не думала об этом, но, кажется, он прав.

— Да, наверное.

— Можешь пойти с нами, если хочешь.

— Все нормально. У меня есть кое-какие дела.

Мэтт некоторое время спокойно смотрел на меня, а потом просто пожал плечами.

— Хорошо, еще увидимся. — Он наклонился и поцеловал меня в щеку так, будто уже миллион раз так делал.

Когда Эш спустилась, я проследовала за ними до входной двери и не сводила с них глаз, пока они шли к метро. Они хохотали... и этот звук был подобен музыке. Отчасти мне хотелось присоединиться к ним, но часть меня уговаривала меня остаться дома. Хотя мне и нравилось видеть Мэтта и понравилось проводить время в его квартире, нескончаемые отказы на протяжении всех этих лет и то, как он воспринял новость об Эш, пугали меня

настолько, что было сложно поверить в то, что он наконец был с нами, как я о том и мечтала.

Я никогда по-настоящему не сомневалась в его любви ко мне, но меня настораживало то, что он держал дистанцию. Мне нужно было защитить себя.

Мы стали делить выходные. Эш отправлялась к Мэтту в пятницу или субботу, а воскресенья мы чередовали.

Нью-Йоркский филармонический оркестр сделал мне официальное предложение стать их виолончелисткой на две недели, так что, репетируя и готовясь к двухнедельной поездке за границу, я стала проводить меньше времени с Эш.

Эш завершила первый год старшей школы с феноменальными отметками и получила грамоту за выдающиеся успехи. Мы с Мэттом оба были на церемонии, и он все время светился, как истинный гордящийся отец, каким он и был. Когда мы покинули аудиторию, он надолго обнял меня и прошептал:

— Ты хорошо с ней поработала. Спасибо. Я так горжусь моими девочками.

У меня сердце защемило от его слов. Не уверена, говорил ли мне кто-нибудь, что гордится мной, но ни от кого я не хотела бы услышать это больше, чем от него.

Уже началось лето, и мне было известно, что Эш заскучает, потому записала ее на летние курсы фотографии. Как только Мэтт прознал об этом, так сразу же записался сам. Я знала, что он сам мог бы вести подобные курсы, но ему просто хотелось проводить время с дочерью. Эш рассказала, что как только ее однокурсникам стало ясно, кто ее отец, так Мэтт мгновенно стал для всех них рок-звездой, в том числе и для инструктора. Она также рассказала, что он внес в документальную съемку артистизм, что и сделало его знаменитым.

Было странно, как мы с Мэттом вновь находили себя, будто начали с того места, где остановились, и продолжили изучать наши страсти с новыми силами. Отчасти я понимала, что жила именно так, как и хотела. Единственная проблема была в том, что мы с Мэттом были, в общем-то, не вместе. Мы неслись параллельными путями.

Однажды вечером я заметила, что Эш выглядела подавленной.

— Что случилось, дорогая? — спросила я.

— Ничего, — ответила она ровным голосом.

— Поговори со мной. — Я под села к ней на кровать.

— Папа сказал мне, что принял предложение «Нэшнл Джиогрэфик» о работе в Сингапуре. Он должен переехать этой осенью.

У меня глаза расширились от шока.

— Что? Когда он рассказал тебе это? — Я и представить себе не могла, чтобы Мэтт уехал после того, как настолько сблизился с Эш, и когда все наконец наладилось.

Эш начала плакать.

— Уже давно. В день, когда мы познакомились, но теперь мне от этой мысли грустно.

— Что? Я даже не... когда он... — Мне в голову не приходил ответ. — Я поговорю с ним.

Эш вытерла слезы и встала.

— Мне так надоело, как вы пляшете вокруг друг-друга, будто вы в младших классах. У меня есть друзья, у которых более зрелые отношения, чем у вас двоих.

— Достаточно, — остановила я ее грубо.

Эш притопнула ногой.

— Нет, мне осточертело. Вам нужен толчок.

— Эш, не тебе решать.

— Ну, может, если бы вы разобрались между собой, папа бы никуда не уезжал.

Она выбежала в коридор, умчалась в ванную и захлопнула за собой дверь.

— Эш, вернись!

Я подошла к ванной и постучалась, но она не открыла. Через несколько минут я сдалась и ушла к себе в комнату. Я была в ярости. Раздавлена. Сбита с толку. Он на самом деле уезжал? Как он мог поступить так с нами? Со мной?

В конце концов, я услышала, как Эш вышла из ванной и отправилась к себе в комнату. Когда я пришла проведать ее часом позже, то обнаружила спящей.

Я позвонила Тати, попросив ее прийти.

— Сейчас десять часов, — возмутилась она вяло.

— Мне нужно сходить к Мэтту, и я не знаю, сколько пробуду у него.

— Ты не можешь просто позвонить ему?

— Нет, потому что мне нужно врезать ему по морде.

— Ох, боже мой. Теперь что?

— Эш сказала, что он может принять предложение о работе в Сингапуре. Мы с ней только что сильно поссорились, и я не знаю, что, черт подери, делать. Просто приезжай, пожалуйста.

— Поняла. Буду через двадцать минут.

Как только Тати пришла, я пронеслась несколько кварталов до дома Мэтта, кипя от ярости. Я жала на кнопку звонка, не прекращая.

— Да? — ответил Мэтт в динамик.

— Это мать твоего ребенка. Впусти меня.

Я услышала его смех.

— Поднимайся.

Когда я очутилась у лофта, он открыл дверь настежь, улыбаясь.

— Грейси.

— Не называй меня так, мерзавец. — Я прошла мимо него, бросив сумочку на пол и скрестив руки на груди. Мэтт выглядел напуганным. — Какого хера, Мэтт? Да что с тобой нетак?

Он оперся о стену, возможно, чтобы быть от меня подальше.

— О чем ты говоришь?

— Наша бедная дочь обливается слезами, потому что ты сказал ей, что переезжаешь в Сингапур. Это правда? Потому что если так...

— Грейс, стой. Послушай меня. — Было похоже, будто он размышлял над тем, что сказать. — Я упомянул о том, что получил предложение о работе, но уже давно, когда мы едва знали друг друга.

— Ну и?

— Я сказал боссу, что не могу его принять.

Я прищурилась.

— Когда?

— После той ночи, когда ты приходила. Я никуда не собирался, я просто был в прострации. Я отправлял запрос на работу в полях еще до того, как связался с тобой и познакомился с Эш. — Он был искренним, умоляющим. — Мне жаль, что она заострила на

ЭТОМ ВНИМАНИЕ.

— Ага, знаешь, дети так делают.

Мэтт подошел ко мне и потянулся, чтобы взять меня за руки.

— Я еще учусь, Грейс.

Я опустила взгляд и покачала головой.

— Я знаю, прости. Я переборщила. Просто ей было так больно. Я не могла смотреть, как она проходит через то, через что прошла я...

В его глазах как будто объявились призраки прошлого.

— Я никогда не брошу вас. Ты должна мне верить, Грейси. Должна.

Я уставилась на него.

— Так заставь меня поверить.

Он большим пальцем провел по моей губе.

— Заставлю, даже если это займет гребаную вечность.

И затем его губы коснулись моих, и мы сосредоточились на поцелуе, выдернутые из прошлого и стремительно мчавшиеся в будущее.

Наше время

ГРЕЙС

Следующие несколько вечеров Мэтт, Эш и я ужинали вместе. Все, кажется, по-настоящему начало налаживаться.

В пятницу на той же неделе я увидела Мэтта перед школьными воротами, где он ждал меня. Эш утром попросила меня одеться посимпатичнее, и теперь я понимала, что ее мысли были сходны с мыслями Мэтта. Я не понимала, что происходит, но решила плыть по течению.

— Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся, после чего наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Рад тебя видеть, Грейси. Кажется, наша дочь что-то спланировала для нас.

— Ну еще бы. — Он был в нарядных брюках и застегнутой до верха рубашке. Я посмотрела на его блестящие черные «Конверсы». Наряднее я Мэтта еще не видела. — Хорошо выглядишь, — сказала я ему.

Он окинул взглядом мое простое платье в цветочек и сандалии.

— Как и ты. Ты выглядишь прелестно.

Я усмехнулась.

— Итак, к чему все это, как думаешь?

— Без понятия. — Он протянул мне руку. — Идем?

— Откуда ты знаешь, куда идти? — поинтересовалась я.

— Эш сказала мне встретить тебя у ворот и сопроводить в аудиторию.

Я кивнула.

— Тогда идем.

В аудитории мы нашли Эш, Тати, моих учеников и несколько знакомых лиц из филармонического оркестра, которые ждали нас. За исключением Эш, все они сидели в креслах со своими инструментами, как будто собирались что-то играть.

Эш подбежала к нам вприпрыжку.

— Я подумала, что мы могли бы сегодня повеселиться. Все мы.

Я взмахом обвела всех.

— Это ты собрала всех?

— Я помогала.

Тати подошла к нам, и я почувствовала, как у меня сдавило горло.

— Вы готовы? Ваша дочь очень старалась, чтобы организовать кое-что особенное для вас. Проходите и рассаживайтесь.

Мы сели на гостевые стулья перед нашим личным оркестром. Тати была дирижером, что мне показалось особенно увлекательным. Мэтт взял меня за руку, и полилась музыка. Я узнала ее с первой ноты: «Hallelujah». Он сжал мою руку и не отпускал до самого конца песни.

В конце я встала и зааплодировала, как маньяк, крича: «Браво!». Мэтт свистел и хлопал, а Эш снова подбежала к нам.

— Это было потрясающе? — спросила она.

— Ох, Эш, спасибо, милая. Это было так продуманно.

— Стойте, это еще не все, это только начало. — Она протянула мне манильский конверт. Я открыла его и вытащила черно-белое фото восемь на десять, на котором были запечатлены мы с Мэттом в университете. Мы были в комнате отдыха в общежитии. Снимок сделала Тати, а я помнила о нем очень смутно. — Прочти на обороте, — попросила Эш.

Мэтт стоял у меня за спиной и смотрел за тем, как я переворачивала фото. Мы оба прочитали строки вслух:

«Вы обрели друг друга, Аллилуйя...

Теперь найдите место встречи,

Что была первой на выпускном курсе».

Тати подошла к Эш.

— Дайте нам фору десять минут, — сказала она.

Мэтт рассмеялся.

— Хорошо, увидимся там.

Мы попрощались с музыкантами и поблагодарили их за прекрасное выступление. Как только Эш и Тати забрались в такси, Мэтт взял меня за руку.

— Хочешь пройтись?

— Давай.

Был теплый и солнечный день. Район казался еще более спокойным, чем обычно. Пока мы шли по улице, Мэтт раскачивал наши руки.

Когда мы дошли до общежития для выпускников, то меня охватило ощущение сюрреализма и ностальгия. Здание выглядело немного иначе, но казалось прежним. Тати и Эш стояли на ступеньках.

— Идите сюда! — закричала Тати.

На третьем этаже мы дошли до моей старой комнаты. Там было пусто, не считая моей виолончели, приставленной к стулу у окна. Я взглянула на Эш и улыбнулась.

— Сыграй для папы, мам. — Она протянула Мэтту старую камеру, и я узнала фотоаппарат времен университета. — Пленка в нем есть, он готов.

Он улыбнулся.

— Спасибо тебе, Эш.

— Так, ребята, на подоконнике для вас лежит конверт, — сказала Тати.

— Как вы пробрались в комнату? — поинтересовалась я.

— Мы рассказали летнему наставнику вашу историю, и он дал нам ключ. Сейчас лето, и никто сюда не заселился, — засмеявшись, проговорила Эш.

— Сколько у нас времени? — уточнил Мэтт.

— Будьте на следующем месте через час. — Эш привстала на цыпочки и поцеловала отца в щеку, после чего повернулась ко мне. — Повеселитесь.

Когда они ушли, Мэтт закрыл двери. Практически сразу же я услышала звук закрывающегося затвора: он сфотографировал меня со спины. Я подошла к виолончели и села.

— Пожелания?

Мэтт убрал камеру от лица.

— «Fake Plastic Trees»?

— Ты помнишь?

— Как я мог забыть? — Его взгляд стал тяжелее. В нем появились теплота и желание, но еще в нем читалось небольшое сожаление, и я прекрасно знала, что оно никуда не денется. Я тоже его чувствовала, особенно в этой комнате.

Я начала исполнять сложную композицию, перемежая обычную игру смычком с приемом вибрато²⁴. Мэтт прекратил фотографировать меня и начал просто смотреть. Когда песня закончилась, я подняла на него глаза и увидела, что он улыбался.

— Почему ты перестал снимать?

— Некоторые вещи лучше сохранять здесь. — Мэтт постучал пальцем по голове.

— Согласна, — прошептала я.

Мэтт был от меня в двух шагах. Когда я встала, он схватил мое лицо и с силой поцеловал. Мы оторвались друг от друга всего на одну секунду. Мэтт поставил фотоаппарат на подоконник и открыл затвор. Таймер был включен, и Мэтт вернулся к поцелую, во время которого раздался щелчок закрывшегося затвора, оповестившего нас о том, что мгновение запечатлено.

Я почувствовала руки Мэтта под платьем, и, прежде чем поняла, ощутила, как он стянул с меня белье.

— Сними их, — приказал он, едва дыша.

— Но здесь нет постели.

— Раньше нас это не останавливало.

Я сняла с себя трусики и отшвырнула их в сторону. Когда я подняла взгляд, то увидела, что ремень Мэтта уже расстегнут. Он приподнял меня, чтобы я ногами обвила его талию, и сел на стул. Он оказался во мне уже через секунду, не прерывая поцелуй.

— Я люблю тебя, Грейси. — Из-за его мягкого голоса, раздавшегося у моего уха, я едва не достигла пика в первые же мгновения. Он признался мне в любви, но я об этом и так знала.

Мы двигались медленно и нежно, и этого было достаточно. Наши стоны были тихими и спокойными, и мне хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось. После всего мы долгообнимались.

В конверте на подоконнике был снимок. Это была старая цветная фотография, на которой были запечатлены мы с Мэттом в пижамах, а за нашими спинами тянулось застывшее во времени дорожное движение.

— Как же круто. Я никогда не видела этой фотографии.

— Я проявил ее, когда мы снова встретились. Переверни ее, давай посмотрим подсказку.

«На квартал восточнее седьмой,

Оттуда еще три на юг,

А там найдете рай небольшой».

Мы ушли из общежития с широкими улыбками на лицах.

— Боже, надеюсь, Эш не думает, что мы... — начала я бормотать.

— Вот правда, Грейс, это же она все подстроила.

— Но неэтоже.

— Нам не обязательно рассказывать ей все.

Примерно через полквартила я остановилась.

— Абсолютная откровенность?

— Всегда.

Я уставилась на свои ноги.

— Я почти сделала аборт.

Мэтт устремил на меня пристальный взгляд.

— Что тебя остановило?

— Я не смогла. — Глаза начали слезиться.

— Пожалуйста, не плачь. Это такой счастливый день, счастливейший за долгое время. — Он поцеловал меня.

— Я знаю. Я просто рада, что сделала правильный выбор.

— Я тоже, — подтвердил он тихо, приобняв меня.

Мы обнаружили Эш и Тати у здания.

— Идите сюда, это так круто, — закричала Эш.

Мы вошли внутрь и, оказавшись в помещении, поняли, что это галерея, а у входа стоял мужчина в костюме. Тати представила его владельцем галереи.

— Он согласился развесить фотографии, предложенные Эш, и они ему настолько понравились, что он хочет через пару месяцев устроить выставку.

Я оглянулась, ошеломленная. Вокруг были увеличенные и профессионально обработанные фотографии Мэтта, на которых была я. На первом цветном снимке, который я никогда не видела, я играла на виолончели в комнате старого общежития. Подпись гласила: «Грейс в цвете». Я начала плакать, и по щекам потекли крупные слезы счастья.

— Она прекрасна. Боже, Эш...

Мэтт тоже растрогался, он едва мог говорить. Мы оба зажали Эш в объятиях, и двинулись с ней по галерее, глядя на все эти воспоминания, пока я подмечала талант Мэтта и наблюдала за его реакцией на фотографии, которые были так ценны для него. Вскоре плакали уже все мы, включая Тати.

Когда мы столпились у двери, Эш сказала:

— Есть еще одно место. Мне нужно пойти туда первой, так что дайте мне несколько минут.

— Без подсказок?

— Ага, это сюрприз, — заявила Эш.

Мы все обнялись, после чего Тати проводила Эш к такси. Прямо перед тем, как забраться в машину, Эш прокричала:

— Больше никаких слез!

— Хорошо, дочь! — прокричал в ответ Мэтт.

Как только Эш уехала, Тати подошла к нам и уперла руки в бока.

— Слушайте сюда. Эта юная девушка очень долго планировала все это. Я сказала ей, что это плохая идея, и она пообещала мне, что если все пойдет не по плану, то ее сердце останется целым.

— Ты к чему ведешь, Тати? — спросила я.

— Я пообещала ей, что не буду говорить этого. — Она обратила свое внимание на Мэтта. — Я не знаю, что теперь будет с вашей маленькой странной семьей, но мне нужно сказать кое-что лично тебе. Ты же видел, как я хорошо управляюсь со смычком? — Мэтт кивнул, удивленно улыбаясь. — Я запихну его очень глубоко сам знаешь куда, мой друг, если ты обидишь хоть одну из моих девочек.

Мэтт тут же схватил Тати за плечи и притянул для объятий.

— Я бы не посмел. Они и мои девочки, — сказал он тихо.

Они отстранились друг от друга, и Тати указала на такси за ее спиной.

— Он знает, куда везти вас. Отправляйтесь и найдите вашу дочь.

В черном такси мы с Мэттом взяли за руки. Не думаю, что хоть кто-то из нас ждал остановки у Сити Холла, но именно мэрия оказалась нашей финальной остановкой.

— Как она узнала? — удивился Мэтт.

— Тати, должно быть, рассказала ей. Смотри, вот и она.

Эш сидела на ступеньках и ждала нас.

— Умная девочка, — проговорил Мэтт.

— Наша умная девочка.

— Ну, Грейси, есть ощущение, что ты делаешь что-то безумное?

— Все время. Но прежде чем мы выйдем, мне нужно знать, это для нее или для нас? Я пойду на это в любом случае, но мне необходимо знать.

Мэтт взял меня за руку.

— Грейсленд Мари Старр-Шор-Портер — как бы тебя ни звали, — моя жизнь без тебя была бы ненастоящей. Это была бы просто серия дней, скрепленных кучей сожалений. Но я снова обрел тебя. Это идеальное время, обещаю, сейчас наше время. Ты любовь моей жизни. Я, твою мать, люблю тебя, Грейс. Всегда любил. Я любил тебя, когда не был с тобой, и до этого, и прямо сейчас люблю. Выйдешь за меня?

— Черт подери, да, — прошептала я. Я стиснула руками его лицо и поцеловала. — Давай

устроим для нее представление.

Мэтт вывел меня из такси, и мы встали с ним, держась за руки, не сводя глаз с Эш.

— К чему это все, мелкая? — спросил Мэтт.

Она поднялась на ноги и вытянула руки.

— Идите сюда. Знаете, я справлюсь с ролью свидетеля намного лучше Гэри Баси.

Мэтт посмотрел на нее, подняв брови.

— Не похоже, чтобы она пахла салями, — он пожал плечами.

— Фраза «не похоже, чтобы она пахла салями» войдет в историю как самое чудное предложение руки и сердца в мире, — заявила я.

— Грейсленд, ты называешь меня чудиком?

— Ага, и мне это в тебе нравится.

Эш спустилась по лестнице и встала рядом с нами. Она вся аж светилась.

— Мне следует сделать это правильно, — сказал Мэтт. Он встал на одно колено и взял мою руку. — Грейс, я люблю тебя, а ты любишь меня. Выйдешь ли ты за меня замуж на веки веков?

— Да. На веки веков.

Акт четвертый:

СВИДЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ЖИЗНЬ ПЫЛАЕТ ЯРКО

ЭШ

Мировой судья женил моих родителей, а я была их свидетелем. За все пятнадцать лет я ни разу не видела маму настолько жизнерадостной, любящей и счастливой, как в тот день. Я и представить не могу, что бы было, если бы они не встретились тогда в метро. Они бы влачили одинокое существование, живя двумя отдельными половинами одного сердца, недостижимые друг для друга? Кто знает? Я знаю лишь, что рада тому, что они снова обрели друг друга.

Тем летом мы все отправились в Европу с филармоническим оркестром, а потом все вместе улетели в Калифорнию. Поездка была похожа на грандиозный медовый месяц и семейные каникулы одновременно. Когда мы вернулись, папа переехал к нам. Родители были похожи на влюбленных подростков, чьи лица были приклеены одно к другому. Когда я закатывала глаза, папа смеялся, а мама скулила, что они заслужили это, что они наверстывают упущенное. Мне нравилось немного мучить их. Вообще, было круто, что моих маму и папу так тянуло друг к другу.

Папа оставил лофт, и мы превратили его в художественную студию-офис. Мы назвали ее «Лувр». Мама обожала наблюдать за тем, как мы работали, сама она играла или приносила нам еду, если не преподавала.

Через год после их женитьбы я стала старшей сестрой. Наконец они переключили внимание на кого-то другого. Вообще-то, я вроде как обожаю своего младшего братика. Лео. Он же просто ребенок, разве с ним может быть непросто?

Я знаю, мои мама и папа совершали ошибки и потеряли связь, и благодаря этому я в некоторой степени чувствую себя счастливицей. Кто знает, что было бы, если бы для них все сложилось идеально? Я знаю, что получила двух любящих меня до безумия отцов, и мне довелось увидеть, как мои собственные родители влюбились. Многие ли люди могут этим похвастаться?

Заметки

[

]

Бьюллер — фамилия героя фильма «Выходной день Ферриса Бьюллера» 1986 года, используется в случае, если кто-то игнорирует вопрос.

[

]

Grace (Грейс) – грация, милосердие, добродетель.

[

]

«Häagen-Daz» – кафе-мороженое.

[

]

Контактные отпечатки – печать напрямую с негативов на фотобумагу контактным способом, обычно выполняется фотографом или лаборантом «ручной» печатью в фотолаборатории.

[

]

Для съемки в местах с низким уровнем освещения используется пленка с высокой светочувствительностью. Существует пленка с переменной светочувствительностью, когда во время проявки за счет увеличения времени и температуры проявления (пуш-процесс) можно изменить чувствительность пленки, но с неизбежной потерей качества снимка (растет контраст и увеличивается зерно).

[

]

Прим. пер.: Электрокарт — машинка для аттракциона известного как «Машинки» или «Бампинг».

[

]

«Семейка Брейди» – американский комедийный сериал, выходивший с 1969 года по 1974.

[

]

Сид Вишес – участник группы Sex Pistols, был влюблен в Нэнси Спанджент. Их пара стала легендарной из-за пристрастия к тяжелым наркотикам и благодаря сильным чувствам друг к другу.

[

]

«ПБР» – дешевое пиво «Pabst Blue Ribbon», считающееся студенческой выпивкой.

[

]

«Вита-лучи» – лучи, после воздействия которых в организме хлюпика активизировалась ранее введенная сыворотка, и он стал «Капитаном Америка».

[

]

«Элиот звонить дом» – переделанная цитата из фильма «Инопланетянин» 1982 года.

[

]

«Нану-нано» – знаменитая реплика из сериала 70-80-х «Морк и Минди», произносимая героем, которого играл Робин Уильямс.

[

]

«Отключенный» (Unplugged) – знаменитое шоу на музыкальном канале, где музыканты исполняют свою музыку только на акустических инструментах.

[

]

«VH1» (Video Hits One) — музыкальный телеканал. Создан в январе 1985 года компанией Warner-Amex Satellite Entertainment (в настоящее время подразделение Warner Communications и владельцы MTV).

[

]

«Элеонор Ригби» – песня английской группы The Beatles.

[

]

Grace (Грейс) – грация, милосердие, добродетель.

[

]

Passé – перевод с французского «Проходящее, проходит».

[

]

VHS– видеомагнитофон для кассет.

[

]

Прим. пер.: Джон Колтрейн – американский джазовый саксофонист и композитор

[

]

Госпел – музыкальный стиль, поджанр христианского рока.

[

]

Волновой эффект – это эффект, подразумевающий под собой мысль, будто каждое действие человека оставляет после себя след, оказывающий влияние на других людей.

[

]

Отсылка к строчкам «Поэзия – всего лишь свидетельство жизни. Если жизнь пылает ярко, то поэзия – лишь ее пепел» Леонарда Коэна. Эш с английского переводится как «пепел».

[

]

«Голос Гринвич-Виллидж» – нью-йоркский еженедельник.

[

]

Вибрато – музыкальный прием, когда создается тянущийся вибрирующий звук.